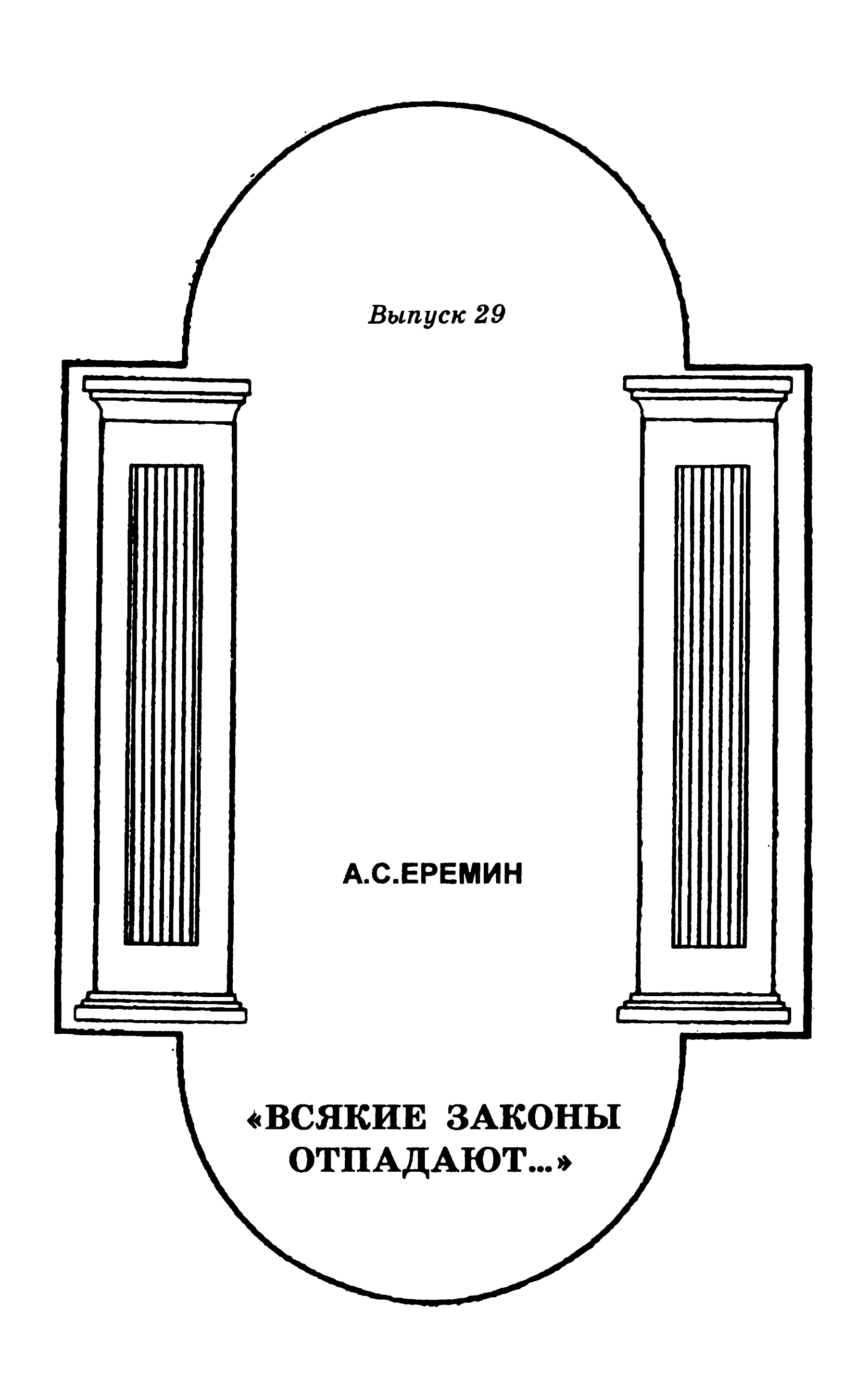
ОЧЕРКИ ИСТОРИИ УРАЛА
Выпуск 29

А.С.Еремин

“Всякие законы отпадают...”

Выпуск 29
А.С.ЕРЕМИН
«ВСЯКИЕ ЗАКОНЫ
ОТПАДАЮТ...»

Серия

"ОЧЕРКИ ИСТОРИИ УРАЛА"

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ УРАЛА

Выпуск 29

А.С.Еремин

«ВСЯКИЕ ЗАКОНЫ ОТПАДАЮТ...»

Коллективизация Ирбитского округа Уральской области

Екатеринбург
2005

ББК 63.3(0)61
Е 70

Книга подготовлена в рамках совместной деятельности историко-краеведческих лабораторий исторического факультета УрГПУ и Ирбитского педагогического училища.

Автор благодарит за помощь некоммерческое партнерство "Возрождение Зауралья".

Научный редактор
д.и.н. Г.Е.Корнилов

Фотоматериалы любезно предоставлены Государственным архивом в г. Ирбите, Ирбитским историко-этнографическим музеем и Тавдинским музеем леса.

Еремин А.С.

Е 70 «Всякие законы отпадают...». Коллективизация Ирбитского округа Уральской области. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005. — 148 с. — (Сер. «Очерки истории Урала». Вып. 29).

ISBN 5-7851-0548-9

В книге рассказывается о коллективизации на территории Ирбитского округа Уральской области. Весной 1930 г. здесь был достигнут самый высокий процент коллективизации среди уральских хозяйств.

Дается широкая панорама событий в ирбитской деревне в "год великого перелома".

Для всех интересующихся отечественной историей.

ББК 63.3(0)61

ISBN 5-7851-0548-9

Предисловие

Неизгладимый след в истории России, всех народов, ее населяющих, оставила коллективизация сельского хозяйства. В ходе ее коренным образом изменился труд и быт российского крестьянства, ушли в прошлое православный менталитет, единоличное хозяйствование, общинное общежитие... Не было такого уголка в сельской глубинке, которого бы не коснулись эти перемены. В горниле коллективизации родилась новая деревня, социалистическая по форме, подневольная по содержанию. В событиях рубежа 20-30-х годов XX века коренятся многие проблемы сегодняшнего сельского хозяйства.

Не удивительно, что «год великого перелома» всегда привлекал к себе повышенное внимание. Лучшие романы трех выдающихся русских писателей второй половины XX века — «Касьян остудный» Ивана Акулова, «Кануны» Василия Белова, «Мужики и бабы» Бориса Можаева — посвящены крутому повороту в жизни русской деревни.

Действие романа Ивана Акулова разворачивается на туринской земле, относившейся по тогдашнему административному делению к Ирбитскому округу Уральской области. Примечательно, что упомянут Ирбитский округ и в романе Бориса Можаева. Связано это с созданием здесь в 1929 г. известнейшего в стране колхоза — коммуны «Гигант». В путеводителе «По советскому Уралу», изданному в 1930 г., писалось: «ПЕРВЫЙ В МИРЕ КОЛХОЗ «ГИГАНТ». В 50 км к юго-востоку от Ирбита, на стыке трех районов — Еланского, Знаменского и Байкаловского, впервые в истории человечества на огромной территории, равной 200 тыс. га, происходит бурное строительство коллективного хозяйства, оставляющее позади себя американские рекорды фермерского строительства, доходящее только до 40 тыс. га.

Впервые в мире свыше 5000 индивидуалистических мелкособственнических крестьянских хозяйств, объединяющих 25 тыс. едоков, отдали на социалистическое строительство 10 тыс.

рабочих рук, 5 тыс. голов лошадей, 12 тыс. голов коров, и, кроме того, свиней, овец, сбрую, плуги, жилища и т.д.».[1]

В 1929-1930 гг. о коллективном строительстве в Ирбитском округе, на полгода ставшем «колхозной столицей» Урала, писали центральные и местные газеты, союзные и уральские журналы, выходили отдельные книги, авторами которых были и деревенская детвора, и профессиональные журналисты, и практические работники. Внес свою лепту в прославление ирбитского опыта и будущий уральский сказочник Павел Бажов, написавший книгу «Пять ступеней коллективизации» (М., 1930).

Затем, на долгие годы, об Ирбитском эксперименте старались не вспоминать. Только с конца 80-х годов вновь стали появляться публикации, посвященные особенностям коллективизации в Ирбитском округе Уральской области. Получил жизнь термин «Ирбитский феномен», теперь закрепленный и в вузовской программе[2]. Однако до последнего времени публиковались только отдельные статьи по данной теме, освещающие определенные аспекты процесса коллективизации Ирбитского округа. Только в рамках издательского проекта «Очерки истории Урала», выстраивающего серию книг по узловым моментам уральской истории, представилась возможность издать отдельную книгу по одному из наиболее ярких событий ускоренной модернизации народного хозяйства Урала.

В предлагаемой читателю книге повествуется о ходе коллективизации на территории Ирбитского уезда Екатеринбургской губернии и Туринского уезда Тюменской губернии, на основе которых в 1923 г. был образован Ирбитский округ Уральской области. Временные рамки охватывают период с 1918 до конца 1930 г., с предельно кратким изложением завершения сплошной коллективизации в Центральном Зауралье.

Книга состоит из двух частей. В первой части рассматривается история собственно колхозного движения, во второй — показаны социальные процессы, протекающие в это время в ирбитской деревне.

Сейчас уже никого не удивить описаниями жестокости сплошной коллективизации и раскулачивания. Автором и не ставилась такая цель. Историк попытались изложить ход событий и понять их содержание. Насколько это удалось, судить читателю.

д.и.н. Г.Е.Корнилов

Введение

От своего зарождения до завершения сплошной коллективизации колхозное движение пережило ряд этапов. Уже сами участники еще не завершившегося процесса попытались выделить основные вехи пройденного пути. Выступая на съезде уполномоченных Ирбитского окрселькустсоюза, состоявшемся летом 1928 г., руководитель секции колхозов С.Колобов сказал: «Колхозное строительство как в нашем округе, так и по всему СССР пережило ряд этапов в своем развитии. 1918-19 гг. были первым этапом бурного развития и роста колхозов, коммун и т.д. Коллективы создавались иногда без всякой материальной основы и без агрономической помощи. С началом новой экономической политики начинается второй период существования колхозов. Хозяйственный расчет, прекращение «собесовщины» повлекли за собой сильный отлив членов колхозов. Много колхозов распалось, остальные стали очень малочисленными». Третий период, по словам Колобова, начался с января 1928 г. и характеризовался новым подъемом колхозного движения[1]. В передовой статье окружной газеты «Голос крестьянина» 8 апреля 1928 г. писалось: «В 1919-20 гг. был бурный рост всевозможных с/х объединений. Но этот рост был стихийным. Не каждый вступающий представлял себе, что такое коллективное хозяйство, как оно должно строиться, его цели и задачи, и что требуется от каждого вступающего. Часть (особенно зажиточные и кулаки) шли в коммуны с целью укрыться от разверстки и трудгужповинности. С введением нэпа многие коллективы не выдержали и развалились. Наступило затишье». Заместитель Колобова на посту руководителя колхозной секции С.Быков в это же время писал, что «после роста [в] 1918-20 гг. нездоровых и неустойчивых форм коллективов, после тяжелых 1921-23 гг., пе-

риода отмирания и ликвидации в силу хозяйственных потрясений значительного числа колхозов и недостаточного руководства колхоздвижения, к настоящему времени колхозное строительство входит уже в здоровое русло»[2]. Последующие события не внесли изменений в принятую периодизацию. Оценивая развитие колхозного движения в округе, работники Ирбитского окрколхозсоюза в начале 1930 г. также выделили три основных этапа. Второй этап они назвали «периодом производственного кооперирования», третий подразделили на ряд подэтапов: 1) с весны 1928 до весны 1929 г., характеризовавшийся ростом всех видов сельскохозяйственных объединений, 2) с весны 1929 г. до осени этого же года, когда основной формой колхозного движения была артель, 3) с конца 1929 до весны 1930 г., во время которого вновь стали преобладать коммуны[3].

Следует согласиться с периодизацией, предложенной практическими работниками Ирбитского округа. Действительно, основные этапы колхозного строительства совпали с главными вехами истории страны: период проведения политики военного коммунизма, нэп, возвращение к прежней политике. Соответственно колхозное движение характеризовалось относительно успешным развитием на первом этапе, прозябанием в условиях нэпа, новым расцветом и бурным ростом на третьем. Последний этап можно подразделить на более мелкие; при этом необходимо выделить осень 1929 г. — начало сплошной коллективизации, и весну 1930 г. — крушение попытки проведения форсированной коллективизации. Эти же рубежи выделяются и в развитии колхозного движения по всей стране, хотя сами этапы были не одинаковы в различных регионах: где-то события приняли более бурный и драматический характер, где-то протекали спокойнее.

В коллективистском движении 20-х годов можно выделить две линии: собственно колхозное движение, возникшее в конце 1919 г. и непрерывно продолжавшееся в дальнейшем, и развитие производственной кооперации, идущее из дореволюционных времен и существовавшее до конца 20-х годов независимо от колхозного движения. Бесспорно, что для появления колхозов имелись предпосылки — в крестьянской среде были романтики, искренне верившие, что только через коллективы можно прийти к всеобщему счастью. Главный архитек-

тор колхозного строительства в Ирбитском уезде Н.Харин разъяснял, что самый совершенный способ обработки земли — «это работа и жизнь коммуны, куда на добровольных началах собираются люди для общей обработки земли и всего, что необходимо для получения продуктов питания и обработки их, когда работают и живут все вместе для общего счастья жизни, при сознании: счастье других есть счастье их самих и несчастье ближних есть порабощение окружающих их, почему здесь все для всех и нет ничего своего собственного, где общий дом, общий стол и скотный двор, и земля в одном пласту»[4]. В деревнях имелись искренние сторонники коллективного земледелия. Бывший крестьянин выселка Медовка Серковского сельсовета Байкаловского района писал 20 апреля 1928 г. в Ирбитскую окрколхозсекцию, прося принять его на учет организатором по коллективизации сельского хозяйства: «Находясь в полном убеждении коллективной жизни, я ознакомился с этим вопросом посредством всевозможной литературы по этому вопросу, даже имел практическое выступление по этому вопросу с гражданами своего выселка. К сожалению, я не мог выступать достаточно [убедительно] на данной почве, пришлось оставить вопрос открытым»[5]. Благодаря наличию таких людей в деревне стало возможным развитие коллективизации сразу с высших форм колхозов — коммун.

В Ирбитском округе получили распространение и идеи утопического социализма. В конце 1928 г. окружная газета опубликовала рассказ-утопию партийного работника М.Сидорова «1947 год», согласно которому в середине 30-х годов на Урале должно было образоваться «одно могучее коллективное хозяйство», после чего бы начался расцвет сельского хозяйства, деревни были бы полностью ликвидированы, труд земледельцев заменили электрические машины и т.д., и т.п. Это не была пустая фантазия, во время проведения сплошной коллективизации отдельные положения утопии М.Сидорова попытались осуществить на деле.

Развитие сельскохозяйственной, в том числе производственной, кооперации, возобновившись после перехода страны к нэпу, продолжалось до конца 20-х годов, когда ее насильно слили с колхозным движением. Весной 1929 г. в Ирбитском округе прошла широкая кампания по созданию посевных товариществ, которые, согласно их уставу, занимали срединное поло-

жение между собственно кооперативами и колхозами. Хотя при проведении кампании по организации товариществ преследовалась, прежде всего, цель расширить посевную площадь, на деле они сыграли и иную роль — стали основой колхозов, возникших летом — осенью 1929 г. Крестьянин с. Харловского пророчески заметил, что «эти товарищества организуются с той целью, чтоб насильно втянуть мужика в коммуну»[6]. По-видимому, на их основе образовывались артели. Таким образом, в колхозном движении лета — осени 1929 г. было два течения: одно идущее от коммун романтического периода 1919-1920 гг., другое — от кооперативного движения, в последнем случае крестьяне предпочитали объединяться в более простые коллективы, нежели коммуны. С конца 1929 г., когда началось повсеместное создание коммун, эти два течения слились. При этом линия развития добровольной кооперации крестьянства была уничтожена, но победа оказалась пиррова: после провала форсированной коллективизации зимы 1929—30 г. под обломками районных коммун оказались погребены и романтические мечты искренних коллективистов, и слабые ростки коммунального общежития, теплившиеся на ирбитской земле все 20-е годы.

Часть I
РАЗВИТИЕ КОЛХОЗНОГО ДВИЖЕНИЯ

Глава 1
Зарождение коллективного землепользования

Принятый II Всероссийским съездом советов декрет «О земле» установил, что форма пользования землей совершенно свободная: подворная, хуторская, общинная, артельная — как решат сами селяне: предпочтение какой-либо из них в декрете не отдавалось. В принятом в январе 1918 г. законе о социализации земли новая власть заявила, что поставленной перед советской Россией целью в области земледелия является развитие коллективного хозяйства, как более выгодного в смысле экономии труда и продуктов, в целях перехода к социалистическому хозяйству. Особенно активизировались настроения в пользу коллективных хозяйств после I Всероссийского съезда комбедов, коммун и земотделов, состоявшегося в декабре 1918 г. Делегаты были настроены весьма радикально: они открыто говорили, что уже наступила возможность осуществить «поворот от уравнительной социализации земли, которая явно недостаточна и не удовлетворяет потребностям момента, к коллективизации сельского хозяйства»[1]. По решению съезда 1 января 1919 г. при Наркомземе был образован отдел обобществления сельского хозяйства, который стал осуществлять государственное управление советскими и коллективными хозяйствами. На основе рекомендаций съезда 13 января 1919 г. ВЦИК принял положение «О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию», которое давало совхозам и колхозам преимущество при проведении землеустройства, обязывало государственные органы оказывать колхозам всяческое содействие в обеспечении машинами, скотом, семенами, предоставлять агрономическую и культурно-техническую помощь. «Положе-

ние» устанавливало, что колхозы подчиняются контролю Наркомзема, осуществляемому им непосредственно и через его местные органы.[2]

Проводившаяся в это время политика военного коммунизма создала благоприятные условия для проведения коллективизации. Стремясь избавиться от продразверстки и трудповинности, определенная часть крестьянства стала вступать в колхозы. 1918-1920 гг. характеризовались неуклонным развитием колхозного движения: если в 1918 г. было коллективизировано 16 400 крестьянских хозяйств республики, то в 1920 г. уже 131 тыс., уровень коллективизации крестьянства поднялся с 0,1 до 0,5%. В начале декабря 1919 г. состоялся I съезд земледельческих коммун и сельхозартелей, созванный для создания всероссийского союза трудовых производственных сельскохозяйственных коллективов (коммун и артелей).

Однако бурный процесс образования колхозов сопровождался параллельным процессом абсолютного падения производительных сил деревни. К тому же скороспелые артели и коммуны были весьма слабыми в хозяйственном отношении. «Я знаю, — говорил В.Ленин в декабре 1920 г., — что колхозы еще настолько не налажены, в таком плачевном состоянии, что они оправдывают название богаделен»[4]. «Грозные последствия падения производительных сил деревни, — писали сотрудники Наркомзема, — вырождающейся в своей массе до уровня самоедского хозяйства, заставили советскую власть пересмотреть свою экономическую политику и, начиная с VIII съезда советов (состоялся в конце декабря 1920 г. — А.Е.), декретировать крестьянству целый ряд уступок, отменяя разверстку, разрешая свободу торговли, и т.д.». В развитии коллективизации акцент был перенесен с преимущественной организации коммун на создание более гибких производственных объединений, в основном артелей и тозов.

Первая половина 1921 г. по-прежнему характеризовалась дальнейшим ростом колхозного движения: численность коллективов с 10 500 в 1920 г. увеличилась до 16 012 в 1921 г.[6] Однако начинавшийся отказ от политики военного коммунизма и переход к нэпу привел к дальнейшему изменению отношения советского правительства к колхозам. 13 июля 1921 г. коллегия Наркомзема приняла постановление, по ко-

торому колхозы стали рассматриваться высшей формой производственной кооперации в сельском хозяйстве[7]. Через месяц произошло восстановление самостоятельности сельскохозяйственной кооперации.

Последовавшая передача колхозов в ведение сельхозкооперации, предоставление им экономической свободы, когда они должны были действовать «на свой страх и риск», привели к кризису коллективного сектора: численность колхозов сократилась до 12 028[8]. Признавая провал старой аграрной политики, нарком земледелия А.П.Смирнов писал: «Мы раньше пытались достичь накопления средств в сельском хозяйстве путем создания коммун. Но коммуна, как массовая форма хозяйства, не удалась, потому что она была совершенно непривычна для населения и, как все новое, пугала его»[9].

Однако учитывая, что колхозы имели «очень прочные симпатии к революции и советской власти» и были «надежными форпостами революции»[10], государство по-прежнему оказывало посильную помощь социалистическому сектору деревни, спасая его от полной ликвидации.

Коллективное движение на Урале зародилось в конце 1917 г. к лету 1918 г. на контролируемой советскими властями территории имелось уже около 70 коммун и артелей, к осени их численность возросла до 189. Одновременно началось создание советских хозяйств: уже в ноябре-декабре 1917 г. на Урале было организовано 8 совхозов, к концу 1918 г. их имелось около 60[11]. В начале сентября 1918 г. в Перми состоялся первый губернский съезд делегатов комбедов, трудовых коммун, уездных земотделов и волостных совдепов, участники которого обменялись и мнениями о путях развития коллективного земледелия. Это был первый подобный съезд в РСФСР[12].

После того, как летом 1919 г. на всем Урале вновь была восстановлена советская власть, коллективное движение развернулось с новой силой. По состоянию на начало 1920 г. в Екатеринбургской губернии имелось 43 коллектива: В Екатеринбургском уезде — 13, Верхотурском — 4, Камышловском — 1, Ирбитском — 1, Шадринском — 6 и в Красноуфимском — 4. К октябрю 1920 г. численность губернских колхозов возросла до 144 хозяйств, в них насчитывалось 10 595 работников, по всему Уралу имелось 443 колхоза с

26 669 работниками[13]. В конце года прошли уездные и губернские съезды представителей коллективных хозяйств, на которых были подведены первые итоги развития социалистического земледелия. В 1921 г. рост колхозов продолжался, достигнув 714 хозяйств. Однако начинавшийся переход к нэпу привел к кризису социалистического сектора на Урале: в 1923 г. здесь осталось 445 колхозов, их удельный вес в сельскохозяйственном производстве Урала был ничтожен[14].

* * *

Работа по организации коллективных хозяйств в Ирбитском уезде началось одновременно с утверждением советской власти. 20 марта 1918 г. уездные земельный комитет и земская управа были упразднены, и вместо них организован земельных отдел при уездном совдепе. Вслед за этим началось создание волостных земотделов. В инструкции ирбитского уездного земельного комиссара Гусева, разъяснявшей организацию советской власти в волостях, отмечалось, что среди прочего земельный отдел «помогает образованию среди населения сельскохозяйственных коммун, товариществ, артелей»[15]. Уже в это время деятельность по созданию колхозов вышла за рамки декларативного характера. По волостям уезда было разослано отпечатанное в ирбитской типографии «Обращение областного комиссара земледелия ко всем советам крестьянских и рабочих депутатов» от 15 апреля 1918 г., содержащее сильно иделогизированный проект устава трудовой сельскохозяйственной коммуны. Тогда же были предприняты и первые практические попытки организации коллективных хозяйств. Свержение летом 1918 г. советской власти в Ирбитском уезде войсками Временного Сибирского правительства прервало начинавшуюся работу по коллективизации крестьянских хозяйств, но образование колхозов продолжалось и при белогвардейцах. Так, в марте 1919 г. в Ирбите организовалась сельскохозяйственная артель «Пахарь», просуществовавшая до перехода республики к нэпу.

Восстановление летом 1919 г. в Ирбитском уезде советской власти привело к возобновлению работы по коллективизации. 23 сентября 1919 г. при Ирбитском уездном земельном отделе было организовано отделение обобществления сельского хозяйства, а 22 декабря коллегия уземотдела зарегист-

рировала первую коммуну уезда, созданную хуторянами Гольского земельного общества Пьянковской волости[16]. Но так как в основной массе сельского населения отношение к коммунам было отрицательным, отделение обобществления планировало сначала приступить к организации простейших производственных объединений, рассматривая их как переходную ступень от существовавшей тогда формы землепользования к коллективной. Однако в условиях нетерпеливого стремления к осуществлению заветной цели, в следующем году сразу начали создание коммун и артелей, к июлю 1920 г. в уезде было организовано 11 коллективов: 4 коммуны и 7 артелей, в которые вошло 88 семей с 384 едоками[17].

Состоявшийся в сентябре 1920 г. третий уездный съезд советов работу земельного отдела по созданию коллективных хозяйств признал малоудовлетворительной. Невысокий темп коллективизации заведующий отделением обобществления Н.Т.Харин объяснял тем, что стремление крестьян в деле улучшения своих хозяйств было «пока еще эгоистическое, благодаря отсутствию помещиков и крупных землевладельцев», дальше коллективного изготовления промышленных изделий, «дающих карманные барыши», они не шли[18].

Вспоминая об этом времени, А.Караваев и А.Сосновский в 1929 г. писали: «...их (коммун. — А.Е.) организаторами почти всюду были молодые деревенские коммунисты. Состав их комплектовался частично из партизан, дравшихся с Колчаком, демобилизованных красноармейцев и деревенских передовиков, из коих некоторые участвовали еще в революционном движении 1905 года. Но эти колхозники в это время далеко еще не были коммунарами. Идя в колхозы, они во многом оставались частными собственниками, «единоличниками». Некоторые из них оставляли за собой в деревне усадьбу, землю, а иногда и семью. В коммуне землю они получали из госфонда, из госфонда же получали они и часть построек или сооружали эти постройки из бесплатно полученного леса»[19].

«Побудительными мотивами» к созданию коллективов, по словам их организаторов, были «те права и преимущества, которые оказываются колхозам в смысле снабжения землей, орудиями, семенами и т.п.». Возглавлявший отдел землеустройства Екатеринбургского губземотдела Собешкин задним

числом (в начале 1922 г.) признал, что «коллективная форма сел[ьского] хозяйства укрывала крестьянство от продразверстки и трудповинности, что было очень кстати шкурническому элементу деревни». Посетивший Ирбитский округ в 1929 г. журналист Г.Тимофеев, говоря о первых колхозах, заметил, что идущие в коммуну думали, что там можно «сидеть, сложа руки, ничего не делая». Работники окружных организаций, вспоминая об этом периоде колхозного движения, писали в 1926 г., что «в с/х коммуны шли все и вся попытать коммунального счастья». Насильственно (путем прямого принуждения), за немногими исключениями, в колхозы тогда не гнали. Упомянутый Собешкин отмечал, что коллективизация 1919-1921 гг. проводилась для «желающего крестьянства»[20].

4-5 июля 1920 г. Ирбитский уземотдел провел первый уездный съезд представителей коммун и артелей, на который прибыли делегаты от 10 коллективов. На съезде был образован уездный союз сельскохозяйственных коллективов общей обработки земли, принят его устав, выбраны совет и ревизионная комиссия. 5-6 декабря 1920 г. состоялся второй съезд ирбитских колхозов, где присутствовали представители 8 коллективов. Выступая на его закрытии, заведующий Ирбитским уземотделом Н.Чернов подытожил: «Я был на первом съезде представителей колхозов и тогда вынес впечатление, что члены его как бы осматривались, и в их словах сквозило какое-то недоверие. Настоящий же съезд представляет совсем другое. В отношении членов съезда видна уже уверенность в силе, доверие к делу. Они, очевидно, уже укрепились в мысли, что это дело является и будет прочным. Они уже, это ясно, думают оставаться в коллективах и упрочить их. В этом сказался результат опыта, сделанной работы...»[21].

Несколько дней спустя состоялся VIII Всероссийский съезд советов, ставший поворотным моментом в аграрной политике советского государства. Если раньше особого внимания на единоличные хозяйства не обращалось, то теперь правительство попыталось вовлечь крестьянское сельскохозяйственное производство в общую схему социалистического народного хозяйства. Это не означило отказа от работы по вовлечению единоличников в коллективные объединения, а только перемещало центр тяжести на организацию «всего крестьянского хозяйства». Старые колхозы должны были по-прежнему по-

лучать со стороны земорганов всемерное содействие и поддержку.

Очевидно, что рассчитанная на более продолжительный период времени работа по коллективизации тогда была невозможна, сам факт обращения правительства к единоличным крестьянским хозяйствам показывал, по меньшей мере, уступку в колхозном строительстве. И хотя развитие коллективизации в Ирбитском уезде пока еще по-прежнему шло по восходящей линии, уже наметился перелом.

Еще до того как до низов были доведены постановления VIII съезда советов, в самом конце 1920 — начале 1921 г. состоялся второй съезд представителей волостных земельных отделов Ирбитского уезда, который вынужден был констатировать, что «пока существование коммунального хозяйства в широком государственном размере не представляется возможным». Тем не менее, участники съезда высказались за «добровольное насаждение» коллективов[22].

В первой половине 1921 г. в Ирбитском уезде продолжилась организация коллективных хозяйств, в это время возникло 10 коммун и 5 артелей. К лету 1921 г. общая численность колхозов в уезде составила 16 коммун и 11 артелей[23]. Но к этому времени на колхозном движении сказался начавшийся переход республики к нэпу. 23 августа Екатеринбургский губколсовхоз разослал по уездам губернии письмо, в котором было разъяснено новое положение колхозов. Коммуны и артели теперь рассматривались как кооперативные организации, действующие на основе «самодеятельности и собственной ответственности за успех дела». Поэтому колхозы снимались с бесплатного государственного снабжения и должны были перейти к товаробмену, продразверстка отменялась, и они переводились на продналог на общих основаниях. Правда, на кооперативное положение переводились не все коллективы, часть их должна была остаться на государственном снабжении наравне с совхозами, отличие от которых выражалось в «добровольном участии и в выборном управлении», к этой группе должны были быть отнесены наиболее жизнеспособные коллективы[24].

Создавшееся положение обсуждалось на уездном съезде колхозов, состоявшемся 10 сентября. Из-за засухи урожай у ирбитских коллективов был невысокий, некоторые даже оказались не

в состоянии обеспечить себя продовольствием. В этих условиях уплата продналога ложилась на них тяжелым бременем. Делегаты прямо заявляли, что чувствуют в переводе их на кооперативное положение «смертельную рану, не зная, что предпринять в дальнейшем». В начале принятого по этому поводу съездом постановления было записано: «Принимая во внимание, что с/х коллективы Ирбитского уезда организованы преимущественно из беднейшего населения, которое, идя навстречу советской власти, отдавало все свои умственные и физические силы, съезд полагал бы, [что] при всесторонней поддержке со стороны правительства, оно (беднейшее население. — А.Е.) сумеет стать лучшим примером и тем самым повести трудовые крестьянские массы к светлому будущему». Смея «доказать свою преданность в деле строительства коммунистического общества», делегаты просили Екатеринбургский губколсовхоз оставить большинство колхозов Ирбитского уезда на государственном снабжении. Для тех же, которые «по уважительным причинам» будут переданы кооперации, предоставить различные льготы, в том числе и по продналогу[25].

Требования были заведомо невыполнимы. В коллективах началось падение «духа производительности», вскоре вылившееся в агонию колхозной системы, выходы из коммун и артелей приняли массовый характер. Начальник Ирбитского уземуправления К.Соболев требовал от выходивших «отчитаться перед республикой и властью мозолистых рук». Так как уже был утвержден план посевной кампании 1922 г., и выдана государственная семенная ссуда, возвращение семян, сельскохозяйственного инвентаря и рабочих лошадей выходившим запрещалось, «дабы не нарушать государственное поднятие (посевной. — А.Е.) площади, с одной стороны, и уничтожения шкурничества, для захвата воспользовавшегося выдачей семссуды, прикрываясь коллективной обработкой земли и посева [с другой]»[26].

Однако в условиях свертывания политики военного коммунизма и определенной либерализации хозяйственной жизни остановить выходы из колхозов было уже невозможно. Возникшие при этом споры разрешались в судах, где замечалось негативное отношение к коллективам. Связано это было с тем, что, как заявил один из ирбитских правозаступников,

«все коммуны и артели устроили свое благополучие за чужой счет»[27].

В результате подавляющее большинство ирбитских колхозов в начале 20-х годов прекратили свое существование: некоторые просто распались, другие образовали новые земельные общества, третьи реорганизовались в кооперативные артели.

* * *

Работа по коллективизации единоличного крестьянства в Туринском уезде Тюменской губернии началась после вторичного утверждения здесь советской власти. В конце сентября 1919 г. заведующий Туринским уездным земельным отделом П.Неймышев запретил до выработки потребительно-трудовой нормы раздел церковных, монастырских и других земель «нетрудовых хозяйств», и, «задаваясь целью повышения производительности сельского хозяйства», предложил волостным земотделам применить на них общественную обработку земли, совместно должен был быть убран урожай у хозяйств, неуспевавших снять его до наступления заморозков, землепашцам г. Туринска, которым не хватало живого или мертвого инвентаря, Неймышев предложил объединиться в артели[28].

Вскоре в уездный земельных отдел начали поступать ходатайства об образовании коллективов. 6 октября в дер. Чернышевой Липинской волости организовалась коммуна «Освобожденный сибиряк», которая просуществовала до весны следующего года[29]. 15 ноября коллегия Туринского уземотдела постановила «ввиду того, что среди трудового народа созрела мысль о ведении сельского хозяйства на коммунальных началах», образовать бюро по организации сельскохозяйственных коммун[30]. Однако вывод о созревании у туринцев коллективных навыков оказался поспешным: 17 февраля 1920 г. коллегия уземотдела вынуждена была констатировать массовое стремление у переселенцев к уходу со своих участков на разработанные монастырские, казачьи и старожильские земли якобы для образования на них коммунальных артелей. Для пресечения данного явления постановили впредь без обследования бытовой и экономической сторон жизни переселенцев земли не передавать[31].

По состоянию на весну 1920 г. в Туринском уезде была зарегистрирована одна сельскохозяйственная коммуна «Борец», отличавшаяся немыслимой бесхозяйственностью[32], и три «коллектива, объединившихся для обработки земли на коллективных началах», на монастырской заимке были организованы совхоз и молочная ферма[33]. В отчете Туринского уземотдела за период с 1 мая по 25 октября 1920 г. по отделению обобществления сообщалось: «Здесь за последнее время нет ни заведующего, ни делопроизводителя. Это безусловно крупный недочет, ибо здесь мы ощупываем новые формы землевладения и с[ельского] хозяйства». Ни одного постоянного работника за весь отчетный период времени не было, все временные, случайные, которые перебрасывались на работы в другие учреждения». В уезде имелись одна коммуна, совхоз и «до 5-ти с[ельско]хозяйственных артелей, еще только укладывающихся в рамки артели»[34].

28-29 декабря 1920 г. Туринский уземотдел провел съезд представителей сельскохозяйственных коллективов, на который прибыли делегаты от 7 колхозов. Два дня работы заняли доклады с мест, после чего участники съезда вынесли «друг другу пожелания о плодотворной работе на этой почве и необходимости борьбы с хозяйственной разрухой». 8 февраля 1921 г. состоялся второй съезд, на который прибыли представители от 9 коллективов. Собравшиеся заслушали доклад о деятельности уездного бюро коммун. Заведующий бюро Решетников указал, что «бездействие возникло вследствие недостатка рабочих рук и ему приходилось работать урывками одному, а потому, в силу создавшихся таких условий, не было никакой физической возможности проявить энергичных работ, все же делалась со стороны уездбюро при наличии одного работника по силе возможности»[35].

В сентябре вместо подотдела обобществления сельского хозяйства Туринского уземотдела было образовано управление усовколхоза. В это время в уезде существовало 7 коллективов. Реорганизация не привела к улучшению дела, в докладе уземотдела за февраль 1922 г. было отмечено, что усовколхоз, «за отсутствием опытного руководителя, способного развить для коллективизации труда, не проявляет в своей деятельности положительных сторон, и сводит свою работу исключительно к выполнению текущей переписки»[36].

28 октября 1921 г. коллегия Тюменского губсовколхоза определила колхозы губернии, которые должны были остаться на государственном плановом снабжении после перевода коллективов на кооперативное положение. В Туринском уезде таковых не оказалось[37]. Потеряв «надежду на сильную и постоянную поддержку со стороны правительственных органов», немногочисленные колхозы уезда быстро распались.

Коллективизация в Туринском уезде, против Ирбитского, протекала гораздо слабее. Особенностью ее было то, что это был колонизирующийся край: большую часть коллективов организовало не старожильческое население, а переселенцы. В артель («социалистическую организацию») «Северную» вошли выходцы из 7 губерний (Новгородской, Вологодской, Ярославской, Костромской, Калужской, Пермской и Тобольской), проживавшие с мая 1918 г. в Туринской Слободе и работавшие по найму у местного населения. Таким же образом возникла артель «Красный бор» Куминовской волости, которую организовали переселенцы из Европейской России, выехавшие в 1918 г. на переселенческие участки Ишимского уезда, но, застигнутые гражданской войной, вынуждены были остановиться в Туринском уезде. Образовывали колхозы и переселенцы, ранее поселившиеся здесь. Несколько коллективов было создано служащими и рабочими Туринска, возделывавшими землю в свободное время, после начала экономического подъема республики они прекратили свое существование.

* * *

Годы военного коммунизма стали временем первой коллективизации. Ее значение в советской историографии принижалось, сводясь только к «первым шагам коллективного земледелия». Однако беспристрастный анализ вынуждает констатировать, что это были не робкие ростки нового способа хозяйствования, а довольно значительная хозяйственно-политическая кампания, закончившаяся полным провалом. В отличие от сплошной коллективизации 1929-1932 гг., на проведение которой были брошены все основные силы партии и советского государства, эта занимала весьма скромное место в повседневной жизни страны. Для ведущей войну республики гораздо более важную роль играли такие кампании, как хлебные и сырьевые заготовки, проведение трудовых и гужевых

повинностей, или же борьба с массовым дезертирством из Красной армии. Работа по колхозному строительству оказалась на задворках забот советского государства. Первая коллективизация была ненасильственной: в основном использовались косвенные способы давления на единоличное крестьянство — освобождение от различных повинностей и оказание финансовой и материальной помощи. Как только государство отказалось от содержания нежизнеспособных коллективных хозяйств, крестьяне оставили их, вернувшись к индивидуальному хозяйствованию.

Глава 2
Коммуны Ирбитского округа в годы нэпа

Прошедший в начале 20-х годов переход советской республики к нэпу, приведший к временному свертыванию директивной экономики, восстановлению товарно-денежных отношений, переводу хозяйствующих субъектов на хозрасчет, когда они сами отвечали за результаты своей хозяйственной деятельности, стал тяжелым периодом в развитии колхозного движения. Особенно трудной была первая половина 20-х годов, когда советское правительство, проводя жесткую финансовую политику, не могло оказывать колхозам значительную финансовую помощь.

Динамика колхозного движения за этот период по республике в целом точно не установлена. Достаточно точные сведения имеются только на середину 1927 г., когда насчитывалось 14 832 реально существовавших колхоза, они объединяли 194 700 крестьянских дворов или 0,8% общего числа индивидуальных хозяйств страны. Основная масса колхозов в это время располагалась в зерновых районах республики, где в годы нэпа произошло действительное возрастание числа коллективных хозяйств[1].

Особое внимание на колхозы было обращено в 1926 г. 30 декабря ЦК ВКП(б) принял постановление «Об итогах совхозного и колхозного строительства», которое впоследствии было одобрено XV съездом партии, все основные положения этого постановления вошли в текст закона «О коллективных хозяйствах», принятого ЦИК и СНК СССР 16 марта 1927 г.

«Значение колхозов в деле социалистического переустройства сельского хозяйства, их роль в организации деревенской бедноты, — говорилось в постановлении, — диктуют необходимость всемерной и действительной поддержки этого движения со стороны партии и государства». При этом было отмечено, что укрепление колхозов являлось «лишь частичным и далеко не достаточным»[2].

Разработанные ЦК ВКП(б) мероприятия несколько подняли значение колхозов и содействовали развитию колхозного движения. В это время произошло восстановление центральных органов управления колхозами, ликвидированных после перехода страны к нэпу. В 1925 г. был организован Всесоюзный совет сельскохозяйственных коллективов (Всесоюзный совет колхозов), являвшийся совещательным органом при Сельскосоюзе, а весной 1927 г. создан Всероссийский союз сельскохозяйственных коллективов (Колхозцентр РСФСР). Осенью 1929 г. они объединились, образовав единый орган — Колхозцентр СССР и РСФСР[3].

На Урале за годы нэпа произошло значительное уменьшение числа коллективных хозяйств и резкое сокращение их членов. По состоянию на конец 1927 г. в Уральской области имелось 469 колхозов[4], основная масса коллективов была сосредоточена в сельскохозяйственных районах Южного и Центрального Зауралья, которые и стали основной базой коллективного земледелия на Урале в канун XV съезда ВКП(б).

* * *

Подводя итог первого года существования Ирбитского округа, работники окрзу, касаясь состояния коллективного сектора, в своем отчете писали: «...Ирбитский округ есть округ общинного землепользования. Товарищеское землепользование в крупных размерах не развилось. Да и то, которое образовалось стихийно после революции, сокращается. Это объясняется тем, что в округе не было частновладельческих национализированных имений с оборудованием, на основе которых во многих других местах образовались колхозы. Ирбитские же колхозы образовались исключительно на крестьянских землях, почти без всякого живого и мертвого инвентаря. Эта беднота организовавшихся было колхозов при всех работах вручную не могла скоро накопить коллективных навыков у

членов, и половина коллективов распалась, перейдя опять к прежней общин[ной] форме землепользования и к единоличному труду. Оставшиеся колхозы также очень слабы, а потому служить образцом для окружающего населения пока не могут»[5].

Хотя здесь и говорится, что товарищеское землепользование в 1924 г. продолжало сокращаться, можно констатировать, что к этому времени произошла определенная стабилизация положения — ликвидации колхозов прекратились. Правда, выходы из уцелевших коммун по-прежнему продолжались. Состояние коллективного сектора Ирбитского округа в это время видно из *табл. 1.*

*Таблица 1. Кооперативно-колхозные объединения Ирбитского округа в 1924-1925 гг.**

Виды объединений	На 1 января 1924 г.		На 1 января 1925 г.		Среднее число членов	
	Число объединений	Число членов	Число объединений	Число членов	На 1 января 1924 г.	На 1 января 1925 г.
Кооперативные артели	21	465	45	1 275	22	28
Коммуны	8	314	8	181	39	20
Машинные товарищества	8	92	14	249	12	17

** ГАвИ. Ф. 192. Оп. 1. Д. 25. Л. 12.*

Как видно, в середине 20-х годов основную часть производственных кооперативов составляли сельскохозяйственные кооперативные артели и машинные товарищества. Многие из них были «дикими» — не состояли членами в окрселькустсоюзе. По мнению сотрудников окрузу, это являлось главной причиной их захудалости и распадов. Считая такое положение ненормальным, руководство земельного управления в конце 1925 г. предложило окрселькустсоюзу повести на местах серьезную организационную работу, так как сельскохозяйственные артели и машинные товарищества были объединениями, «ведущими в целом сельское хозяйство в социалистический мир производства, втаскивают крестьянское хозяйство в государственное

плановое производство»[6]. Однако видимых последствий это обращение не имело.

После неудачи с поспешной коллективизацией времен военного коммунизма, методы воздействия на крестьянство были изменены. Сейчас ставка делались на постепенное подведение сельского населения к коллективному способу хозяйствования. Свою роль в этом должны были сыграть возникшие тогда при участковых (районных) агрономах сельскохозяйственные советы. Заведующий землеустроительным подотделом окрзу Шумков писал: «Агитация словом и примером за организацию общественных запашек, общественную обработку сенокосов должна быть важнейшей работой сельскохозяйственных советов. С этой стороны сельскохозяйственные советы должны вдохнуть в деревню новый дух, построить новые земельные объединения, на новых хозяйственных началах»[7]. Однако все же основное значение отводилось сельскохозяйственной кооперации, которая окончательно оформилась в 1924 г. Подводя итоги первого года своей работы, правление Ирбитского окрсельскустсоюза заключило: если удастся провести намеченные мероприятия (прежде всего, вовлечь в кооперативное движение «пролетарские элементы деревни», чтобы работа протекала на «здоровых началах»), то «система с/х кооперации н[ашего] округа станет действительно фактором крупного значения в коллективизации сельского хозяйства»[8].

Какие были взгляды в это время у работников-практиков Ирбитского округа на ближайшее будущее крестьянского хозяйствования, отчетливо видно из материалов первого окружного совещания земельных работников, состоявшегося в начале марта 1925 г.[9] Выступая с докладом о перспективном плане землеустроительных работ в Ирбитском округе, уже цитированный нами Шумков, в частности, сказал: «В отношении форм землепользования, которая избирается устраивающимися, надо возбуждать интересы населения к товарищеской форме. Полная коллективизация, без взаимного знакомства членов, по опыту прежнего, оказалась нежизненной, но не надо увлекаться и единоличной формой — хуторами и отрубами — так как это создает собственнический взгляд на землю, а это затормозит переход к общественной обработке. В ближайшем [будущем] форма землепользования будет общинной, но надо стараться постепенно переходить к товарищеской».

Выступая в прениях по этому докладу, землемер Сосновский указал, что «цель землеустройства — поднять интенсификацию сельского хозяйства. Ленин выражал мысль, что крупное землевладение содействует производительности хозяйства, но Милль и Роберт не согласны с этим. Практика заграницы — Дании, Германии — говорит обратное. Совхозы, которые насаждаются теперь, не достигают больших результатов: урожайность не более 50 пудов, тогда как мелкое хозяйство в Дании получает по 120 пудов с десятины. Форма землепользования не имеет существенного значения, а важно проведение коренного улучшения земель».

Возражая Сосновскому, начальник Ирбитского окрзу Журавлев сказал: «...наша экономика переплетается с политикой, и поэтому-то необходимо остановиться на коллективном труде, а не на индивидуальном, т.к. последняя форма может дать эффект только в ближайшие годы, но нам нужно глядеть много дальше. В наших условиях вопрос о форме землепользования давно ясен». В заключение Журавлев заявил: «Против старой общины ведется борьба, но и хутора не выход. Должна остаться форма, при которой легко доказать пользу кооперирования».

Очевидно, что местные работники рассматривали современное им состояние крестьянского землепользования как временное, и в будущем, правда, еще неопределенном, должна была проведена повторная коллективизация.

В это же самое время ирбитские колхозы обследовал агроном-инструктор по коллективному земледелию Тихонов. Он в них обнаружил, с одной стороны, полную бесхозяйственность, вскормленную государственными подачками, а с другой — отсутствие культурного быта и агрономической помощи, что чуть не привело часть коммун к гибели. По мнению Тихонова, все ирбитские коммуны «страдали отсутствием руководящих начал, т.е. не знали за что в первую очередь браться, чтобы поднять хозяйственную культуру. Одни бросались за сооружение громоздких, городского типа, промышленных сооружений, примером чего может служить коммуна «Федерация» (Еланского района. — А.Е.), построившая литейную мастерскую, на которую были израсходованы кредиты, взятые на постройку скотных дворов, а видимого хозяйственного результата она совершенно не дала. Другие коммуны бросались в торговую спекуляцию по скупке у крестьян хлеба и сбыту его окружному

союзу с/х кооперации. Примером такой коммунальной нелепости является коммуна «Республика» (Байкаловского района. — А.Е.), которая на этом деле пролетела, получив убыток. Третья, особая группа пассивных коммун, находилась в организационно-хозяйственной спячке. Они более походили на крупносемейные хутора, чем на с/х коммуны».

Хотя, похоже, Тихонов не питал особых надежд на успехи ирбитских колхозов, он все же считал необходимым «предохранить коммуны от развалов и тем [не дать] подорвать идею коллективизации сельского хозяйства», так как полагал: «Путь к социализму только один, который указал нам Владимир Ильич Ленин, через кооперацию, и, в частности, через коммуны, как высшую форму кооперации труда»[10].

В начале 1926 г., по инициативе Ирбитского окружкома ВКП(б), было проведено обследование коммун округа, тщательному изучению подверглись три специально отобранных коллектива. Проводившая обследование комиссия пришла к заключению, что ирбитские колхозы или находились в стационарном состоянии, или даже по-прежнему продолжали мельчать. Объяснялось это тем, что «после разрушительных массовых выходов членов, которыми богаты 1921 и 1922 гг., оставшееся ядро коммунаров не рискует больше принимать новых членов. Это с одной стороны, а с другой — объясняется тем, что само крестьянство успело присмотреться к коммунам и не особенно охотно идет в них, лишь загнанные нуждою крестьяне рискуют время от времени подавать заявления. До сего еще времени крестьянство не особенно лестно отзывается о коммунах, а отсюда едва ли можно ждать, что в ближайшее время крестьянство пойдет в коммуны».

Коснувшись хозяйственного состояния коллективов, комиссия пришла к малоприятному выводу, что «коммуны далеко не могут являться крупными сельскохозяйственными предприятиями, построенными на полном хозяйственном саморасчете, а представляют из себя до некоторой степени собесовскую организацию, которая без государственных подачек и поддержки не может жить. Стоит только обратить внимание на членский состав, как быстро в глаза бросается такое явление, что трудоспособных мало, трудоспособные переобременены нетрудоспособными и едоками. Замечается большесемейственность и т.д.»[11].

Причины продолжавшихся, хотя и немногочисленных, вступлений единоличных крестьян в ирбитские коммуны, сотрудники окружного селькустсоюза объясняли тем, что «в современных колхозах есть еще возможность укрыться от крайней нужды, которая нетерпима бывает в одиночку, и еще не изжита у вступающих и принимающих надежда на государственную помощь»[12].

Подводя итог хозяйственной деятельности за 1925/26 г., правление окрселькустсоюза писало в отчетном докладе: «Коллективное земледелие в Ирбитском округе большего распространения не получило по причине неусвоения населением высших организационных форм коллективизации. Населению более понятны простейшие виды кооперативов, как с/х артели и машинные т[оварищест]ва, в которые оно организуется более уверенно, но тем не менее в округе имеется 8 колхозов-коммун, организовавшихся в период 1920-21 годов. Эти 8 коммун, перенесшие все бедствия голодных годов, ныне начинают несколько крепнуть»[13]. Последнее заявление, как будет видно ниже, было далеко не бесспорным.

Изменение численности сельскохозяйственных производственных объединений за 1925-1927 гг. видно из *табл. 2*. Проанализировав эти сведения, сотрудники Ирбитского окрзу заключили: «Отсюда очевидно, что при современном укладе деревенской жизни и хозяйственном состоянии крестьянского двора наиболее понятной и приемлемой формой кооперирования, после с/х товариществ, являются пока лишь простейшие виды кооперативов: машинные товарищества и с/х [кооперативные] артели, а также специальные, как маслодельные артели, коневодные товарищества и проч. К более же высшим формам коллективизации, как трудовые земледельческие артели, т[оварищест]ва по совместной обработке земли и, наконец, коммуны, крестьянство наше пока мало подготовлено, даже наиболее передовое, о чем свидетельствует распад в текущем году двух коммун и переход их на устав с/х [кооперативной] артели и машинного товарищества. Эти обстоятельства приходится учесть при построении мероприятий кооперативной работы и колхозного строительства в округе, и, наравне с укреплением и развитием сети с/х кредитных товариществ, обратить самое серьезное внимание на развитие машинных товариществ, особенно транспортных, и с/х [кооперативных] арте-

*Таблица 2. Кооперативно-колхозные объединения Ирбитского округа в 1925-1927 гг.**

Виды объединений	1 октября 1925 г.		1 октября 1926 г.		1 октября 1927 г.	
	число объединений	в них членов (хозяйств)	число объединений	в них членов (хозяйств)	число объединений	в них членов (хозяйств)
коммуны......	8	369	8	418	6	344
% к предшествующему году				113,3		82,3
земледельческие артели	1	27	6	105	5	53
% к предшествующему году			500	388,8	83,3	50,0
тозы................					1	14
кооперативные артели...............	98	2984	114	3082	110	2645
% к предшествующему году			116,3	103,3	96,5	86,0
машинные товарищества.	49	795	82	1187	104	1263
% к предшествующему году.....			167,3	149,5	126,8	106,4
Всего.....	156	4 175	210	4 792	226	4 227
% к предшествующему году................			134,4	114,6	107,1	87,3
% к общему числу хозяйств...........		8,03		9,21		8,1

** ГАвИ. Ф. 188. Оп. 2. Д. 22. Л. 163.*

лей, расширяя постепенно вслед за машинами элементы обобществления»[14].

Что касается коммун, то в течение ближайших трех лет их рост не ожидался, но со стороны окрселькустсоюза и других окружных организаций должны быть приняты все меры к всестороннему укреплению и дальнейшему развитию шести сохранившихся коллективов. Необходимо было добиться, чтобы они стали показательными для окрестного населения и ука-

зывали бы «конечную цель, к которой должно направляться коллективное строительство в округе»[15].

Выступая на состоявшемся в июле 1928 г. съезде уполномоченных Ирбитского окрселькустсоюза, председатель правления колхозсекции С.Колобов подвел плачевный итог второго периода колхозного строительства: «К концу 1927 г. в Ирбитском округе осталось 6 коммун и 1 сельхозартель еле влачащие существование»[16].

* * *

Годы нэпа стали периодом застоя в колхозном движении. Рожденные в условиях проведения политики военного коммунизма, колхозы плохо вписывались в стихию рыночной экономики, особых иллюзий на этот счет работники-практики и не питали. Между тем, само собой разумеющимся считалось, что рано или поздно произойдет возвращение к прежней хозяйственной политике и неизбежно наступит вторая коллективизация. По мере упрочения советского государства на колхозы стало обращаться большее внимание, хотя это и не привело к их заметному укреплению.

Глава 3
Сплошная коллективизация ирбитской деревни

XV съезд ВКП(б) знаменовал начало нового этапа в колхозном движении: резко возросли масштабы государственной помощи колхозам, были предоставлены новые льготы по кредитованию, машиноснабжению, сельскохозяйственному налогу. Партийные, советские и кооперативные организации развернули активную пропаганду коллективного земледелия, работу по практической организации колхозов. Весной 1928 г. на место было спущено циркулярное письмо «О весенней посевной кампании» за подписью секретаря ЦК ВКП(б) В.Молотова, в котором объявлялось, что «вся работа местных парторганизаций по проведению посевной кампании будет расцениваться в зависимости от успехов в деле расширения посевов и коллективизации крестьянских хозяйств»[1].

Проведенные мероприятия привели к перелому в развитии колхозного движения, его темпы ускорились. За два года, с 1 июля 1927 г. по 1 июля 1929 г., число колхозов увеличилось

почти в четыре раза, а уровень коллективизации повысился почти в пять раз, достигнув 3,9% от общего количества крестьянских хозяйств[2].

Изменилась география колхозного движения. Если во время первой коллективизации колхозы создавались главным образом в центральных и северо-западных районах РСФСР, то теперь, когда колхозное строительство стало в основном вестись на крестьянских надельных землях, они начали организовываться главным образом в южных и юго-восточных, преимущественно зерновых, районах (Северный Кавказ, Среднее и Нижнее Поволжье, Урал, Сибирь), где до революции преобладало крестьянское землевладение, а удельный вес помещичьего землевладения был невелик. В 1927-1929 гг. важнейшие зерновые районы страны заняли ведущие позиции в колхозном движении.

Теоретическим обоснованием форсирования коллективизации явилась статья И.Сталина «Год великого перелома», опубликованная 7 ноября 1929 г. В ней утверждалось, что в колхозы, якобы, пошли основные, середняцкие, массы крестьянства, что в социалистическом преобразовании сельского хозяйства уже одержана «решающая победа», хотя к этому времени было коллективизировано всего 6-7% крестьянских хозяйств.

Следующий шаг на пути усиления гонки за «темпом коллективизации» был сделан на ноябрьском (1929 г.) пленуме ЦК ВКП(б). Задача сплошной коллективизации ставилась уже «перед отдельными областями». Руководители парторганизаций Северного Кавказа, Нижней и Средней Волги и Украины взяли обязательства по проведению коллективизации за «год-полтора», к лету 1931 г. Однако даже они были признаны недостаточными. В своем выступлении В.Молотов заявил, что «в теперешних условиях заниматься разговорами о пятилетке коллективизации, значит заниматься ненужным делом. Для основных сельскохозяйственных районов и областей, при всей разнице темпов коллективизации их, надо думать сейчас не о пятилетке, а о ближайшем годе»[3].

5 января 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству»[4]. Зерновые районы были разграничены на две зоны по срокам завершения коллективизации: Север-

ный Кавказ, Нижняя и Средняя Волга должны были в основном завершить коллективизацию «осенью 1930 года или во всяком случае весной 1931 года», а остальные зерновые районы — «осенью 1931 года или во всяком случае весной 1932 года».

Под сильнейшим нажимом сверху не только в передовых зерновых районах, но и в черноземном центре, и в Московской области, и даже в республиках Востока стали выноситься решения завершить коллективизацию «в течение весенней посевной кампании 1930 года». 3 февраля в «Правде» была помещена передовая статья, в которой заявлялось: «Последняя наметка коллективизации 75 процентов бедняцко-середняцких хозяйств в течение 1930-1931 года — не является максимальной». В «Ответе товарищам свердловцам», опубликованном 10 февраля 1930 г., И.Сталин потребовал «усилить работу по коллективизации в районах без сплошной коллективизации» в качестве средства борьбы против самоликвидации кулацких хозяйств и «растранжиривания» их имущества.

Колхозы создавались путем грубого нажима, с применением угроз и демагогических обещаний. Все это привело к стремительному повышению уровня коллективизации: к началу января 1930 г. в колхозах числилось свыше 20% крестьянских хозяйств, а к началу марта — свыше 50.

Безудержное насилие привело к массовому недовольству и открытым протестам крестьян, вплоть до вооруженных выступлений. С января по апрель 1930 г. их было зарегистрировано почти 8 тысяч, имели место случаи расправ над коммунистами и колхозными активистами. Массовый характер приобрело истребление скота.

Стремясь исправить положение, ЦК ВКП(б) уже во второй половине февраля 1930 г. дал директивы о ликвидации спешки при организации колхозов, прекращении раскулачивания там, где сплошная коллективизация еще не началась, о необходимости учета местных условий в национальных республиках. 2 марта «Правда» опубликовала статью И.Сталина «Головокружение от успехов», в которой осуждались перегибы, подчеркивалась необходимость соблюдения принципов добровольности коллективизации.

При этом ответственность за допущенные «искривления» перекладывалась на местных работников, обвиненных в «го-

ловотяпстве». Тем не менее, достигнутый к 20 февраля 50-процентный уровень коллективизации объявлялся в этой статье успехом, свидетельствовавшим, что «коренной поворот деревни к социализму можно считать уже обеспеченным». Местные работники обязывались «закрепить достигнутые успехи и планомерно использовать их для дальнейшего движения вперед». В общем, статья оставляла двойственное впечатление: что же нужно было делать — исправлять создавшееся положение или закреплять его?

В марте-апреле 1930 г. ЦК ВКП(б) принял ряд документов, направленных на исправление «искривлений» в коллективизации и нормализацию общей обстановки в деревне. «Прилив» в колхозы сменился «отливом» из них крестьян, в августе, когда «отлив» прекратился, уровень коллективизации составил 21,4% крестьянских хозяйств[6]. Однако уже осенью 1930 г. «передышка» закончилась, и накатилась новая волна сплошной коллективизации.

* * *

Прошедший в октябре 1927 г. пленум Уралобкома ВКП(б) констатировал «замедленный рост уральского сельского хозяйства и недостаточность в нем прогрессивных сдвигов и коллективизации». VIII Уральская областная партийная конференция, состоявшаяся в ноябре 1927 г., подтвердив этот вывод, указала в резолюции «О работе в деревне», что действительный рост сельского хозяйства может быть достигнут на пути всемерного развития кооперирования, коллективизации крестьянских хозяйств»[7].

Благодаря наступившему после XV съезда ВКП(б) значительному усилению помощи колхозам, весной 1928 г. на Урале также произошел перелом в развитии колхозного движения. К маю 1928 г. количество колхозов по области достигло 1643, что составило 5% общего числа коллективов страны. Основной базой колхозного движения оставались сельскохозяйственные округа Зауралья, где было сосредоточено 2/3 всех уральских колхозов, а по количеству коллективизированного населения почти 3/4. На состоявшемся в августе 1928 г. втором областном съезде колхозов Урала, на который явились представители более чем 1500 объединений, было поставлено создать областной союз колхозов (Уралколхозсоюз)[8].

В первой половине 1929 г. колхозное движение усилилось: к июню по области имелось уже 3018 коллективов, объединявших более 60 тыс. крестьянских хозяйств. Во второй половине 1929 г. оно стало принимать массовый характер, к 1 октябрю насчитывалось уже 3548 колхозов, объединявших 94,4 крестьянских хозяйств, уровень коллективизации составил 7,3%. На Урале появились районы, в которых коллективизация достигала 40% и выше, это свидетельствовало, что колхозное движение стало приближаться в ряде случаев к показателям сплошной коллективизации. Основная масса уральских колхозов была сосредоточена в Шадринском, Тюменском, Троицком, Челябинском и Курганском округах.

За последние три месяца 1929 г. в колхозы вступило 262 850 крестьянских хозяйств, т.е. почти в три раза больше, чем за все предшествующие годы, число колхозов достигло 4498, а уровень коллективизации составил 30%. Наиболее высокие темпы колхозного строительства по-прежнему сохранялись у сельскохозяйственных округов Зауралья, процент коллективизации в которых был значительно выше среднеобластных показателей: в Тюменском округе в колхозах находилось 68,2% хозяйств, в Ирбитском — 40,2, в Шадринском — 35, в Курганском — 34%[9].

Первые итоги массового колхозного движения на Урале подвел объединенный пленум обкома ВКП(б) и облКК, состоявшийся в конце декабря 1929 г. Участники пленума пришли к выводу, что развитие сельского хозяйства Уральской области вступило в новый этап, характеризовавшийся «массовым вступлением крестьянства в колхозы, поворотом в сторону колхозов середняцких масс крестьянства». В резолюции «О подготовке к весенней посевной кампании» было дано указание местным партийным организациям коллективизировать к концу 1930 г. не менее 80% крестьянских хозяйств области, при полном обобществлении средств производства[10].

Выполнение этого решения проводилось путем грубого нажима и безудержного администрирования при создании колхозов. К 1 марта 1930 г. на Урале было коллективизировано 68,8% крестьянских хозяйств, число районов сплошной коллективизации за январь-февраль увеличилось с 87 до 138[11]. Однако это был пик насильственной коллективизации 1929/30 г., за кото-

рым последовал резкий спад в развитии колхозного движения в уральской деревне.

Первые попытки исправления «перегибов» были предприняты во второй половине февраля 1930 г. 21 числа Уралобком ВКП(б) принял постановление, в котором указал на необходимость осторожного подхода к созданию колхозов высших форм. 27 февраля коллегия Уралоблзу приняла постановление «О ликвидации перегибов в колхозном движении и улучшении организации труда в колхозах». 1 марта Уралобком разослал местным партийным организациям телеграмму, в которой было указано на «серьезные извращения политики партии в деле коллективизации сельского хозяйства». Однако постановление пленума обкома, принятое в декабре 1929 г., по-прежнему оставалось в силе, что ставило местные организации в двойственное положение. Состоявшийся 3-7 апреля 1930 г. пленум Уралобкома признал свое декабрьское постановление ошибочным и отменил его.

Исправление «перегибов» привело к массовому «отливу»: во второй половине марта из уральских колхозов вышло более 230 тыс. крестьянских хозяйств, уровень коллективизации к 1 апреля упал до 52,6%. К 10 мая в колхозах осталось 308 тыс. дворов, что составило 28,7% крестьянских хозяйств области. Выходы продолжались все лето и приостановились только к концу сентября — началу октября 1930 г. На 1 сентября в уральских колхозах осталось 26,3% крестьянских хозяйств. Однако, благодаря энергичным усилиям по укреплению сохранившихся коллективных хозяйств и притеснению вышедших из колхозов крестьян, осенью 1930 г. «отлив» прекратился, сменившись новой волной коллективизации[12].

* * *

Вскоре после завершения XV съезда ВКП(б), положившего начало курсу на коренную перестройку сельского хозяйства страны, 28-30 декабря 1927 г. состоялся второй съезд ирбитских колхозов, на котором был принят устав окружной секции сельскохозяйственных коллективов (год спустя была преобразована в окрколхозсоюз), состоялись выборы ее совета и правления. С этого времени колхозное движение в Ирбитском округе приняло качественно новый характер. Числен-

ный рост коллективов с 1927 по 1930 г. виден из *табл. 3.* До 1928 г. самым массовым видом объединений в Ирбитском округе были сельскохозяйственные кооперативные артели, однако, по мнению местных работников, их нельзя было «считать полностью за колхозы, как не отражавших ни в коей мере действительные идеи коллективизации». «По существу, — писали сотрудники Ирбитского окрколхозсоюза, — подобные артели являлись товариществами с/х производителей и вся их деятельность сводилась к использованию кооперативных форм в интересах индивидуальных хозяйств их членов»[13].

*Таблица 3. Кооперативно-колхозные объединения Ирбитского округа в 1927-1930 гг.**

Виды объединений	1927 г.	1928 г.	15 мая 1929 г.	1 октября 1929 г.	1 января 1930 г.
Коммуны	6	27	47	53	186
Кооперативные артели	110				
Земледельческие артели	5	20	66	91	134
Тозы	1	26	55	62	32
Машинные т-ва	104	181	нет свед.	151	нет свед.
Посевные т-ва			96	122	

** РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 10. Д. 34. Л. 98.*

После проведенного в конце 1927 г. обследования колхозной сети окружные организации приняли решение о переводе кооперативных артелей на устав земледельческой артели. Столкнувшись с необходимостью заняться всерьез обобществлением производства и инвентаря, большинство кооперативных артелей распалось, но, по мнению местных работников, «дело колхозного строительства от того не только не пострадало, но определенно выиграло»: 1928 год дал значительный рост числа кооперативных объединений.

Вторым массовым видом сельскохозяйственных объединений в Ирбитском округе в это время были машинные товарищества. Так как они также представляли из себя организации, преследующие скорее цели лучшего обслуживания сельс-

кохозяйственным инвентарем индивидуальных хозяйств своих членов, сотрудники Ирбитского окрколхозсоюза задним числом заключили, что первый период (до весны 1928 г.) этапа производственного кооперирования характеризовался ростом форм «индивидуалистической кооперации», подлинно колхозные формы были представлены единицами[15].

Весенняя посевная кампания 1928 г. стала переломным моментом в развитии колхозного движения в Ирбитском округе, за время ее подготовки и проведения было организовано 8 коммун, 11 артелей, 13 тозов и 2 машинных товарищества. По словам профессора А.Караваева, изучавшего по горячим следам развитие колхозного движения в южных районах Ирбитского округа, в марте — апреле 1928 г. здесь прокатилась первая волна коллективизации[16]. При этом сразу выделились Еланский, Байкаловский и Знаменский районы: на 1 мая в них было 16 колхозов, в которые вошло 365 семей и 75 одиночек, что составило 4,9% от общего числа крестьянских хозяйств в трех районах. По мнению профессора А.Караваева и агронома коммуны «Гигант» А.Сосновского, это явилось крупным достижением, так как коллективизация по всей Уральской области в это время охватывала только 2% крестьянских хозяйств[17].

В конце сентября — начале октября 1928 г. состоялся объединенный пленум окружного комитета и ревизионной комиссии ВКП(б). В своем выступлении на нем ответственный секретарь окружкома В.Баландин заявил: «Год тому назад мы не имели ни одного процента обобществленных хозяйств, ни одного процента земли, мы имели слабые коммуны. Нечего греха таить, мы имели по количеству много машинных товариществ, товариществ по общественной обработке земли и т.д., но из них единицы соблюдали даже те уставы, которые у них были приняты раньше. А что мы имеем в нынешний год? Мы сейчас имеем большие достижения по сравнению с тем, что у нас было. Мы за один год обобществляли 3,96% всех крестьянских дворов. Мы достигли того, что наши колхозы дают около 150 т[ыс.] п[удов] хлеба, что составляет 7% к плану нынешних заготовок. Разве это малый вклад, положенный в переустройство деревни лишь за один год? Нет, этот вклад достаточный, налагающий на нас чрезвычайно ответственную задачу по их организационному и хозяйственному укреплению»[18].

Сразу вслед за партийным пленумом состоялся третий окружной съезд сельскохозяйственных коллективов. Выступивший на нем докладчик от Уралколхозсоюза Сыворотский заявил: «В течение всего периода существования сов[етской] власти мы еще всего первый раз можем констатировать такой бурный рост колхоз[ного] строительства в Уральской области, каковой выявился через данный Ирбитский окружной съезд колхозов». Представитель областной «Крестьянской газеты» П.Бажов сказал: «Не правда ли, товарищи, говорится, что крестьянин везде крестьянин. Если в одном округе туго идет одно движение, то настолько же быстро двигается такое в другом. В Ирбитском округе колхозное строительство двигается быстрым темпом»[19].

На состоявшейся в марте 1929 г. сессии совета Ирбитского окрколхозсоюза было принято решение о создании крупного колхоза в Зайковском районе. В апреле он был юридически оформлен на уставе артели, получивший название им. тов. Сталина. Вошло в него восемь деревень, общая земельная площадь составила 8 тыс. га[20].

Тем временем, весной 1929 г., как и в предшествующем году, по юго-восточной части Ирбитского округа прокатилась новая волна коллективизации. По мнению А.Караваева, усиление колхозного движения в весенние месяцы было вполне нормальным явлением, так как все основные мероприятия (землеустройство, кредитование, агитационно-разъяснительная работа и т.п.) проводилась главным образом в этот период[21]. Еще в феврале в Ирбитском округе было организовано восемь первых кустовых объединений сельскохозяйственных коллективов, которые в период весенней посевной кампании развернули работу по вовлечению единоличных крестьян в существовавшие колхозы и по созданию новых коллективных хозяйств.

О том, что происходило весной 1929 г. в юго-восточных районах Ирбитского округа, видно из письма крестьянина дер. Исаковой Байкаловского района Жданова, посланного в областную «Крестьянскую газету»: «Сейчас у нас идет такое, что и не разберешь, то есть, организация колхозов. Этого не бывало веками, а теперь вдруг случилось. Я не отрицаю ни в чем, но только боюсь, как бы не вышло разрухи. А может быть и не будет разрухи. Дело в постановке и довольстве, как вон в

Любиной. Но только очень будет трудно, и баба никак не понимает своей пользы. Скота мало, хлеба мало, а от государства брать много нечего. Только все мужики как с ума сошли. Целыми деревнями в колхозы пишутся»[22].

Особенно бурно процесс коллективизации развивался в Еланском районе, выделился по развитию колхозного движения Байкаловский район, а также часть Знаменского. Все это вело к формированию эйфории, охватившей работников колхозной системы. В интервью, данном корреспонденту окружной газеты «Голос крестьянина», сотрудники Ирбитского окрколхозсоюза сообщили: «Колхозное движение в нашем округе идет гигантскими шагами. По своим размерам это движение, по имеющимся у нас сведениям, превосходит все округа Уральской области. В этом году ни в одном из округов не создано столько колхозов, как в нашем Ирбитском округе. Движением охвачены самые отдаленные уголки и сельсоветы. Целые деревни выносят постановления о создании коммуны, или артели, или товарищества по совместной обработке земли. Крестьяне Еланского и Байкаловского районов, насчитывающих по двадцать с лишним тысяч населения, в любую минуту готовы влиться в один мощный колхоз». В конце беседы они заявили, что «если бы наша страна была индустриальная — мы бы за пять лет превратили весь округ в один мощный великан-колхоз»[23].

Тем временем достижения еланских коммунаров были замечены на самом верху. Выступая 13 мая на XIV Всероссийском съезде советов, председатель правления Колхозцентра Каминский сообщил, что «на Урале в Еланском районе охвачено коллективизацией 65% населения. Там имеется сплошной земельный массив в 74 тысячи гектаров, охваченный колхозами. И мысль колхозников работает теперь над тем, чтобы в целом районе различными путями, путем организации крупных колхозов и слияния мелких, создать сплошной массив коллективизации»[24].

В это время уже велась практическая работа по организации на юго-востоке Ирбитского округа крупного колхоза. Находившийся здесь инструктор Колхозцентра А.Дейкин в своем отчете отметил, что опыт сплошной коллективизации в Ирбитском округе является «одним из самых крупных и еще не превзойденных в Советском Союзе»[25].

1 июля президиум Уралоблисполкома одобрил инициативу создания на территории трех районов Ирбитского округа крупного колхоза, и предложил Уралколхозсоюзу, облзу и другим областным организациям уделить ему особое внимание. 4 июля в с. Микшинском Еланского района состоялась межколхозная конференция, на которую прибыли представители от 84 колхозов района сплошной коллективизации. Среди ее участников были профессор А.Караваев (от деревенского отдела ЦК ВКП(б)) и П.Бажов. Конференция постановила организовать колхоз «Гигант» из 102 населенных пунктов с 3778 крестьянскими хозяйствами Еланского, Байкаловского и Знаменского районов[26]. Для проведения работы по созданию крупного колхоза избрано организационное бюро из 11 человек, которое возглавил Ф.К.Фефелов, работавший до этого председателем правления Ирбитского окрселькустсоюза.

На состоявшемся 12 июля заседании правления Колхозцентра с докладом о сплошной коллективизации Еланского, Байкаловского и Знаменского районов Ирбитского округа выступил член правления Уралколхозсоюза Чащин. В принятом по его докладу постановлении создаваемый крупный колхоз признали колхозом республиканского значения, руководство «по организации обслуживания» возложили непосредственно на Колхозцентр[27].

Массив сплошной коллективизации Ирбитского округа был самым крупным в стране, в организующийся колхоз зачастили различные делегации, в т.ч. из-за границы. Хотя и не столь стремительно, развивалось колхозное движение и в других районах Ирбитского округа. На 1 июля 1929 г. в округе насчитывалось 193 колхоза, в них вошло 7293 крестьянских хозяйства, уровень коллективизации составил 13,7%. В конце июля состоялось сессия Ирбитского окрисполкома, на которой было решено к концу первой пятилетки коллективизировать 36% крестьянских хозяйств округа, они должны были объединиться в 4 или 5 крупных колхозов. При этом хвастливо заявлялось: «Тяжелый труд крестьянина взвалим на железные плечи машин. Наши крупные колхозы по техническому оборудованию и культурной обработке земли не будут уступать американским крупным земледельческим фермам»[28].

Во второй половине лета — начале осени 1929 г. в Ирбитском округе прошло районирование. 13 августа президиум

Ирбитского окрисполкома согласился с решением комиссии Уралоблисполкома по районированию о ликвидации Еланского, Байкаловского и Знаменского районов, и создании вместо них одного. 17 сентября ВЦИК утвердил предложение Уралоблисполкома об объединении трех районов Ирбитского округа, центром укрупненного района стало с. Микшинское, переименованное в Краснополянское[29]. В новый район не вошла отдаленная часть Знаменского района, в которой был относительно невысокий процент коллективизации крестьянских хозяйств.

13-15 октября состоялся пленум Уральского облисполкома, на котором был рассмотрен вопрос о строительстве «Гиганта». Пленум постановил территорию крупного колхоза довести до 250 тыс. га, максимально расширив посевную площадь, общее количество вовлеченных в «Гигант» крестьянских хозяйств нужно было довести до 10 тыс., вместо ранее проектируемых 5820[30]. Всем окрисполкомам Уральской области «на основе опыта строительства сплошной коллективизации колхоза «Гигант», а также в соответствии с развивающимся темпом колхозного движения на Урале, разработать план подготовительных мероприятий по созданию новых районов сплошной коллективизации. По существу, предлагалось создание подобных колхозов-гигантов в других округах. В передовой статье «Известий» Уралоблисполкома, посвященной итогам пленума, было заявлено: «Нам нужно в дальнейшем иметь не один такой крупный колхоз «Гигант», а покрыть Урал целой сетью гигантов, целой сетью коллективных хозяйств и образцовых коммун». Вслед за Краснополянским районом на путь организации колхозов-гигантов встали Мехонский, Шатровский, Армизонский и многие другие районы области.

Осенью 1929 г. развитие колхозного движения в ирбитской деревне начало стремительно ускоряться. Состоявшийся в начале ноября второй окружной съезд комсомольцев по поднятию урожайности и коллективизации сельского хозяйства выдвинул «дерзкий лозунг»: «в ближайшие 2-3 года превратить Ирбитский округ в округ сплошной коллективизации». В середине ноября прошел объединенный пленум Ирбитского окружкома и окружной контрольной комиссии ВКП(б), который утвердил контрольные цифры по сельскому хозяйству на

1929/30 г. Было решено коллективизировать к 1 октября 1930 г. как минимум 40% крестьянских хозяйств округа и обобществить до 46% посевной площади, организовать не менее четырех крупных колхозов[31].

24 ноября окружная газета опубликовала обращение председателя Ирбитского окрисполкома Фоминых, в котором было заявлено, что «боевой лозунг» ирбитских комсомольцев «чрезвычайно большая и труднейшая, но вполне осуществимая задача, выдвинутая на основе требований самих же бедняцко-середняцких масс крестьянства». На местах прошло обсуждение обращения Фоминых и вынесены одобрительные резолюции.

25 ноября состоялось заседание бюро Ирбитского окружкома ВКП(б), которое вынесло решение коллективизировать к 1 октября 1930 г. не менее 70% сельского населения округа, или 40 тыс. крестьянских хозяйств в абсолютном выражении. Было признано необходимым объявить Ирбитский округ округом сплошной коллективизации[32].

Однако еще днем ранее, 24 ноября, правление Уралколхозсоюза рассмотрело контрольные цифры плана коллективизации на 1929/30 г. «Принимая во внимание уже состоявшее решение директивных и советских организаций Тюменского и Ирбитского округов о темпе коллективизации сельского хозяйства этих округов — по Тюменскому округу до 75% и по Ирбитскому до 70%, и учитывая массовое движение к коллективизации в этих округах», правление областного колхозсоюза объявило эти округа округами сплошной коллективизации[33].

26 ноября вопрос о сплошной коллективизации Ирбитского округа был обсужден на заседании правления окрколхозсоюза, которое сочло «необходимым провести сплошную коллективизацию крестьянских хозяйств в округе, с расчетом охвата их такой на 72% к октябрю 1930 г.»[34].

Тон по-прежнему задавал Краснополянский район. Состоявшийся 28 ноября пленум райкома ВКП(б) постановил завершить коллективизацию к весне 1930 г. По мнению А.Караваева и И.Шумского, именно в ноябре 1929 г. прервался «здоровый характер колхозного строительства» в Краснополянском районе и начался «период перегибов и извращений»[35].

В середине декабря прошла первая расширенная сессия Ирбитского окружного колхозсоюза, на которой был одобрен план

коллективизации, разработанный правлением окрколхозсоюза. По нему предполагалось в 1929/30 г. объединить в колхозы 95% крестьянских хозяйств округа, или 53 410 дворов, организовать семь крупных колхозов, охватывающих до 20 тыс. хозяйств.

В своем выступлении на сессии председатель окрисполкома Фоминых заявил: «У нас в округе с сегодняшнего дня индивидуалист существовать не должен, кроме кулаков и чуждых элементов. Бедняков и батраков, не идущих в колхоз, играющих под дудку кулаков, надо одернуть». Некоторые из выступавших говорили, что выполнить намеченные цифры незатруднительно, так, агроном кустового объединения колхозов Заводо-Ирбитского района В.Ваппа заявил: «95% населения округа коллективизировать трудностей не представляет»[36].

20-21 декабря состоялась вторая окружная конференция бедняцко-батрацких групп, на которой завершилось уточнений плановых заданий по колхозному строительству: к весенней посевной кампании 1930 г. нужно было коллективизировать 75-80%, а к осени 95% крестьянских хозяйств. Участвовавший в работе конференции корреспондент окружной газеты вынес заключение, что «трудящиеся массы деревни требуют создания высших форм колхозов»[37].

Помимо безудержного форсирования коллективизации, в это же время четко обозначилась тенденция к организации все более крупных колхозов (от состоявших из нескольких населенных пунктов — к районным, а от них в итоге — к окружному), и стремление сразу перейти к коммунам.

Обдумывая задним числом события зимы 1929/30 г., работники Ирбитского окрколхозсоюза писали: «Нельзя сказать, чтоб у руководящих колхозных органов отсутствовало чувство меры в вопросах колхозного строительства». Однако «вся беда колхозного руководства заключалась в том, что эту установку (на организацию колхозов оптимальных размеров. — А.Е.) правление окрколхозсоюза не сумело, или не захотело популяризировать и отстоять под натиском той стихии, которая снизу увлекла колхозное строительство в направлении неизбежного крушения, тем более, что ни областные организации, ни Московское совещание крупных колхозов[38] по затронутым кардинальным вопросам не дали определенных решений, предоставив местам свободу действий»[39].

Не обеляя действий представителей центральных властей, нужно признать, значительная доля ответственность за то, что произошло зимой 1929/30 г. лежит и на местных руководителях.

Касаясь событий начала 1930 г., сотрудники Ирбитского окрзу писали: «Достигнутые успехи в коллективизации, бурный рост самих колхозов, организация крупнейшего в СССР [коллективного] объединения «Гигант» — все это послужило известным толчком к «головокружению от успехов». Дальнейший рост колхозов шел «небывалыми и невиданными темпами» (см. *табл. 4*), что «еще больше побудило к тому, чтобы, перепрыгнув через устав с/х артели, перейти к коммуне»[40].

25 января состоялся учредительный съезд Краснополянской районной коммуны «Гигант». Общая земельная площадь

*Таблица 4. Ход коллективизации по районам Ирбитского округа с 20 января по 20 марта 1930 г.**

Районы	План		Выполнение			
	число колхозов	охват крестьянских хозяйств	20 января		20 марта	
			число колхозов	крестьянских хозяйств	число колхозов	крестьянских хозяйств
Благовещенский	32	1879	13	1927	59	3446
Заводо - Ирбисткий	28	2665	13	1055	17	4614
Зайковский	19	4587	13	1540	1	3816
Краснополянский	40	13438	167	9611	1	12711
Ирбитско-пригородный	60	4865	46	2364	54	5617
Костинский	28	4277	21	1942	28	4749
Слободо-Туринский	26	3445	33	2960	1	4098
Таборинский	16	395	22	568	45	2218
Тавдинский	14	1 273	28	775	57	1 824
Туринский	73	4 501	19	2 266	1	5 718
ПО ОКРУГУ:	336	41 825	380	24 998	264	48 832

** ГАвИ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 120. Л. 506.*

коммуны составила 275 тыс. га, вступило в нее 66 тыс. чел. Оформление «Гиганта» инициировало создание новых районных коммун: 5-6 февраля в Туринске прошел учредительный съезд «Красного путиловца», общая земельная площадь которого составила 310 тыс. га, 12-14 февраля состоялся организационный съезд Зайковской районной коммуны им. Сталина, 15 февраля оформилась Слободо-Туринская районная коммуна им. Блюхера, вслед за ней образовалась районная коммуна Костинского района «Красный партизан».

Высокие темпы коллективизации достигались за счет применения безудержного насилия. По мнению А.Караваева и И.Шумского, перегибы в Краснополянском районе начались с ноября 1929 г., когда райком ВКП(б) вынес решение о коллективизации района на 100% к весне 1930 г. Они писали: «На основе этого решения принимается ряд мер по усилению колхозного строительства. Изыскиваются «стимулы», которые должны были способствовать такой сверхколлективизации. Одним из таких «стимулов» явилась система уполномоченных, которые были выделены р[айонным] к[омитетом] и высланы на места. Уполномоченные РК получили задание к определенному сроку выполнить решение пленума РК (о стопроцентной коллективизации района в наикратчайший срок), причем следует заметить, что работоспособность уполномоченных определилась степенью коллективизации на его участке. Какими методами уполномоченные «поднимали процент» — этим мало интересовались, это никого не касалось, это было дело уполномоченных. Важно было выполнить задание. В итоге к январю весь район был коллективизирован на 85,4% , тогда как ни в одном из других районов округа коллективизация еще не поднялась свыше 40%. Последующий ход коллективизации показал интересные процессы, а именно: к 1 февраля ряд других районов округа начинает быстро догонять передовой Краснополянский район. Туринский район, например, уже достиг 89,5%, Ирбитский — 82,3%, Слободо-Туринский — 78,3%. Стремление выполнить план, во что бы то ни стало, нежелание оказаться позади других районов, — вызвали ряд дополнительных мер воздействия со стороны Краснополянской организации. Эти «дополнительные меры» и привели к новому «подъему», повысившему процент коллективизации к марту почти до 95%»[41].

Какими методами действовали уполномоченные видно из секретного донесения старшего следователя М.Кукарских, находившегося в это время в Туринском районе, прокурору Ирбитского округа. «Коллективизация шла, — писал Кукарских, — при помощи административного нажима. Признать это дают следующие обстоятельства:

1. Уполномоченным д. Луговой Сорокиным был арестован один бедняк за то, что не пошел в колхоз (в первых числах февраля месяца). Им же, Сорокиным, у второго середняка, нежелавшего идти в коммуну, была насильно уведена лошадь и корова (Сорокин 24 марта предается суду).

2. Райуполномоченный Крутиков, в Кукузовском с/совете, наганом угрожал не хотевшим вступать в коммуну (в январе месяце 1930 г.).

3. Райуполномоченный в Николаевском с/совете производил обыски и аресты колхозников, бедняков за то, что не хотели идти в коммуну (предан суду 24 / III — 30 г.).

4. Зам[еститель] председателя [Туринского] горсовета Горелышев на общем гражданском собрании в январе месяце 1930 года говорил, что «кто не идет в коммуну, тот враг советской власти».

5. Председатель горсовета, он же заместитель председателя райисполкома, Жолобов проводил совместно собрание членов коммуны и общегражданское о посевной кампании [на котором] говорил: «Единоличникам к посевной кампании готовится не надо, а место им будет за сорок верст на болоте».

6. И, наконец, ответственный секретарь райкома ВКП(б) т. Щербаков в декабре месяце 1920 года поехал в деревню Курень проводить собрание по вопросу коллективизации, взяв с собой агента уголовного розыска. Тов. Щебракова спросили: как быть, если кто не желает идти в коммуну. Ответил т. Щербаков так: «Кто не вступит в коммуну, земли не дадут, все отберут и пошлют в урман» (лес). Это вызвало шум среди женщин, тогда т. Щербаков сказал агенту уголовного розыска составить протокол. После этого шум прекратился.

Установка на партсовещаниях давалась [уполномоченным]: кто не коллективизирует на 100%, тот не член партии, кто в два дня коллективизирует, может из с/совета вернуться»[42].

В докладе о работе Ирбитской окружной прокураторы за 1929 г. сообщалось: «В округе происходит сплошная коллек-

тивизация. При проведении работы в деревне, прокуратурой зафиксированы следующие нарушения революционной законности со стороны частных и должностных лиц:

В Тавдинском районе сделан наряд 12 человек, невошедших в колхоз, молотить хлеб колхозу, а колхозники стоят, не работают, покрикивая: «Молотите, гады!». Заставляют возить дрова для колхоза.

Во время хлебозаготовительной кампании в Краснополянском районе единоличники вывозили хлеб по нарядам из колхозов, а свой хлеб у единоличников оставался необмолоченным.

В Благовещенском районе избачем Малковым было арестовано 10 человек за то, что накануне было единогласно принято на общем собрании постановление о вступлении в колхоз, а на другой день они отказались от вступления в колхоз.

В том же Благовещенском районе народным судьей Гурьяновым было арестовано 3 человека, в том числе один член сельского совета, за то, что проводимое Гурьяновым женское собрание разбежалось.

Наблюдаются не единичные случаи, что отбирается все имущество и хлеб, принадлежащее двору, в том случае, если уходит в колхоз один член двора.

Самовольно увозят сено от лиц, не входящих в колхоз (Благовещенский район).

На лиц, не входящих в колхоз, налагают различные налоги (Благовещенский район).

В селе Чукреевском Благовещенского районе по селу были наставлены фонари. Лиц, не желающих вступать в колхоз, заставляли зажигать эти фонари каждый вечер не у своего дома, а в другом конце улицы, и если фонарь окажется незажженным, а их нарочно тушили, то на виновного налагали штраф. Лица, обязанные зажигать фонари, не раздевались и не разувались, караулили свои фонари»[43].

Согласно докладу судебного работника А.Бобылева, в пос. Колуховском Тавдинского района «колхозники получили установку выкачивать виду из колодцев единоличников. Вода выкачивалась, а в колхозных колодцах оставалась вода только для колхозников. Кто хочет пить — должен идти в колхоз»[44].

Как видно, налицо было откровенное издевательство над нежелавшими вступать в колхозы единоличниками. По сло-

вам А.Караваева и И.Шумского, «мощное орудие» вовлечения крестьян в колхозы и перевода артелей на устав коммуны местные руководители нашли в раскулачивании, которое использовалось «сплошь да рядом».

Благодаря подобным методам работы, к марту уровень коллективизации по округу достиг 87,5%. Опьяненное достигнутыми результатами, бюро Ирбитского окружкома ВКП(б) провозгласило новый лозунг: «К 1 мая с.г. — единая коммуна округа». Уже было подобрано название — «Ирбит», — но изменение политической конъюнктуры не позволило осуществиться этому грандиозному проекту. 2 марта «Правда» опубликовала статью И.Сталина «Головокружение от успехов». По словам работников Ирбитского окрколхозсоюза, с 3 по 20 марта статья получила «широчайшее распространение», при этом они писали: «Необходимо признать, что именно статья тов. Сталина явилась тем хирургическим ножом, который вскрыл внутренние пружины болезненного роста коллективизации. Основная из этих пружин — нарушение принципов добровольности вхождения в колхоз, применение административных и политико-эко[номических] мер принуждения»[45]. А.Бобылев так оценил ее появление в Таборинском районе, где находился в качестве уполномоченного окружкома ВКП(б): «Районный и сельский актив с получением ст[атьи] Сталина оказался в недоуменном состоянии, наподобии городничего из пьесы Гоголя «Ревизор». Они остолбенели, развели руки и на [этот момент] не знали что делать»[46].

Именно «недоуменное состояние» было первой реакцией местного (от деревенского до окружного включительно) актива на сталинскую статью. По словам секретаря Харловской партячейки Краснополянского района Сутягина: «...от этой статьи создалось головокружение в наших головах». Ввиду двусмысленности и неопределенности статьи, ее можно было толковать по-разному. Из бесед работников Ирбитской окружной прокуратуры с крестьянами, в это время ежедневно десятками посещавшими ее, «выяснилось своеобразное толкование последней статьи тов. Сталина и последующих разъяснений, что коммуны и колхозы должны быть распущены и скот разведен по дворам»[47].

В связи с этим 14 марта в окружной газете была помещена статья секретаря Ирбитского горкома партии Задирского

«Против извращенных толкований статьи т. Сталина». Отметив достижения в колхозном строительстве в Ирбитском округе — почти полная коллективизация крестьянских хозяйств, преобладание коммун — он признал, что были допущены «отдельные искривления» линии партии в деле социалистического преобразования деревни. Однако, по словам Задирского, допущенные безобразия ни в малейшей степени не являлись «характерной чертой» колхозного строительства. При этом он особо осудил «оппортунистические настроения» тех, кто и раньше выступал против создания крупных коммун. «Хватает же у людей наглости, больше никак нельзя определить, — возмущался Задирский, — из статьи тов. Сталина делать совершенно иные ложные выводы. Где вы найдете в этой статье, что партия, в лице тов. Сталина, говорит, что нужно там, где организованы коммуны, реорганизовать их в сельскохозяйственные артели, или растаскивать по кускам обобществленное хозяйство?»

Как видно из последующих событий, сам секретарь впал в извращенное толкование. Не случайно, что с подобной статьей выступил второстепенный партийный чиновник, первые лица округа благоразумно сохранили молчание.

По словам находившегося в это время в Таборинском районе А.Бобылева: «Остолбенение на некоторое время районного и сельского актива использовал кулак. Он не остолбенел, а за ст[атьей] т. Сталина гонялся, не спрашивая стоимости. Был случай, что для «проработки» ст[атьи] Сталина приезжал кулак из Краснополянского района некто Квашин (это за 250 верст), но наши активисты его задержали и сказали, что в кулацких «агитпропах» мы пока не нуждаемся. Так же в северные деревушки Чернавского с/с[овета] приезжали кулаки из Конды, но тех задержать не удалось — поспешили скрыться обратно. У каждого, даже неграмотного кулака можно было видеть за пазухой какую-либо газету, где помещена ст[атья] т. Сталина».

В деревне тем временем продолжалась разнузданная вакханалия насилия, еще более усиленная стремлением сохранить достигнутые «грандиозные успехи». Так, 13 марта заместитель председателя Зайковского райисполкома Игнатьев и начальник районного административного отдела (РАО) Малыгин разослали по сельсоветам района грозную директиву, в

которой писали: «Из материалов, поступающих в окрпрокуратуру, усматривается, что за последнее время в сельских советах зачастую проводятся совершенно необоснованные аресты, и дело дошло до того, что члены с/советов, заведующие производственными участками (районной коммуны. — А.Е.) и сами председатели с/советов, совершенно не учитывая и не понимая: есть или нет какой-либо в деле состав преступления, проводят массовые аресты бедноты, м[аломощных] середняков и батраков, что безусловно имеет место и в пределах нашего района.

За последнее время в некоторых с/советах нашего района, почти каждый день с/советы гонят в адм[инистративное] отделение арестованных, по социально-классовому происхождению середняков, бедняков, совершенно не требующих этого, т.к. ни в чем не усматривается состав преступления. Надо сказать, что составы с/советов, как члены и сами председатели, совершенно не чувствуют на себе никакой советской власти, а заведующие производственными участками коммуны до сего времени не учли того, что на их плечах должна быть коммунистическая голова».

Приведя примеры перегибов, они продолжали: «...иначе, как беззаконным безобразием [все это не назовешь]. Следовательно, надо будет заключить, что в вас преобладает военный коммунизм или что-то иное, антисоветское и антиполитическое. И еще хуже, что вы не знаете и не читаете статью т. Сталина, помещенную в «Правде» от 2 марта с.г. Вот вам факт «головокружения от успехов». Приведенные нами моменты подтверждают еще и то, что после коллективизации 100% населения в нашем районе, вы считайте, что на этом точка, и дальше вашей работы не должно быть, и не думаете о том: как же закрепить в будущем эти 100% коллективизированного населения, и вы совершенно забыли, что перед вами стоят большие задачи: максимум проведения культурно-просветительской работы среди основной массы колхозников, дабы с их помощью вы смогли бы немедленно улучшить положение нашего хозяйства, а равно и улучшить скотоводство, чтобы от вас больше не уводили коров. Вы это недопонимаете и никакой культурно-просветительской работы не ведете, а наоборот занимаетесь арестами. Очевидно, взяли за основу то, что для вас лучше: производить аресты людей, направлять и судить, а

кто должен проводить культурно-воспитательную работу? До вас будто бы это не касается»[49].

Однако эта директива не возымела действия, и вскоре была послана другая, в которой заявлялось: «Несмотря на категорические требования со стороны РАО о прекращении обысков, самопроизвольных арестов бедноты и середняков, все же эти действия наблюдаются до сих пор в большинстве сельских советов района. Эти обыски и аресты особенно усилились в связи с извращенным толкованием на местах статьи т. Сталина «Головокружение от успехов»[50].

По сведениям окружной прокуратуры, подобное творилось так же в Ирбитском, Тавдинском, Благовещенском и других районах, но особенно выделились Туринский и Краснополянский. На места спускались суровые распоряжения, требовавшие прекратить творимый в деревнях произвол, но желаемого эффекта они не давали, да и не могли дать, так как в это же время требовалось «закрепить достигнутые успехи». В письме, посланным 12 марта прокурору Уральской области, окружной прокурор К.Сизых писал: «Борьба с этим злом осложняется тем, что большинство местных работников, совершающих извращения директив партии и правительства, уверены в том, что их действия вытекают именно из этих директив»[51].

14 марта 1930 г. ЦК ВКП(б) принял более определенное постановление «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении». 16 числа секретарям окружных и районных партийных комитетов была разослана телеграмма бюро Уралобкома, в которой предлагалось широко популяризовать среди крестьянства сталинскую статью и Примерный устав сельскохозяйственной артели, прекратить творить беззакония, принять решительные меры к исправлению допущенных перегибов, очистив партийный, советский и колхозный аппарат от неисправных.

Многие местные работники Ирбитского округа выражали открытое недовольство таким поворотом дел. «За последнее время, в связи со статьей тов. Сталина «Головокружение от успехов» и постановлением ЦК ВКП(б) по вопросам колхозного движения, — писал ответственный секретарь Ирбитского окружкома партии Лузин в срочном письме, посланном всем райкомам, — среди части коммунистов и комсомольцев появи-

лись настроения, трактующие статью тов. Сталина, как крупный тактический поворот к отступлению от ленинской линии партии и, что, мол, статья тов. Сталина только лишь помогает разваливать колхозы и играет на руку кулаку, а потому вывод: двигаться нужно только вперед». Однако имелось «настроение второго порядка, заключающееся в том, что в искривлении линии партии в колхозном движении виноваты «стрелочники» — рядовая масса коммунистов и, что, мол, надо де в конце концов найти действительных виновников столь большого политического дела». Лузин писал, что «такое настроение — поиски виновников ошибок только лишь отвлекает внимание парторганизации и комсомола от столь серьезной и, как никогда, ответственной хозяйственной и политической задачи — задачи исправления извращений линии партии в колхозном движении и проведения весенне-посевной кампании». Поэтому задача состояла «не в том, чтобы искать виновников, а в том, чтобы вскрывать ошибки и ориентировать партийно-комсомольские и трудовые массы на быстрое исправление допущенных ошибок в колхозном движении»[52].

В эти мартовские дни ирбитские руководители все еще пытались сохранить основные из «достигнутых успехов»: высокий процент коллективизации крестьянских хозяйств, а также Краснополянскую и Зайковскую районные коммуны. 23 марта окружная газета все же опубликовала Примерный устав сельскохозяйственной артели. Однако уже ничто не могло спасти положение: в третьей декаде марта начался обвальный выход крестьянства из колхозов (*табл. 5*).

Анализируя динамику коллективизации с октября 1929 по май 1930 г. по отдельным районам Ирбитского округа, работники окрколхозсоюза следующим образом прокомментировали происшедшее: «Мы видим, как после необычных высот, относящихся к началу марта, идет крушение, из которого ряд районов (Туринский, Слободо-Туринский, Благовещенский, Краснополянский) выходят на исходный уровень октября — ноября 1929 года, а ряд с большим или меньшим активом. Примечательно, что чем позднее у района началась гонка за высокими темпами коллективизации, чем короче оставался период самого «головокружения», когда было проявлено больше всего бесхозяйственности, расточительности и администрирования, тем более благополучным выходит район

*Таблица 5. Изменение численности коллективизированных хозяйств по районам Ирбитского округа с 20 марта по 10 апреля 1930 г.**

Районы	Количество крестьянских хозяйств в колхозах			Изменение		
	20 марта	1 апреля	10 апреля	с 20 марта по 1 апреля	с 1 по 10 апреля	с 20 марта по 10 апреля
Благовещенский	3446	168	385	- 3278	+ 217	- 3061
Заводо-Ирбитский	4641	1269	1404	- 3372	+ 135	- 3237
Зайковский	3316	1266	1352	- 2550	+ 85	- 2465
Краснополянский	12711	7945	5668	- 4766	- 1 277	- 6043
Ирбитско-пригородный	5617	1738	3064	- 3879	+ 326	- 3553
Костинский	4749	1711	1421	- 3038	- 290	- 3328
Слободо-Туринский	4098	1130	1001	- 2968	- 129	- 3097
Таборинский	2212	520	564	- 1692	+ 44	- 1648
Тавдинский	1824	678	778	- 1146	+ 100	- 1046
Туринской	5 718	826	747	- 4 892	- 79	- 4 971
ПО ОКРУГУ	48 832	17 251	16 384	- 31 581	- 868	- 32 448

** ГАвИ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 120. Л. 507.*

из положения. Таборинский район, Ирбитско-заводской, Костинский, Тавдинский, Ирбитский, Зайковский, дающие по состоянию на январь месяц средний прирост коллективных хозяйств по 3,5% в месяц, выходят к маю с превышением январского уровня коллективизации. Все остальные районы, для которых среднемесячный прирост коллективизированных в доянварский период дворов определялся в 10,1% теряют январские кадры в количестве от 50 до 75%. Для этой группы районов крушения будут носить особенно затяжной характер»[53].

По мнению сотрудников окрзу, после 10-20 апреля «коллективное строительство закрепилось», хотя в северных райо-

нах округа ликвидации колхозов продолжались и позднее. В сравнении с другими округами Уральской области, колхозный сектор Ирбитского округа понес самые большие потери: на 1 мая 1930 г. в ирбитских колхозах осталось 27% крестьянских хозяйств, что было даже несколько ниже среднеобластного показателя коллективизации (27,7%), с первого места Ирбитский округ опустился на седьмое, уступив Челябинскому, Шадринскому, Троицкому, Коми-Пермяцкому, Ишимскому и Курганскому округам[54]. Выступая на VIII окружной партийной конференции, состоявшейся в конце мая 1930 г., ответственный секретарь Ирбитского окружкома ВКП(б) Лузин заявил, что статья Сталина «Головокружение от успехов» явилась дуновением ветерка, от которого, как карточные домики, развалились наши районные коммуны»[55]. Решение о их ликвидации правление окрколхозсоюза приняло только 1 апреля. Сначала были реорганизованы скороспелые гиганты, а 13 апреля состоялось последнее заседание совета Краснополянской районной коммуны «Гигант», принявшее решение о своей ликвидации. В начале лета на ее основе был создан райколхозкомбинат.

Исправление «перегибов» проходило далеко не гладко. Выступая на VIII окружной партийной конференции, прокурор Ирбитского округа К.Сизых заявил, что «признанные ошибки» не исправлялись. Привел он и конкретные примеры противодействия. Так, в Слободо-Туринском районе некоторые товарищи якобы заявляли: «Хоть сложим голову, но будем отстаивать коммуну, а в сельхозартель не пойдем». Один из участников окружного совещания рабочих-двадцатипятитысячников, состоявшегося в середине июня 1930 г., сообщил, что «в отдельных местах мы до сих пор не признали своих ошибок по исправлению классовой линии, особенно по отношению к середняку, несмотря на то, что вышестоящие партийные звенья эти ошибки давно признали»[56].

Но все же определенная работа по исправлению «перегибов» была проведена. Дело не ограничилось наложением административных взысканий и перемещениями по должностным постам, а дошло и до судебных процессов над некоторыми работниками, совершившими преступления, связанные с «перегибами, искривлениями политики партии и нарушениями революционной законности при коллективизации и лик-

видации кулачества как класса». По словам председателя окружного суда А.Бобылева, в составе осужденных была «добрая доля хороших работников». Суды, очевидно, это учитывали, основная масса обвиняемых была приговорена к принудительным работам до шести месяцев, многих оправдали или осудили условно.

Исправления самих «перегибов» сопровождалось новыми издевательствами над крестьянами. Прежде всего, всячески пытались помешать выйти из колхозов. 22 крестьянина Тазовского сельсовета Слободо-Туринского района послали в окружную газету письмо, в котором жаловались, что коллективизация у них продолжилась старыми методами: работники сельсовета заявляли выходившим: «А ты из колхоза вышел, так узнаешь, где раки зимуют. Мы тебя налогами да облигациями задушим, и из кооперации ты ничего не получишь, а то и скулы выдергаем!». В Волковском сельсовете Ирбитско-пригородного района выходивших запугивали осуждением на шесть месяцев принудительных работ или штрафом в 500 рублей. Совершил самоубийство колхозник дер. Кочевки Зайковского района, запуганный председателем сельсовета, что будет расстрелян, если выйдет из колхоза[57].

Однако основное противодействие оказывалось в возвращении обобществленного имущества и земли. Выступая на VIII окружной партийной конференции, прокурор К.Сизых сообщил: «К нам ходят люди с жалобами о том, что не возвращают им имущество, и некоторые товарищи были у нас уже несколько раз. На местах же на это обращают очень мало внимания.

Несколько слов о единоличнике. У нас с ним [дело] обстоит скверно. «Вот ты не идешь в колхоз — тебе полагается меньше того и другого, ешь похуже и т.д.». Также обстоит вопрос и с землепользованием. Колхоз, артель, берет себе лучшие земли, а мужику-единоличнику остается земля похуже и подальше. [Отсюда] введение розни между единоличником и членами артели, и в некоторых местах получается то, что крестьяне разделились на два лагеря»[58].

В Костинском, Туринском и Зайковском районах даже не сумели отвести единоличникам землю до начала сева. В общем, колхозы проводили «установку», ясно сформулированную ответственным работником Костинского района: «Мы

делаем и будем делать взаиморасчеты с выходцами так, чтобы [они] у нас кругом остались в долгу!»[59].

Наиболее полно причины плохих взаимоотношений между колхозниками и единоличниками определили секретари Скородумской и Ретневской партийных ячеек Зайковского района, которые откровенно заявили, что они «возникли на почве представленных колхозам льгот, на перегибах по коллективизации и по вопросам землеустройства». Эти отношения оставались напряженными и в последствии, пока завершение коллективизации не сняло проблему.

В экстремальных условиях весны 1930 г. особое значение приобрело проведение колхозами весеннего сева. Благодаря значительной помощи, оказанной коллективному сектору, колхозы, в сравнении с поставленными в гораздо более тяжелые условия единоличниками, относительно благополучно провели сев, расширив посевную площадь против 1929 г. на 13%. К этому времени выходы из колхозов в основном прекратились, и произошла стабилизация коллективного сектора (см. *табл. 6*).

В августе 1930 г. Ирбитский округ был ликвидирован. Этот же месяц стал разграничительным рубежом в колхозном движении 1929-1932 гг., знаменовавшим конец его первого этапа. Хотя внешне может показаться, что единоличный сектор во всех районах восстановил свое доминирующее положение, выйдя на первое место даже в колыбели коллективизации Ирбитского округа — Краснополянском районе, но сейчас это были уже не те единоличники, что раньше: экономический фундамент индивидуального хозяйствования был основательно подорван, что наглядно показала весенняя посевная кампания 1930 г. Но еще более значительным было психологическое потрясение — события зимы-весны 1929/30 г.: невиданное ранее по широте своего применения массовое насилие надломило единоличное крестьянство. Теперь вопрос раскрестьянивания деревни стал только вопросом времени.

* * *

Осенью 1930 г. спад в колхозном движении был преодолен, и начался новый подъем. Состоявшийся в декабре 1930 г. объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) объявил, что в области сельского хозяйства в «первые два года пятилетки

Таблица 6. Коллективизация крестьянских хозяйств Ирбитского округа на 1 июля 1930 г.

Районы	Коллективные объединения				В них крестьянских хозяйств	Процент коллективизации
	Коммуны	Артели	Тозы	Всего		
Благовещенский	-	10	1	11	266	5,6
Заводо-Ирбитский		22		22	1485	32,1
Зайковский	1	18		19	1373	29,9
Краснополянский	30	98	2	130	6030	45,2
Ирбитско-пригородный	3	45	1	49	1720	27,2
Костинский	2	28		30	1144	20
Слободо-Туринский	15	24		39	962	21,3
Таборинский	2	3	1	6	103	3,4
Тавдинский	1	13		14	14	8,1
Туринской	4	27		31	31	12
ПО ОКРУГУ	58	288	5	351	14 041	25,4

** ЦДООСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1142. Л. 115.*

мы успели уже превзойти вдвое всю пятилетнюю программу» и даже разрешить «в основном» зерновую проблему в результате «крупнейших успехов, достигнутых в области колхозного и совхозного строительства и неуклонно проводимой на базе сплошной коллективизации ликвидации кулачества как класса». В резолюции «О народнохозяйственном плане на 1931 год» были указаны контрольные цифры по коллективизации для всех групп районов страны: для Северного Кавказа, Нижней и Средней Волги, степной Украины устанавливалось задание объединить в колхозах «не менее 80 проц. крестьянских хозяйств», для Центрально-Черноземной области (ЦЧО), Сибири, Урала, лесостепной Украины и зерновых районов Ка-

захстана предписывалось «обеспечить 50 проц. коллективизации крестьянских хозяйств», для потребляющей полосы по зерновым хозяйствам — 20-25 проц, а по стране в целом — «не менее половины крестьянских хозяйств». При этом местным организациям рекомендовалось перевыполнять задание. И оно, в общем, действительно было выполнено и даже перевыполнено: к июню 1931 г. в колхозах состояло уже 52,7% крестьянских хозяйств[60].

2 августа 1931 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О темпах дальнейшей коллективизации и задачах укрепления колхозов»[61]. В нем разъяснялось, что «мерилом завершения в основном коллективизации того или иного района или области является не обязательный охват всех 100 процентов бедняцко-середняцких хозяйств, а вовлечение в колхозы не менее 68-70 процентов крестьянских хозяйств, с охватом не менее 75-80 процентов посевных площадей крестьянских хозяйств». В связи с этим было заявлено о завершении коллективизации в основных зерновых районах: на Северном Кавказе, Нижней Волге, в степной Украине, в заволжье Средней Волги, в степях Крыма, в которых было объединено в колхозах свыше 80% крестьянских хозяйств и 90% крестьянских посевов. В таких районах, как ЦЧО, лесостепная Украина, правобережье Средней Волги, зерновые районы Казахстана, Западная Сибирь, Урал, Башкирия и ряде других в колхозах было объединено свыше 50% хозяйств и более 60% крестьянских посевов. Партийные организации этих республик, краев и областей в центр своей работы должны были поставить вопросы организационно-хозяйственного укрепления колхозов.

1932 г. стал «годом завершения сплошной коллективизации»: осенью в колхозах находилось 62,4% крестьянских хозяйств. Крупное коллективное хозяйство заняло доминирующее положение в экономике[62].

Осенью 1930 г. на Урале также начался новый подъем колхозного движения, к концу года было коллективизировано 32,8% крестьянских хозяйств области. На протяжении первой половины 1931 г. рост колхозов продолжался, особенно «большая волна колхозного прилива» прокатилась в мае, когда в колхозы вступило свыше 93 тыс. хозяйств. К июню 1931 г. колхозное движение на Урале вступило в полосу за-

вершения сплошной коллективизации. В колхозы вступило свыше 60% крестьянских хозяйств. Наиболее успешно колхозное движение развивалось в зерновых районах Центрального и Южного Зауралья и Предуралья, где коллективизация крестьянских хозяйств достигла 70%, Горнозаводской Урал занимал промежуточное положение, имея до 50% коллективизированных дворов, в северных районах Предуралья и Зауралья к этому времени было коллективизировано до 40% хозяйств. В 1932 г. уровень коллективизации поднялся до 68,8%, посевные площади социалистического сектора (колхозов и совхозов) достигли 92,2%, что свидетельствовало о завершении «в основном» коллективизации уральской деревни[63].

* * *

Состоявшийся осенью 1929 г. второй пленум Уралсовета принял решение об укрупнении районов области. По Ирбитскому округу вместо 10-ти должно было остаться 6 районов. Краснополянский район оставался в прежних границах, Заводо-Ирбитский район ликвидировался и передавался в Егоршинский район Свердловского округа, Зайковский район, без Антоновского, Бичурского и Лебедкинского сельсоветов, отходивших в Егоршинский район, вливался в Ирбитско-пригородный район, Костинский район входил в состав Алапаевского района Нижне-Тагильского округа, Благовещенский район присоединялся к Туринскому району, Слободо-Туринский район укрупнялся за счет включения в него 7 сельсоветов Липчинского района Тюменского округа, Тавдинский и Таборинский районы остались без изменения. Реорганизация была проведена в 1931 г. уже после ликвидации округов.

Наиболее быстро коллективизация завершилась в Краснополянском районе: к августу 1931 г. в колхозах находилось 87,1% крестьянских хозяйств, в Баженовском, Еланском, Краснополянском и Чубаровском сельсоветах было коллективизировано практически все население[64].

В колхозах Ирбитского района к концу 1930 г. было 32,1% крестьянских хозяйств. Прошедший в начале января 1931 г. первый Ирбитский районный съезд советов постановил, что коллективный сектор должен был засеять в предстоящую посевную кампанию как минимум 65% всей посевной площади

района. К июлю 1931 г. в ирбитские колхозы вступило 80,3% хозяйств района. В связи с этим было констатировано, что процесс социалистического преобразования лица ирбитской деревни вылился в «величайшую победу» и сейчас «центральной задачей» стало организационно-хозяйственное укрепление колхозов[65].

В 1931 г. завершилась сплошная коллективизация и в Слободо-Туринском районе. Если на 1 июля 1930 г. в местных колхозах находилось 21,3 % крестьянских дворов, то уже на 1 января 1931 г. этот показатель поднялся до 33%. К концу лета 1931 г. в Слободо-Туринском районе было коллективизировано 75,5% хозяйств[66].

В северных районах колхозное движение развивалось медленнее. На 1 января 1931 г. в колхозах Туринского района находилось 24,2% крестьянских хозяйств. Состоявшийся в начале 1931 г. восьмой районный съезд советов постановил в течение весенней посевной кампании коллективизировать половину крестьянских дворов района. К июлю 1931 г. в Туринском районе в колхозы вступило 65% хозяйств, однако в присоединенном к нему Благовещенском районе коллективизация достигла только 43%, поэтому в новых границах Туринского района ее уровень составил 55%. Прошедший в мае 1931 г. третий пленум Туринского райисполкома констатировал, что в деле реконструкции сельского хозяйства достигнута решающая победа — «социалистический сектор занял господствующее положение», в колхозы вступило 81,4% крестьянских хозяйств[67].

Однако высокий процент коллективизации был достигнут за счет применения грубого насилия, работа по организации колхозов проводилась «на основе голого администрирования, приказа, ареста, штрафа и т.д.». Руководство района было обвинено в «левом» оппортунизме. Поэтому Уралобком ВКП(б) и облисполком пошли на роспуск райисполкома и сельсоветов Туринского района и проведение новых выборов[68].

В Тавдинском районе к концу 1930 г. в колхозах находилось 10% крестьянских хозяйств. В итоге «второй большевистской весны» процент коллективизации поднялся до 31%, однако в последующем ее развитие замедлилось. В конце 1934 г. тавдинские колхозы объединяли 55,6% крестьянских дворов района. Состоявшийся в это время восьмой съезд советов Тав-

динского района постановил к весенней посевной кампании следующего года завершить коллективизацию тавдинской деревни. В 1935 г. единоличный сектор и здесь перестал играть заметную роль[69].

Медленнее всего колхозное движение развивалось в Таборинском районе. По состоянию на 1 декабря 1930 г. в таборинских колхозах находилось 7,3% крестьянских хозяйств. Планировались к весенней посевной кампании 1931 г. коллективизировать 40% дворов района. Однако этот план так и остался не выполнен, и в конце 1931 было принято новое решение закончить коллективизацию к весне 1934 г. В 1932 г. в колхозах Таборинского района находилось 24% крестьянских хозяйств, за два года этот показатель поднялся до 45%, что было значительно ниже среднеобластных показателей. В трех сельсоветах района не было ни одного колхоза.

В августе 1935 г. президиум Таборинского райисполкома, обсудив телеграмму секретаря обкома ВКП(б) Кабакова и председателя облисполкома Головина о медленном развитии колхозного движения в Таборинском районе, констатировал, что уровень коллективизации возрос до 55,5%, и колхозный сектор «начал занимать командное положение в системе с[ельского] хозяйства района»[70].

Часть II
СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ИРБИТСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Глава 1
Политическая борьба в деревне

После окончания гражданской войны, подавления массового крестьянского повстанческого движения, обуздания безбрежного бандитизма произошло установление в стране гражданского спокойствия, хотя и весьма хрупкого: в деревне сохранялось политическое противостояние. Осложнение экономической и социальной обстановки произошло в связи с хлебозаготовительным кризисом 1927/28 г. Сложившаяся ситуация требовала взвешенного подхода, однако руководство страны выбрало путь насилия над крестьянством: пошло на слом нэпа и широкое применение чрезвычайных мер. 14 января 1928 г. была разослана партийная директива, в которой требовалось «арестовать спекулянтов, кулачков и прочих дезорганизаторов рынка и политики цен» и судить их «в особо срочном и не связанном с формальностями порядке». Тон чрезвычайной кампании был задан поездкой И.Сталина по округам Сибири, состоявшейся в январе — феврале 1928 г. Во время этой инспекции были сняты с работы и подвергнуты наказаниям многие десятки местных работников — «за мягкотелость», «примиренчество», «срастание» с кулаком и т.п. Волна замены партийных, советских, судебных и хозяйственных работников прокатилась по всем районам. На Урале, куда на хлебозаготовки был командирован В.Молотов, за январь — март 1928 г. были отстранены 1157 работников окружного, районного и сельского аппарата[1]. Все это нагнетало обстановку нервозности и административного произвола. Началось закрытие рынков, проведение обысков по крестьянским дворам, привлечение к суду несдатчиков хлеба. Суды автомати-

чески выносили решения о конфискации, как товарных излишков хлеба, так и запасов, необходимых для производства и потребления, часто изымался и инвентарь. Применялись аресты в административном порядке, суды приговаривали зажимщиков хлеба к тюремным заключениям. На местах дело доходило до рукоприкладства, физического насилия. Против тех, кто осуждал подобные методы, применялась пресловутая статья 58-10 УК РСФСР (контрреволюционная агитация). В следующей хлебозаготовительной кампании, особенно к весне 1929 г., чрезвычайные меры стали применяться еще шире и жестче. Это вызвало открытые протесты крестьян, вплоть до актов терроризма и массовых выступлений.

Насильственная сплошная коллективизация, сопровождавшее ее раскулачивание встретили усилившееся сопротивление крестьянства, участились случаи террористических актов. В январе — марте 1930 г. на Урале было зарегистрировано 260 случаев террора. Особенно широкий размах антиколхозные выступления получили на Северном Кавказе, Средней и Нижней Волге, в Центрально-Черноземной области, республиках Средней Азии и некоторых других местах.

В марте 1930 г. обстановка накалилась до предела: в горских районах Северного Кавказа восставшие заняли ряд аулов, шли бои в Черкессии и Карачае, 31 марта на имя И.Сталина пришла телеграмма из Казахстана с просьбой разрешить применение регулярных частей Красной армии для подавления массовых выступлений. Реальностью становилось всеобщее крестьянское восстание.

В этих условиях 2 апреля ЦК ВКП(б) вынужден был обратиться с письмом «О задачах колхозного движения в связи с искривлениями партийной линии». «Практика грубого администрирования в деле коллективизации, сопровождавшаяся перенесением на середняков методов борьбы с кулаком, подрывает доверие широких масс крестьянства к политике партии и советской власти, — говорилось в письме. — Недопустимые методы принуждения в деле коллективизации (запугивание, аресты и пр.) в ряде районов привели к дискредитации местных организаций в глазах крестьянства, толкнув середняков в сторону кулачества. Факты повстанческого движения под руководством контрреволюционных кулацких элементов в ряде округов Украины, в горских районах

Северного Кавказа и в Казахстане с особой силой подчеркивают опасное обострение политической обстановки в деревне. Наличие большого количества антиколхозных массовых выступлений в ЦЧО, Московской области, Сибири, Закавказье и Средней Азии, перерастающих под воздействием кулачества в антисоветское движение, требует решительных и притом немедленных мер против искривления партийной линии в колхозном движении». Если бы не были приняты меры против искривлений партийной линии, говорилось далее в письме, «мы имели бы теперь широкую волну повстанческих крестьянских выступлений, добрая половина наших низовых работников была бы перебита крестьянами, был бы сорван сев, было бы подорвано колхозное строительство и было бы поставлено под угрозу наше внутреннее и внешнее положение»[2].

Исправление «перегибов» привело к «успокоению» крестьянства, однако сопротивление коллективизации продолжалось и в дальнейшем, хотя уже не принимало прежнего размаха.

* * *

Далеко от идеальных были взаимоотношения в дореволюционной ирбитской деревне, хотя здесь и не было такого аграрного перенаселения, какое имелось в Европейской России. Земские власти проводили довольно взвешенную политику — путем малых дел постепенно приближали ирбитскую деревню к желаемому облику. В ходе революции у власти оказались новые люди, далеко не лучшие представители старого общества. Соответствующим было и отношение к ним населения. Расхожее мнение высказал один из крестьян с. Нижне-Иленского в июле 1918 г. на общем сходе, что «советская власть — фулиганская, верить тем лицам, как наш Васька Курсов, указывая на волвоенкома, не надо, которых необходимо пристрелить или повесить, а так же говорил, что их нужно сто человек за одного хорошего интеллигента или же зажиточного человека»[3]. Сами власти и не отрицали, что из подобного сброда формировались местные совдепы, именно этим объяснялся тот факт, что из 42-х волостей уезда, только в шести отношение к советской власти было сочувственным, а в 23-х — враждебным. В Туринском уезде дело дошло до вооруженных выступлений. Свержение советской власти население восприняло как освобождение. Не-

продолжительный период власти белых не привел к радикальному изменению настроения крестьянства.

Откровенное ограбление деревни, последовавшее после восстановления советской власти, резко усилило недовольство сельского населения, что вылилось в крестьянских волнениях в Антоновской, Байкаловской и Ляпуновской волостях Ирбитского уезда[4]. Особое озлобление крестьянства вызвала весенняя посевная кампания 1921 г., когда попытались насильно провести плановый засев. Один из крестьян с. Байкаловского в апреле 1921 г. в кругу селян говорил: «Что у людей кое где уже идут в дело печни, вилы и топоры, настало время и у нас, тогда и семена будут»[5]. Соседние с Ирбитским Туринский, Тюменский и Камышловский уезды оказались в зоне Западно-Сибирского крестьянского восстания.

Уступками и террором Советское правительство сумело утихомирить деревню. Прекратилось искусственное разжигание в ней вражды.

Однако во второй половине 20-х годов ситуация вновь начала накаляться. Все более тяжелым становился налоговый пресс, для проведения хлебозаготовок стали прибегать к чрезвычайным мерам, в деревнях ввели самообложение и принялись распространять займы. Помимо этого крестьянам нужно было выплачивать обязательные страховые платежи, единовременные налоги на культурные нужды, вносить плату за земле- и лесоустройство и т.д. и т.п. Все это не могло не вызвать озлобления в деревне. Имевшееся в обществе недовольство прорывалось наружу. Так, согласно имевшимся в Ирбитском окрисполкоме сведениям, работник окрзу Андреев в апреле 1929 г. говорил среди обывателей, собравшихся у магазина горпо: «Настало время тяжелое, а вот Ленин, когда был жив, то таких безобразий не было, какие встречаются сейчас. Партия разорила сельское хозяйство, страна стоит перед опасностью войны и голода, в учреждениях бюрократизм, который разводят сами коммунисты. Лучшие силы специалистов увольняются без достаточных оснований, и на место их поступают безграмотные головотяпы, которые ведут страну к гибели»[6].

Обострение политической ситуации было налицо. Подводя итог кампаниям самообложения и реализации первого займа индустриализации, специальная комиссия Ирбитского окрис-

полкома на примере Туринского района еще в апреле 1928 г. пришла к выводу, что деревня «раскололась на два противоположных лагеря»: в одном было зажиточное крестьянство, в другом — организованно действовавшая беднота[7].

В 1929 г. противостояние обострилось. 29 марта окружная газета поместила передовую статью «Не запугаете». В ней заявлялось, что кулак «сегодня является последним человеком, политическим изгоем в государстве. И совершенно естественно, что он всячески борется против партии и Советского правительства. За последнее время он (кулак) своей цели старается достигнуть тремя путями: во-первых, организуя хлебные забастовки, во-вторых, агитируя за сокращение посева и против поднятия урожайности, коллективизации, контрактации, а в третьих, организуя террористические акты над активистами-общественниками».

Выступая на IV съезде советов, состоявшемся в апреле 1929 г., секретарь Ирбитского горкома партии Ухаров заявил: «Обострение классовой борьбы в деревне есть продукт правильного руководства со стороны окрисполкома. Почему кулак убивает из-за угла лучших работников в деревне? Да потому, что у него сейчас создалось такое положение, что он может пойти только в открытую»[8].

Наиболее громким террористическим актом в Ирбитском округе стала гибель селькора «Голоса крестьянина» и областной «Крестьянской газеты» М.З.Потапова, убитого 16 марта в с. Андроновском Слободо-Туринского района. Окружная газета писала о погибшем: «Тов. Потапов своими заметками в газетах и выступлениями на сходах разоблачал кулаков и их прихвостней. Особенно его деятельность развернулась тогда, когда крестьяне начали проводить самообложение. Работа тов. Потапова проходила совместно с кружком селькоров. Ясно, что своей работой селькоровский кружок возбудил против себя ненависть всех кулацких слоев деревни»[9].

Однако убийство Потапова не было связано с его общественной деятельностью. Преступление совершил односельчанин убитого Ф.Отрадных, имевший гораздо большие заслуги перед советской властью, чем погибший селькор. В 1912 г. за убийство родного брата Отрадных был приговорен к 12 годам каторжных работ. В тюрьме он познакомился с политическими заключенными, и общение с ними

не прошло для него бесследно. После февральской революции 1917 г. Отрадных был амнистирован. Осенью 1919 г. он организовал на родине ячейку сочувствующих РКП(б) и стал ее председателем. После прохождения месячных курсов в Тюмени, работал инструктором-организатором колхозов в Туринском уезде, был руководителем совхоза и двух коммун, входил в коллегию Туринского уездного земельного отдела. Именно Отрадных, по его словам, «утилизировал» туринский женский монастырь, изгнав из него 124 монашки «за их религию и пропаганду против советской власти». Весной 1921 г. участвовал в боях с крестьянскими повстанцами в Туринском уезде, потеряв при этом многих товарищей. После оставления службы в Туринске вернулся в родное село, где по-прежнему занимался активной общественной деятельностью, хотя, не желая возвращаться в город, добровольно вышел из партии.

Бесспорно, что в данном случае имело место уголовное преступление. Ссора Отрадных с Потаповым тянулась с 1925 г., когда селькор украл у него дрова, позднее Потапов нанес ему несколько ножевых ран. Убийство произошло во время случайной встречи на ночной улице, когда оба были пьяны.

Наверно Отрадных не лукавил, когда говорил, что он «ни в коем случае не мог быть противником советской власти и ее ставленникам — активистам-селькорам»[10]. Но местным властям требовался громкий процесс о кулаках-террористах, и Отрадных был принесен в жертву, ради того дела, которому сам служил.

Другие убийства особого резонанса не вызвали, пьяная поножовщина не особенно вписывалась в рамки кулацкого террора.

1929 г. характеризовался резким всплеском преступности. Если в 1927 г. в Ирбитском округе было осуждено 3607 чел., в 1928 г. — 3098, то в 1929 г. — 4209 чел. Однако произошло не просто увеличение числа преступлений, в 1929 г. появились осужденные за «контрреволюционные выступления», всего по 58 статье было привлечено 240 чел.[11] Основной всплеск преступности пришелся на сентябрь и октябрь, когда Ирбитский окротдел ОГПУ проводил массовую операцию по ликвидации «активно действующих кулацких элементов деревни».

Народные суды часто квалифицировали тот или иной состав преступления по статьям Уголовного кодекса, мало сходным с содеянным. По этим мотивам окружной суд почти не отменял приговоров, просто переквалифицировал состав преступлений по тем статьям, по которым нужно было их квалифицировать, и приговоры оставались в силе. Однако 60% приговоров народных судов в 1929 г. было отменено «за неправильное применение закона». Это были дела, которые подлежали рассмотрению в окружном суде, как неподсудные народным судам. Сюда в большинстве подпали дела, возникшие «на почве классовой вражды». Следственные органы зачастую это игнорировали и передавали дела в народные суды по подсудным им статьям, суды содеянное так же квалифицировали по этим статьям. Такие приговоры окружной суд отменял. Местные работники свое поведение объясняли следующим образом: «Дело будет очень долго ходить по всяким прокурорским инстанциям, пока не придет разрешение судить по 58 статье УК. Кулак будет на свободе или предварительно сидеть в изоляторе, а батрацко-бедняцкие массы колхозников требуют быстрой судебной репрессии. Вот мы и квалифицируем состав преступления, например по 71, 73 ст., когда надо по 58 ст. УК, а репрессию выдерживаем классовую»[12].

Развернулась так называемая «классовая борьба» и вокруг проведения коллективизации. Профессор А.Караваев и агроном А.Сосновский в своей совместной книге о колхозе «Гигант» писали: «Классовая борьба протекает в деревне в чрезвычайно сложных и разнообразных формах. В одном случае кулак громит совет и убивает советских активистов, а в другом он проникает в совет, выступает сам как «советский актив», с тем, чтобы вредить изнутри. Когда мы обратимся к колхозному строительству, которое стало теперь по сути дела центром классовой борьбы в деревне, то и здесь мы наткнемся на чрезвычайно сложные формы и разнообразие методов и средств, которые оказываются в арсенале кулака, в его борьбе против колхозов.

Первый период развития колхозного строительства в районе (до XV партсъезда), когда колхозы насчитывались единицами, когда отсутствовало широкое внимание к ним, когда они развертывались (организовывались. — А.Е) не на надельной земле, а на земле госфонда, кулачество чаще ограничивалось издевками, насмешками по адресу колхозников. Именно

так характеризуют тот период старые коммунары. Кулачество еще не видело в лице старых коммун тех соперников, которые потом выступали в качестве могильщиков кулацкой деревни. Кулачество не мыслило, что бедняцко-середняцкую деревню можно повести по иному пути развития, а не по тому, куда тянет деревенская капиталистическая верхушка. Кулачество не сразу раскусило, что коммуны есть прообраз уже нарождающейся социалистической деревни. Общее состояние колхозного строительства в тот период было таково, что оно и не требовало со стороны кулака особого напряжения для того, чтобы удержать массы на старых путях. Поэтому кулак относился более или менее безразлично к коллективам того времени. Тогда его занимали более злободневные вопросы, как, например, борьба за политическую власть, борьба за совет, борьба за руководство кооперацией. Тут кулак действовал сильнее, решительнее, шире.

Сейчас (лето 1929 г. — А.Е.) положение коренным образом изменилось. Центр тяжести борьбы сосредотачивается вокруг растущих колхозов. Насмешки и издевательства над колхозами и колхозниками усилилось. Но этого мало. Кулак, зная темную, отсталую, полную предрассудков крестьянскую массу, расширяет диапазон своей деятельности. Он вместе с попами и байкаловскими сектантами с пеной у рта доказывает крестьянину, что «пришел антихрист и наступает конец», но «бог всемогущ, и нужно только молиться и уничтожать колхозы и коммунистов». Кулак убеждает, запугивает, грозит, травит, портит поля колхозов и инвентарь, провоцирует, лжет, рассылает анонимки с угрозами».

В итоге А.Караваев и А.Сосновский пришли к заключению: «Двумя лагерями живет новая и старая деревня. Разница в том, что первая — это растущая, набирающая силы, а вторая — пустеющая, распадающаяся»[13].

Слухов и сплетен про колхозы распускалось много, как видно, это была основная форма «классовой борьбы». Всего за 1929 г. на территории Краснополянского района произошло 33 покушения на убийство и угроз, 10 избиений и 19 поджогов[14].

В самое напряженное время зимы 1930 г. в Краснополянском районе находился следователь И.Башмаков. В это время здесь произошло несколько пожаров. Однако, согласно докладу

следователя, «классовой политической подкладки не по одному материалу установить не удалось». Следствие выявило лишь, что «все эти пожары возникли на почве халатного отношения со стороны колхозников в отношении не принятия противопожарных мер». Но были и преднамеренные поджоги.

Трещина, расколовшая крестьянство, точно так же пролегла и среди колхозников. Посетившая летом 1929 г. организующийся «Гигант» Ф.Фрумкина пришла к выводу, что «борьба идет главным образом не между бедняками и кулаками, ибо кулаки или составляют ничтожный процент, или, в некоторых колхозах, их нет, а между бедняками и середняками, союз которых надо крепить»[15].

Эта борьба в основном выражалась в притеснениях середняков. Член правления Уральского облколхозсоюза М.Зыков по этому поводу писал: «Антисередняцкие настроения в колхозах Урала выражаются в раскулачивании и чистке из колхозов середняков. В некоторых колхозах отсталые элементы батрачества и бедноты высказывают недоверие середняку. Середняка не допускают в руководящие органы колхоза. Середняк оттирается от руководства отдельным участком в хозяйственной жизни колхоза. Эти случаи не являются редкостью. В результате мы имеем в ряде мест такое положение, что середняк оказался почти изолированным от колхозного движения. Имеются такие случаи, когда колхозы создаются преимущественно батрацко-бедняцкие, с незначительным количеством середняков»[16].

Коллективные хозяйства не были изолированы от остальной деревни, и что происходило в ней, то же находило отражение и в колхозах.

В конце 1929 — начале 1930 г. ситуация обострилась. Наверно, наиболее точно состояние деревни этого времени выразила редакция ярославской стенгазеты Костинского района. В заметке «Классовая борьба началась в деревне» она высказала сожаление, что «началась травля друг друга», и предложила страховать имущество и карать хулиганов[17].

Связано это было с вакханалией насильственной коллективизации и раскулачивания. А.Караваев и И.Шумский в совместной статье в журнале «На аграрном фронте» скромно признали, что «практика коллективизации делала все необходимое для воспитания в массе элементов недовольства». Ру-

ководство страны, завоевывая симпатии беднейшего крестьянства, отдало ему на разграбление зажиточную часть деревни. Однако в своем большинстве беднота оказывалась неблагодарной: к весне 1930 г. против советской власти было настроено почти все сельское население, верным остался только немногочисленный актив. Мартовский тактический маневр выпустил пар из перегревшегося котла крестьянского возмущения, позволив избежать более серьезных потрясений. Оценивая случившееся задним числом, А.Караваев и И.Шумский писали: «В первый момент кулачество растерялось перед мощностью колхозной волны, замолкло, открыто не выступало, а кое-где стремилось проникнуть в колхозы, во что бы то ни стало. С другой стороны, кулак провоцировал перегибы, помогая местным головотяпам, в частности при закрытии церквей. Наконец, в начальный период подъема, имело место бегство кулаков из (Краснополянского. — А.Е.) района, где они заранее ликвидировали свое хозяйство, распродавая его. Примерно той же тактики придерживался и ближайший союзник кулака — поп: бегство из района (почти все попы) и отказ от сана (боровиковский поп).

Однако у кулачества растерянность быстро сменилась активизацией. Возросшее в связи с перегибами недовольство масс учитывалось кулачеством, и последнее от тактики приспособления, маскировки переходит к возобновлению решительной борьбы с колхозным строительством, стремясь местами переключиться на рельсы откровенно антисоветской работы. Практика перегибов и извращений давала богатейший материал кулачеству в его антиколхозной работе, в его работе за влияние на середняка и даже бедняка. Кулак широко использовал и напряженность обстановки в связи с резким усилением антисоветской деятельности за границей (выступление римского папы и др.). Запугивание колхозников войной, куда их «заберут в первую очередь», стало одним из центральных пунктов кулацкой агитации. Со всей силой агитационная и организационная работа кулака развернулась после того, как вышла статья тов. Сталина и решение ЦК (от 14 марта. — А.Е.). Кулачество со всей энергией взялось за организационную и агитационную работу: оно организует выходы из колхозов, собирает подписи за открытие церквей, созывает подпольные собрания, на которых колхозникам «разъясняется» статья т.

Сталина и решение партии (зачастую много раньше, чем местными организациями). Трудности колхозов широко используются кулачеством в своей агитации».

В заключении статьи авторы заявили: «Кулак не ликвидирован. Борьба не прекращена, а приняла лишь более сложные формы и практика Краснополянского района именно об этом и говорит»[18].

Если вернуть тому, что писала советская пресса, то получается, что существовало организованное кулацкое движение сопротивления, координировавшее свои акции в пределах значительных территорий, чем, по-видимому, должны были заниматься неведомые властям подпольные комитеты. Свои методы работы власть приписывала своим явным и мнимым противникам. Кулачество же уподабливалось сказочной гидре, у которой вместо отрубленных голов вырастали новые, чем вызывалась необходимость перманентной борьбы с ним.

Однако, несмотря на явную вздорность основной мысли приведенной части статьи А.Караваева и И.Шумского, очевидно, что было стихийное противодействие коллективизации, протекавшее в указанных авторами формах, начиная от различных сплетен и слухов вплоть до избиения особо ненавистных активистов.

Какое было настроение у основной массы сельского населения в это время, видно из реплики колхозника артели «Новая» Зайковского района Гр.Южакова, сказанной им на общем собрании колхоза летом 1930 г.: «Скоро должна быть вторая революция, которая состоит [в уничтожении] гадюк, которые набивают карманы, пролезая в ряды партии»[19].

Глава 2
Раскулачивание и антицерковная кампания

Одним из наиболее сложных вопросов аграрной истории 20-х годов является проблема определения кулачества, нет полной ясности в том, кого собственно считать кулаком и, соответственно, какова была численность кулачества. В «Толковом словаре» Вл.Даля кулаком назван «перекупщик, переторговщик, маклак, прасол, сводчик... живет обманом, обсчетом, обмером». В энциклопедическом словаре братьев Гранат

сказано: «Кулачество, как обиходное понятие, — пользование стесненным положением другого для извлечения прибыли, преимущественно при покупке товаров». Однако в начале XX в. толкование термина «кулак» значительно расширилось, включив в себя кабальную эксплуатацию не только в сфере обращения, но и производства[1].

В советское время необходимость определения хозяйств эксплуататорского типа приобрела практическое значение — кулаки лишались избирательных прав. В «Инструкции о выборах городских и сельских советов и о созыве советов», принятой ВЦИК 4 ноября 1926 г., были даны признаки кулацких хозяйств, но первоначально количественные выражения по этим признакам приведены не были[2]. В связи с отменой ограничений на использование наемного труда, 18 апреля 1925 г. СНК СССР принял «Временные правила об условиях применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах», которые не распространялись на «хозяйства промышленного типа»[3]. Однако четкого определения кулацкого хозяйства в законе дано не было. Отсутствовало оно и в специальной инструкции по применению «Временных правил...», изданной Совнаркомом РСФСР. 10 октября 1927 г. СНК СССР принял постановление об изменении «Временных правил...», где к хозяйствам промышленного типа были отнесены хозяйства, применявшие одновременно труд не менее трех батраков или батрачек в течение целого сельскохозяйственного сезона, а также хозяйства, члены которых обязаны были выбирать патент на занятие посредничеством или на промышленные предприятия не ниже второго разряда[4].

Несколько ранее, 5 октября 1927 г., Совнарком РСФСР предложил местам установить размер крестьянских хозяйств, на которые не должны были распространяться «Временные правила...»[5]. 5 января 1928 г. президиум Ирбитского окрисполкома принял постановление об установлении (признаков) крестьянских хозяйств промышленного типа. К ним были отнесены:

1. Хозяйства с общей годовой доходность свыше 700 рублей на двор или 80 рублей на едока при использовании наемного труда.

2. Применявшие наемный труд двух батраков или батрачек в течение календарного года.

3. Имевшие в своем составе промышленные предприятия (мельницы, маслозаводы, кузницы и т.д.) независимо от числа наемных рабочих и сроков найма.

4. Если в хозяйстве имелись члены с «нетрудовым заработком» (служители религиозного культа) или не работавшие непосредственно в своем хозяйстве, также независимо от числа батраков и сроков их найма.

5. Прибегавшие к наемному труду вне своего хозяйства при обслуживании на своих лошадях разного рода перевозок, если при этом было занято не менее двух лошадей, независимо от числа нанятых рабочих и сроков найма.

В апреле 1929 г. президиум Ирбитского окрисполкома принял новое постановление об установлении крестьянских хозяйств кулацкого типа. Чисто кулацкий тип оказался гораздо шире промышленного. К нему дополнительно были отнесены все хозяйства, привлеченные к обложению сельскохозяйственным налогом в индивидуальном порядке, а количественный показатель применения наемного труда, достаточный для отнесения двора к кулацкому типу, снижен до одного батрака (батрачки) в течение всего сельскохозяйственного периода, независимо от размеров доходности хозяйства[7].

В следующем (1929/30) окладном году категория хозяйства «кулацкого типа» расширилась. К ним были дополнительно отнесены: хозяйства, имевшие доход от промышленных предприятий (мельниц, маслобоек, крупорушек и т.п.), даже если в них не использовался наемный труд, арендовавшие землю «на кабальных для сдатчика условиях», а также жившие на доходы, нажитые от занятия в прошлом торговлей, выполнения подрядных работ или полученные от промышленных предприятий. Минимум общего годового дохода, необходимый для отнесения хозяйства к кулацкому, здесь установлен не был[8].

Даже если признать, что понятие «кулачество» включает в себя и кабальную эксплуатацию в сфере производства, то все равно приведенные выше «типы» кулацких хозяйств необоснованно многочисленны, а количественные выражения по этим признакам произвольны. Однако дело в том, что если бы ирбитские руководители строго следователи данным определениям, то вряд ли они вообще в конце 20-х годов отыскали хозяйства «кулацкого типа». Поэтому и вынуждены были работни-

Мялка льна.
Село Городище Тавдинского района.

Крестьянская семья. 1916 г.

Группа коммунаров коммуны «Федерация»Еланского района. 20-е годы.

Группа коммунарок коммуны «Федерация». 20-е годы.

Деревня Ларина Еланского района после пожара.
Лето 1929 г.

Оргбюро коммуны «Гигант». 1929 г.

«Межа умерла». Артель «Новая жизнь» Ирбитского района. 30-е годы.

ки статсектора Уралплана, попытавшиеся отыскать живых кулаков в Гаевском сельсовете Ирбитско-пригородного района, признать: «...если руководствоваться только одними внешними признаками, то и классовая группировка хозяйств не дает сейчас правильного отражения действительной классовой структуры современной деревни, в особенности трудно сейчас выделить по внешним признакам (прямым и косвенным) мелкокапиталистическую верхушку. Только учитывая недавнее прошлое этих хозяйств, изучив природу этих хозяйств на месте, можно сделать правильное их разнесение по классовым группам. Видимые же и учитываемые статистические признаки отказываются во многих случаях служить тем инструментом, который еще не так давно давал возможность более или менее правильного определения классовой сущности отдельных хозяйств»[9].

По данным агронома-экономиста Ирбитского окрзу Жуковского «зажиточно-предпринимательские хозяйства» в 1927 г. в Ирбитском округе составляли 3,48% общего числа дворов[10]. В 1928/29 г. в индивидуальном порядке в округе было обложено 1,2% крестьянских хозяйств[11]. После того, как провели учет для следующего окладного года, то во всем Ирбитском округе отыскалось только 396 хозяйств, подлежавших индивидуальному обложению, или 0,76% к общему числу. Объяснили этот казус тем, что ирбитские финансово-налоговые работники были «слишком близорукими»: искали кулака под микроскопом, но никак не могли его увидеть. Однако стоило только вместо «работничков» налоговых комиссий пустить в дело местные партийные ячейки и бедняцкий актив, как «кулаки» сразу отыскались[12]. По сведениям Ирбитского окрисполкома осенью 1929 г. в округе имелось 1342 кулацких хозяйства или 3,5% от общего количества крестьянских дворов[13]. Учитывая, каким путем получили эту цифру, в лучшем случае она показывала количество зажиточных хозяйств, но очевидно, что она вообще ничего не характеризовала.

* * *

Борьба против кулачества началась еще в ходе Октябрьской революции 1917 г. Именно тогда впервые было применено раскулачивание, т.е. прямая и насильственная экспроприация средств производства. В годы нэпа проводилась «поли-

тика ограничения и вытеснения эксплуататорских устремлений кулачества». XV съезд ВКП(б) заявил об экономическом «наступлении на кулачество». Чрезвычайные меры, примененные при хлебозаготовках 1928-1929 гг., обрушились, прежде всего, на зажиточное крестьянство. Уже в это время фактически началось раскулачивание: было введено индивидуальное обложение, при котором сельскохозяйственный налог увеличивался в несколько раз, производился принудительный выкуп у частников тракторов, изымались земельные излишки (по сравнению с нормами уравнительного землепользования), прекратилось кредитование зажиточных хозяйств. Эти меры вызвали «самораскулачивание»: некоторые крестьяне добровольно оставляли деревню, отправляясь в город, на стройки.

Летом и осенью 1929 г. масштабы ликвидации зажиточных хозяйств стали нарастать, прежде всего, вследствие продолжавшегося расширения и усиления индивидуального обложения сельскохозяйственными налогом и еще более введением твердых заданий по хлебозаготовкам. Если задания не выполнялись, их увеличивали в несколько раз.

В выступлении на Всесоюзной конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. И.Сталин объявил, что в политике партии и советского государства совершился «один из решающих поворотов»: «от политики *ограничения* эксплуататорских тенденций кулачества перешли к политике *ликвидации* кулачества как класса». Речь шла о том, чтобы «сломить кулачество», «ударить по кулачеству... так, чтобы оно не могло больше подняться на ноги...»[14].

Выработка конкретных мер и способов осуществления этой политики 15 января 1930 г. была поручена специальной комиссии Политбюро под председательством В.Молотова. 30 января Политбюро утвердило постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». В нем предписывалось провести конфискацию у кулаков средств производства, скота, хозяйственных и жилых построек, предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции и семенных запасов. Хозяйственное имущество и постройки должны были передаваться в неделимые фонды колхозов в качестве взноса бедняков и батраков, часть средств — в погашение долгов кулацких хозяйств государству и кооперации.

«Контрреволюционный актив» кулачества — организаторы террористических актов и антисоветской деятельности должны были арестовываться и репрессироваться как политические преступники, а их семьи высылаться в северные и отдаленные районы страны (первая категория). Туда же высылались вместе с семьями крупные кулаки и бывшие полупомещики, активно выступавшие против коллективизации (вторая категория). Остальную, самую многочисленную часть раскулачиваемых предполагалось расселять в пределах районов на специально отводимые для них за пределами колхозных массивов земли (третья категория).

Количество хозяйств, ликвидируемых по каждой категории, должно было «строго дифференцироваться по районам в зависимости от фактического числа кулацких хозяйств» и не превышать в среднем 3-5% всех крестьянских дворов. При этом были установлены конкретные цифры «ограничительных контингентов», подлежащих высылке кулацких хозяйств по районам сплошной коллективизации[15].

Зимой — весной 1930 г. прокатилась первая волна раскулачивания. Точное число пострадавших в ходе ее не известно, имеются лишь данные о численности семей, высланных в отдаленные районы страны — 115 231, в следующем году вновь было насильственно переселено 265 795 семей[16].

Раскулачивание на Урале началось после получения постановления ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». Однако только 8 февраля бюро Уралобкома приняло постановление «О ликвидации кулацких хозяйств в связи с массовой коллективизацией», в котором были определены количественные показатели по раскулачиванию: к кулакам первой категории отнесли 5 тыс. хозяйств, ко второй — 15 тыс. К июню 1930 г. на Урале было раскулачено около 30 тыс. крестьянских дворов. Уральская область стала местом ссылки для раскулаченных из других районов страны, уже в 1930 г. здесь расселили 35,2 тыс. семей, среди которых 14,8 тыс. было переселенных внутри области. Раскулаченные расселялись в северные части Верхне-Камского, Коми- Пермяцкого, Нижне-Тагильского, Ирбитского и Тобольского округов[17].

С февраля по октябрь 1931 г. прошла еще одна, наиболее широкая волна ликвидации кулацких хозяйств. Общее руко-

водство осуществляла специальная комиссия, возглавляемая А.Андреевым. Проводилось раскулачивание и в дальнейшем, и после того, как в марте 1932 г. прекратила свое существование упомянутая комиссия, и после того, как осенью 1932 г. было объявлено о завершении сплошной коллективизации. При этом оно все больше принимало характер репрессий за невыполнение заданий по хлебозаготовкам, за хищения колхозной продукции, за отказ от работы и т.п.[18]

* * *

Октябрьские события в Петрограде имели следствием разнузданный погром в Ирбите в конце ноября 1917 г. и физическое уничтожение городской буржуазии летом 1918 г. Впоследствии проводились конфискации имущества у беженцев, ушедших летом 1919 г. с отступавшими частями Сибирской армии, у семей многочисленных дезертиров Красной армии, и вообще у тех, у кого было что отбирать. Другим следствием Октябрьского переворота стало насильственное поравнение крестьянства через общий земельный передел. В 1917-1918 гг. в Ирбитском уезде прошла складка и накладка душевых наделов в пределах общин. Состоявшееся 27-29 января 1918 г. общее собрание Ирбитского уездного земельного комитета в присутствии представителей всех волостей постановило подвергнуть переделу кроме общинных также и хуторские и отрубные участки. При этом исходили из того, что они, как выделенные из надельных земель, оставались таковыми (надельными) и, следовательно, находятся в ведении и распоряжении общин. Правда, в постановлении собрания было оговорено, что при складке и накладке душевых наделов хуторян и отрубников, целость их хозяйства не должна была нарушена (не допускался перенос усадьбы и отвод земли в нескольких пластах)[19]. Пришедшие к власти большевики действовали еще радикальнее, но положение не изменилось и после свержения советской власти. На состоявшемся 8 февраля 1919 г. заседании Ирбитского уездного по земельным делам совета был рассмотрен вопрос о земельных переделах 1917-1918 гг. Члены совета постановили оставить их в силе на 6 лет, если не последует жалоб на неправильность проведения. При этом складку у хуторян и отрубников, у которых оказался излишек земли против установленной в общине нормы, постанови-

ли временно, до разрешения этого вопроса в законодательном порядке, оставить в силе[20].

Судя по сохранившимся архивным документам, при земельном переделе хуторяне и отрубники подвергались насилиям. Хуторянин Верх-Ницинской волости Ирбитского уезда И.П.Белоногов в письме министру земледелия и колонизации Российского правительства Н.И.Петрову, отправленном 12 марта 1919 г., в частности писал: «...земельные переделы 1918 г. были произведены по отношению собственников пристрастно, так как община, встречавшая все новшества враждебно, имела возможность свести свои старые счеты с собственниками, отчего наиболее пострадали хуторяне». Другой хуторянин этой же волости В.А.Шанауров также заявлял, что «переделы 1918 года, при разнузданности темных элементов общества, произведены с особенным пристрастием по отношению земли устроенных собственников, хозяйства которых в большинстве случаев поставлены сравнительно образцово»[21].

После перехода республики к нэпу, отношение к хуторянам и отрубникам изменилось: государство стало содействовать крестьянам, стремившимся вести интенсивное хозяйство, в частности защищало от притеснений со стороны общины. Под № 12 в Ирбитском уезде было зарегистрировано, как ударное интенсивное хозяйство, хозяйство В.А.Шанаурова, жаловавшегося министру Российского правительства «на произвол общинников», поправших его «право собственности», при власти «захватчиков-большевиков».

Новый подход к крестьянам-опытникам оказался недолгим. Выступая на пленуме окружного комитета ВКП(б), состоявшемся в мае 1929 г., ответственный секретарь Ирбитского окружкома В.Баландин прямо заявил, что «чаще всего этот культурник оказывался подлинным кулаком». (Как показали последующие события, это были не пустые слова.)

Что же до отношения властей к «подлинным кулакам», то заместитель председателя Ирбитского окрисполкома М.Леонтьев так сформулировал его: «Мы им (кулакам. — А.Е.) говорим: «Ты живешь и приносишь пользу государственному строительству, а больше мы от тебя ничего не желаем». В это время (цитата относится к 1928 г.) основным средством притеснения кулацких хозяйств оставалась еще налоговая политика. По отношению ее М.Леонтьев «совершенно открыто за-

являл», что «мы кулака облагаем постольку, поскольку можно будет с него взять и освободить бедняка, насколько, чтобы не подрывать его хозяйство»[22].

В 1928 г. произошло значительное ужесточение отношения к зажиточному крестьянству, особенно это нашло выражение в хлебозаготовительной кампании 1927/28 г. После ее завершения даже пришлось остужать пыл некоторых, не в меру ретивых товарищей. Выступая на пленуме Ирбитского окружкома ВКП(б), состоявшемся в сентябре 1928 г., Баландин сказал: «Если вы, товарищи, внимательно присмотритесь к настроениям отдельных членов партии и деревенской бедноты, особенно к тем, у которых остались пережитки военного коммунизма, вы установите, что эти товарищи временные чрезвычайные меры склонны рассматривать как начало отмены нэпа, как политику раскулачивания кулаков, как политику, непосредственно вытекающую из решений 15-го партсъезда». В конце своей речи секретарь «особо подчеркнул», что «болтовня об отмене нэпа неосновательна» и потому «дальнейшее наступление на кулака, на основе постановлений 15 партсъезда, партия должна производить методами экономического воздействия, а не методами раскулачивания»[23].

Призрак раскулачивания отчетливо засиял на горизонте, «отдельные члены партии и деревенской бедноты» считали, что нэп — дело временное, после которого все равно должен был последовать возврат к старой военно-коммунистической политике, в частности, к «раскулачиванию кулаков». Вопрос, очевидно, заключался в том, когда к нему приступать. Субъективно крестьянство было уже готово к полному раскулачиванию, но власти временно отложили его.

В течение следующего года продолжалось нагнетание враждебности к зажиточной части деревни. Корреспонденты окружной газеты изощрялись в оскорблениях кулаков, называя их «сосунами земли», «стервами», «паршивыми людьми», «жабами двуногими» и т.д., проводя психологическую подготовку раскулачивания. 20 июня 1929 г. «Голос крестьянина» вышел с броской передовой статьей «Довольно нянчиться с кулаками!», в которой заявлялось: «Пора сломить сопротивление кулацких элементов деревни (кампании хлебозаготовок. — А.Е.), разорвать их круговую поруку. У нас есть достаточ-

но средств и возможностей заставить их считаться с общественным мнением бедняцко-середняцких масс». В этом же номере было сказано, что отдельные коммунисты Костинского района считали верным средством борьбы с кулаком раскулачивание.

Вся логика событий вела к раскулачиванию, разговоры о котором с 1928 г. не прекращались. 20-21 декабря прошла вторая окружная конференция групп бедноты и батрачества. Материал о ней был опубликован окружной газетой под заголовком «Удар за ударом по кулаку!» Наиболее ярко мнение делегатов выразил батрак Благовещенского района Бедулев, который, под шумные аплодисменты всего зала, заявил: «Против кулака требуются меры, да чтобы покрепче! Необходимо его разоружить окончательно и бесповоротно».

Подводя итог конференции, газета писала: «Классовая борьба в деревне принимает исключительно широкие размеры. Кулака надо обуздать. Бить его беспощадно на всех фронтах»[24].

Спустя несколько дней И.Сталин выступил с речью на Всесоюзной конференции аграрников-марксистов, в которой заявил о переходе к политике ликвидации кулачества как класса. 11 января 1930 г. передовая статья «Правды» призвала «объявить кулачеству не на жизнь, а на смерть войну и, в конце концов, смести его с лица земли». В 20-х числах января в округа Уральской области ушли дерективы о массовом раскулачивании. 24-го в Ирбите было получено секретное распоряжение обкома ВКП(б) и облисполкома, в котором предписывалось немедленно организовать бедноту, середняков и общественность деревни на борьбу с кулаком и контрреволюционными элементами, в первую очередь в районах сплошной коллективизации, путем вынесения колхозными и общегражданскими собраниями постановлений о конфискации скота, средств производства, строений и организованной передаче их колхозам. Раскулаченные подлежали высылке за пределы округа, самовольный выезд кулаков, до получения указаний области, запрещался. Передача имущества колхозам должна была производиться по описи, с реальной его оценкой, наделение имуществом раскулаченных единоличников запрещалось. Решительно предписывалось не допускать хулиганства и других «деморализующих эксцессов»[25].

Распоряжение попало на благодатную почву. Работники Ирбитского окружкома ВКП(б) искренне сообщили: «Директива о раскулачивании была встречена с большим удовлетворением не только руководящими, но и низовыми практическими работниками, «измучившимися», особенно за последние годы, в борьбе с кулаками во время проведения разного рода хозяйственно-политических кампаний»[26].

26 января окружная газета поместила передовую статью «Ликвидируем кулака как класс», в которой обосновывалась необходимость раскулачивания: с одной стороны — кулак противостоит коллективизации, а с другой — он сходит на нет как поставщик хлебных излишков государству. Газета заявляла: «Кулак должен быть лишен средств производства и имущества, в отношении которых он проводит сегодня политику уничтожения. Надо чтобы целиком хозяином ранее кулацких ценностей после этого был колхоз. По кулаку нужно ударить со всей силой».

После этого на места разошлись ведомственные директивы, конкретизировавшие проведение раскулачивания. Однако сама кампания началась еще в начале января и к этому времени, по-видимому, была в основном завершена. Предшествующая подготовка не прошла бесследно — механизм раскулачивания деревенскому активу объяснять не было необходимости. При этом различий при проведении кампании между отдельными районами не было. Обследователи работы советов Краснополянского района, касаясь раскулачивания, писали в своем отчете: «По большинству сельсоветов ликвидация кулака как класса проходила следующим порядком: проработанный партячейкой и с/советом список кулачества выносился на обсуждение бедняцких собраний. Последние давали характеристику каждому из кулаков, вскрывая при этом все отрицательное прошлое[27]. После этого проводилась опись имущества кулаков, предъявлялось требование об уплате каких-либо госплатежей и, после отказа от уплаты, имущество продавалось с торгов.

Как исключения, в некоторых сельсоветах к торгам допускались и единоличники, но и то последние покупали какую-нибудь неценную мелочь. Были и такие случаи, когда на торгах принимали участие коммунисты, руководители сельских организаций, но тоже как исключение (единичные случаи).

Оценка имущества проводилась настолько низкая, что, к примеру, хорошие кулацкие дома, продавались за 1-10 рублей. Покупали, несомненно, только коммуны.

Видимо, предчувствуя такое положение, кулачество пускалось на всякого рода уловки с тем, чтобы как-нибудь сохранить имущество. Часть кулаков сумела заранее сбежать с имуществом по городам и заводам Урала, и почти поголовно у каждого кулака находили спрятанное имущество. Активность бедноты в этот момент была настолько велика, что все спрятанное разыскивалось. Находили мясо, хлеб в снегу. Машины, телеги и прочее находили в разобранном виде в лесу. В Серковском сельсовете один из кулаков, заметив ночью, что за его домом наблюдают, выгнал на улицу лошадей. Пока наблюдавшие за его домом комсомольцы ловили этих лошадей, он сумел на оставшихся лошадях вместе с семьей и имуществом скрыться. Были случаи, когда кулацкое имущество находили спрятанным у несознательной части бедняков и даже колхозников (Любинский, Чурманский сельсоветы).

После продажи имущества кулаков сельсоветы не знали куда их отправить. В некоторых сельсоветах (Чубаровский) кулакам давали «волчьи билеты» с перечислением всех их «заслуг», отправляли по постановлениям общих собраний куда угодно, только за пределы Уральской области.

Были случаи перегибов, когда кулачество выгонялось из деревни вместе с семьями, с ребятишками, одетыми кое-как, незащищенными от холода, в лучшем случае, снабжались хлебом на месяц и в худшем — на два дня».

Из Зайковского района доносили: «Собрания по раскулачиванию и вопросу кого выселить против обыкновения многолюдны и шумливостью своей напоминают 1918 г. с той лишь разницей, что тогда кипели страсти вчерашнего раба, порой анархически и с лозунгом «Грабь награбленное». Сейчас та же шумливость, но [она] подчинена рассудку и политической выдержанности»[29].

В первой половине февраля на места были спущены распоряжения об упорядочении использования имущества раскулачиваемых. Правда, к этому времени раскулачивание в основном уже заканчивалось. Задним числом поступила разнарядка по категориям, 8 февраля президиум Уралоблисполкома постановил выслать из округов области 15 тыс.

семей, из них на Ирбитский округ пришлось 800 дворов. Размеры внутриокружного расселения (т.е. третью категорию) должны были установить сами окрисполкомы. Однако 26 марта, когда раскулачивание уже завершилось, президиум облисполкома все же установил количество кулаков, отнесенных к третьей категории: по Ирбитскому округу оно составило только 150 человек[30].

Несмотря на некоторые попытки упорядочить и привести внешне в пристойные формы кампанию раскулачивания, «темные элементы общества» снова разнуздались. Специальная комиссия, обследовавшая Боровиковский сельсовет Краснополянского района, сообщала: «В связи с ликвидацией кулака как класса со стороны руководителей допущен ряд грубейших искажений, а именно: вместо раскулачивания кулаков раскулачены середняки и бедняки.

1. Раскулачена мать добровольца Красной армии, погибшего на фронте, 76 лет, 6 мес[яцев] лежавшая в постели. У последней изъято имущество: две рубахи и около двух фунтов масла.

2. Раскулачен Боровиков Андрей Трофимович, имевший одну лошадь и одну корову и никогда не имевший наемного труда. Раскулачен лишь только за то, что он не шел в колхоз.

[...].

Из общего количества раскулаченных 35 хозяйств, при пересмотре восстановлено 25-ть, что само по себе говорит за недостаточную проработку вопроса руководящей головкой населения, допустившей грубое извращение генеральной линии партии. При изъятии имущества у раскулаченных акты не составлялись, а изъятие имущества проходило таким путем: влетает бригада, выбрасывает семью на улицу и там происходит обыск или просто увоз [имущества] без всякой описи, а потому, в связи с восстановлением 25 хозяйств [нет] никакой возможности возвратить имущество, принадлежащее тому или иному хозяйству. [...].

Работники сельсовета, в числе 16 человек, натащили в помещение сельсовета муки, масла, рыбы и мяса, устроили обед. Кандидат ВКП(б) Солдатов Николай Иванович, одевшись женщиной, стряпал блины, а другие члены и кандидаты [партии] жарили рыбу и котлеты. Во время раскулачивания Боровикова Филиппа Сергеевича, обвиняемого в том, что последний до

14-го года работал у местного купца в качестве приказчика, группа ударников-комсомольцев и членов партии варила пельмени и выпила до 2-х ведер оставшейся от хозяев браги. Такие же явления происходили во время раскулачивания др[угих] хозяйств. Имущество раскулаченных растаскивалось членами ВКП(б) и ВЛКСМ. [...]. Ударные группы средь бела дня снимали шапки и др[угую] одежду с раскулаченных на глазах у колхозной массы».

Такими же методами действовали и в других местах. В начале марта окружная прокуратура составила сводку о «перегибах и извращения» по Ирбитскому округу. В ней сообщалось, что в Туринском районе: «Директивы партии и сов[етской] власти о ликвидации кулака как класса встретили живейший отклик среди колхозной массы, а особенно после того, когда узнали, что кулацкое имущество передается колхозам. За дело взялись горячо и так, [что даже] в некоторых случаях не оставляли постельной принадлежности для детей, не говоря уже о смене белья для взрослых. Имея десятки незаконных арестов, местные организации, несмотря на предупреждения нашего РУП[31], в данной степени не реагировали, причем районно-административная часть недвусмысленно намекала, что сейчас все уголовно-процессуальные кодексы и законы отпадают. Чувствовалось поощрение и со стороны других, более авторитетный организаций, пока не нажали из округа»[32].

Это же творилось и в Тавдинской районе, где ответственный секретарь РК ВКП(б) Архипов прямо заявил: «Теперь всякие законы отпадают, что сделаем, так и будет». «Выполняя лозунг секретаря РК партии, — писалось в прокурорской сводке, — низовые работники действительно раскулаченных оставляют, в чем мать родила, забирают не только постельную принадлежность, но даже и белье, оставляя лишь пару, которая надета на себе. Кроме того, большинство вещей домашнего обихода в описи не заносилось, и тем самым дана возможность и растащить кому попало»[33].

Особенно выделился Невьянский сельсовет Костинского района, в котором раскулачили 23% хозяйств, в числе раскулаченных оказались пять учительниц, две учительницы-пенсионерки, рабочий, батрачка, сторожиха, дети-сироты. «Верх безобразия», согласно окружной газеты, произошел в с. Знаменском Краснополянского района, где раскулачили учительни-

цу-пенсионерку Дягилеву. Она была выгнана из своего дома ночью в рваных пимах и худенькой шубенке[34]. При совершении мерзких дел использовали и детей. В дер. Потаповой Краснополянского района бригада школьников провела обыск у своей учительницы Мутиной. В этом же районе, по словам председателя окружного суда, «вооружили ребят-школьников, которых этот учитель учит, и они пошли к нему и стали его раскулачивать». Не обошла стороной зловещая кампания и городское население: в Туринске раскулачили «бывшую буржуазию, монашек и попов». Случались и курьезные случаи — инструктор Зайковского райколхозсоюза, рабочий-двадцатипятитысячник Якименко квартировал у местного жителя, при раскулачивании хозяина конфисковали имущество и у квартиранта[35]. Как проходило раскулачивание по отдельным районам видно из *табл. 7*.

Но это была внешняя сторона раскулачивания. А.Караваев и И.Шумский попытались, на примере Краснополянского района, показать его сущность. Оценивая происшедшее задним числом, они писали: «Смысл процесса раскулачивания в районе сводился не к лишению средств производства кулаков, не к использованию этих средств для укрепления производственной базы колхозов, словом не к ликвидации кулака как класса, а к изъятию у отдельных лиц имущества (вплоть до склянок с несколькими каплями йода) и передаче его в собственность колхозов, учреждений и отдельных лиц, главным образом, служащим и бедноте в порядке продажи. Дело, как видим, сводилось не к ликвидации определенного класса, а, во-первых, к изъятию имущества, по мнению того или иного представителя районной или деревенской организации, вредного лица, во-вторых, к удовлетворению потребительских интересов отдельных групп батрачества, бедноты и служащих, и, наряду с этим, в-третьих, к сведению классовых, а подчас и личных счетов с данным отдельным лицом. Весь этот процесс проходил под знаменем: «Довольно вы поносили хорошую шубу, давайте теперь нам поносить!»

Раскулаченный, таким образом, выступает не как владелец средств производства, служащих в его руках орудием эксплуатации, это не эксплуататор, которого необходимо ликвидировать как такового, как представителя определенного класса. Раскулаченный — это, с одной стороны, вредный элемент, ко-

*Таблица 7. Ход раскулачивания по районам Ирбитского округа**

Районы	Лишено избират. прав	Раскулачено**		Выслано из округа	Восстановлено на 15 мая 1930 г.	
		2 кат.	3 кат.		2 кат.	3 кат.
Благовещенский	328	43	57	16	-	40
Заводо-Ирбитский	615	91	89	54		96
Зайковский	1063	102	181	92		148
Краснополянский	1374	175	710	161		413
Ирбитско-пригородный	1028	82	240	67		218
Костинский	1169	79	362	79	1	344
Слободо-Туринский	1036	67	179	61		101
Таборинский	486	20	234	нет свед.		88
Тавдинский	339	20	132	20		106
Туринский	1110	99	221	99		208
ПО ОКРУГУ	8548	778	2405	651	1	1762

** ГАвИ. Ф. 183. Оп. 2. Д. 26. Л. 115-116.*

*** По первой категории в Ирбитском округе раскулачили 226 семей, таким образом, зимой 1930 г. было раскулачено всего 3409 дворов.*

торый необходимо лишить возможности вредить и, главное, наказать, а, с другой стороны, — это, по выражению одного местного работника, «источник пимов, рубах, шуб и т.д.».

Вместе с тем в «раскулачивании» местные деревенские организации нашли мощное орудие как «вовлечения» хозяйств в колхозы, так и перевода отдельных колхозов на устав коммуны. Метод запугивания, наряду с прочими методами, сплошь да рядом сопровождался угрозами подведения неподчиняющегося «вовлечения» под раскулачивание»[36].

Перемолов зажиточное и «вредное» крестьянство, маховик раскулачивания не остановился. На то же раскулачивание похоже обобществление имущества колхозников, которое за-

частую проводилось теми же самыми методами, да и теми же самыми бригадами. Не обошлось и без перераспределения уже награбленного имущества. Так, 12 февраля при Ляпуновском кустовом объединении коммуны «Гигант» была создана «легкая кавалерия». Председатель кустового объединения Долматов поручил «кавалеристам» провести повальные обыски всех колхозников «по обнаружению хлеба, денег и ценностей», обыскивали не только середняков, но и бедняков и батраков. В результате среди последних возникла паника, они решили: «Мы кулаков раскулачили, а сейчас за нас принялись»[37].

Собственно раскулачивание прошло, в общем, организованно: учить грабить не было нужды. Сбой произошел с выселением, где и сказалось отсутствие предварительной подготовки к кампании. К чему это привело видно на примере Таборинского района. Районный уполномоченный А.Бобылев доносил в окружком партии: «Когда был поставлен вопрос о ликвидации кулачества как класса в первых числах января м[еся]ца, то ярость батрацко-бедняцких масс была неизмеримо велика против кулачества. В этот момент батрачество и беднота готовы были не только ликвидировать кулачество как класс, но способны были на физическое уничтожение кулака. После этого настроение несколько изменилось. Это [изменение] настроения вызвано рядом причин. Во-первых, мы очень медленно шевелились с выселением раскулаченного кулачества. Эти кровопийцы оставались в ряде остальной массы крестьянства в плохоньких башеньках или избушках, часто без дров, т.к. привезти им было не на чем и они ходили по дворам за милостынею, а тогда, когда дома были только женщины (мужчины на лесозаготовках), то в лице женской массы населения они мало-помалу стали находить себе защитников, превращаясь в мучеников. Во-вторых, кулацкая агитация, подчас незаметная, действовала на население. Ликвидировав [кулачество] как класс, беднота и батрачество встречались с этим же кулачеством каждый день и на работах, и в обыденной жизни со всей его кулацкой натурой. Кулак часто действовал угрозами и запугиванием. Был случай, когда по району распустили слух, что самых махровых кулаков в Таборах Денисова и Кононова будут вселять обратно, и помимо всех расходов по вселению беднота и батрачество, организовавшиеся в колхозы, уплатят за обиду этим кулакам по 2500 р. на семью. Сразу почув-

ствовалось ослабление настроения против кулака. В-третьих, кулачество, транзитом проходящее через Таборинский район на север, часто не имело фуража, продуктов. Приходилось кормить [их] запасами таборинцев, а подчас приходилось давать лошадей, вместо падающих. А вместе с этим шла агитация, что вот все время эти люди будут вашими иждивенцами, особенно иждивенцами колхозов. В-четвертых, получилась опасность, что весной это кулачество, живущее вместе с населением, займется пусканием «красного петуха», уголовным и политическим бандитизмом, и что отразится это все на бедноте, батрачестве, колхозниках». В итоге уполномоченный заявил: «Вывод здесь можно сделать только один, — немного опоздали с выселением. Дали им долго жить со своими соседями, дали им в одних местах превратиться в мучеников в глазах масс, а в других местах — в грозящую местному населению силу»[38].

Таборинский район занимал своеобразное положение, но сделанный А.Бобылевым вывод применим ко всем районам Ирбитского округа. В течение всего января не было известно куда будут высылаться раскулаченные. Только 2 февраля начальнику Ирбитского окротдела ОГПУ сообщили, что установленные для округа 800 семейств, подлежавших высылке, разрешается организованным порядком, на собственных лошадях, отправлять в Самаровский или Березовский районы Тобольского округа для поселения там в любом месте[39]. От высылаемых нужно было взять подписки о невыезде из пределов северных районов Тобольского округа без разрешения ОГПУ, все они обязаны были зарегистрироваться в Самаровском или Березовском райисполкамах, или в соответствующих сельсоветах. В этот же день поступила шифровка в Ирбитский окружком ВКП(б) о порядке выселения раскулаченных: высылаемые должны были быть снабжены лесозаготовительным и строительным инвентарем, домашними вещами, одеждой и продовольствием на два месяца, всего груза до 25 килограммов на семью, деньгами — до 500 рублей[40]. 12 и 16 февраля состоялись заседания окружной комиссии по высылке кулаков, на которых было принято детальное постановление о порядке проведения выселения, утверждены маршруты следования районных партий раскулаченных и инструкция для сопровождавших высылаемых.

За пределы округов в северные районы Урала выселялись в порядке принудительной колонизации раскулаченные, отнесенные ко второй категории: к ней должны были отнесены «наиболее зажиточные и влиятельные кулаки и полупомещики». Какими критериями пользовались ирбитские руководители, наглядно видно из письма начальника второго отделения окротдела ОГПУ Зуева помощнику секретаря окрика Морейнису. Препровождая список высылаемых из Таборинского района на утверждение окрисполкома, Зуев писал: «По мнению окротдела ОГПУ из представленных материалов на 21 семейство, можно утвердить 20 семей (цифра данная району). Исключается из II категории и переводится в III[-ю] Автухова Анна Ивановна, 41 года, одинокая. На наш взгляд, очень плох деревенский актив, если он боится какой-то одинокой бабы. Выселять ее по II категории считаем не целесообразным, т.к. она через год, при возрасте в 41 год, будет уже старуха, а туда, в Тобольск, надо здоровых и молодых. Если мы ее «стукнем» по III категории, или просто предложим убираться из округа или района на все 4 стороны — будет лучше, чем высылка, а потом содержание за счет государства до тех пор, пока не пропадет сама»[41].

Ирбитские партийцы по своей линии доносили, что «ошеломленное внезапно нанесенным уничтожающим ударом, кулачество II-й категории в порыве паники и отчаяния, оставив семьи, стало разбегаться во все стороны». Половину из отнесенных ко второй категории удалось задержать и посадить под стражу. Задержка с отправкой возникла из-за трудности найти изъятые при раскулачивании вещи высылаемых. «Представляется некоторая трудность еще и в том, — сообщалось в докладе, — что многие кулаки действительно раздеты, для их отправки требуется найти не оставленную им при торгах и конфискации одежду, а также другие вещи и предметы, необходимые для отправки». Тем не менее руководство округа заверяло, что «экспорт II-ой категории будет начат в первых числах марта и закончен до апреля месяца»[42].

Выселение прошло далеко не гладко. Заместитель окружного прокурора Драгуневич доносил из Благовещенского района, где он находился в первой половине апреля: «По мероприятиям о выселении кулаков из пределов района установлено следущее. При выселении кулаков в ряде с/советов население оказало активное сопротивление, главным образом жен-

щины. Особенно выделяются: Санкинский, Бесихинский, Чукреевский, Жуковский, Неймышевский, Ленский и Кумарьинский с/советы. Мотивы к задержке выселяемых кулаков со стороны бедняцко-середняцкой части деревни таковы: «за каждого выселенного кулака мы обязаны будем платить по 1000 рублей», «выселяют незаконно», «кулаки нам ничего плохого не сделали», «советская власть грабит» и т.д. и т.п. Вышеуказанные выпады являются делом кулацкой агитации, пытающейся спрятать свою шкуру за спиной бедняцко-середняцкой части деревни. «Работа» кулака настолько укрепилась среди некоторой части бедноты и середнячества, в особенности женщин, что в некоторых с/советах, как, например, в Кумарьинском, дер. Кумарья, на улицу выходили женщины и мужчины вооружение дубинками и топорами, намереваясь разогнать работников, угрожая расправой в случае попытки выселить кулаков, бросали грязью и палками в работников, не давали подвод, распрягали уже запряженные подводы, прятали сбрую и т.п. В Ленском с/совете целые сутки осаждали с/совет, угрожали членам с/совета и коммунистам расправой, вследствие чего члены с/совета, до прибытия окружных работников, вынуждены были скрываться. Особенно характерно то, что во всех вышеуказанных случаях беднота была главным образом бузотером, середнячество держалось более пассивно, а беднота кричала: «Нам ничего не сделают, т.к. мы бедняки»[43]. Настроение бедноты колебалось подобно траве на ветру; будучи опорой советской власти в деревне, она же поставляла основную массу непослушных властям смутьянов.

Не простой была ситуация и в других районах, но, в общем, обошлось, и в марте на север потянулись конвои. Одни партии «в общем и целом» добрались до места назначения — с.Нахрачи Тобольского округа — «благополучно» (гибель в пути грудных детей и самоубийства раскулаченных были не в счет), другие — не совсем. Так, сплошной мукой стал путь слободотуринской партии раскулаченных, т.к. руководство районной коммуны выделило для нее «самых плохих лошадей», «совершенно утхлую и рваную» сбрую и т.д. Прав был Оскар Уайльд, заявивший: «Есть только один класс людей, которые еще более своекорыстны, чем богатые, и это — бедные».

Высланные в Кондинский район Тобольского округа ирбитские раскулаченные были фактически брошены на произ-

вол судьбы; жили в землянках, в первый же год многие умерли от страшного голода.

В конце марта председатель окрисполкома Фоминых разослал по рикам письмо, в котором подвел итоги высылки раскулаченных, отнесенных к второй категории, и наметил необходимую работу для расселения семей, отнесенных к третьей. При этом он подчеркнул, что за пределы районов «будут выселяться безусловно здоровые и трудоспособные семьи». В другом распоряжении Фоминых указал, что расселяемым по третьей категории нужно выдать, если они уже раскулачены, «необходимое имущество, минимум с/х инвентаря, скота, хлеба и семян для ведения х[озяйст]ва на месте поселения, а также часть построек, кои возможно перевести на новое место». Так как выселение затягивалось, раскулаченных нужно было снабдить продовольствием за счет колхозов, которым было передано их имущество; необходимо было также предоставить им квартиры и принять меры против бегства[44]. В одних местах расселение раскулаченных, отнесенных к третьей категории, успели провести, в других, по-видимому, нет, приближавшаяся посевная не оставила для этого времени. 4 апреля на места было послано распоряжение, подписанное ответственным секретарем окружкома ВКП(б) Лузиным и председателем окрисполкома Фоминых. Они предписали «полностью прекратить всякого рода расселение кулаков III категории, оставив в том селе, где они проживают». Тем хозяйствам, у которых были отобраны жилые и надворные постройки, предлагалось предоставить в пользование имевшиеся свободные жилые помещения, сельсоветы обязывались выделить земельные участки и выдать семена, на каждые три хозяйства предписывалось выдать лошадь, плуг или соху, борону и корову. Принимать в колхозы эти хозяйства не разрешалось[45]. Но и после этого определенная работа по расселению продолжалась, высланные семьи размещали в Таборинском районе. В конце апреля Фоминых телеграфировал в Уралсовет, что расселение раскулаченных по третьей категории внутри округа «в пределах плана» закончено: дети находились при родителях, и обучение их было возможно, раскулаченные обеспечивались семенами и втягивались в посевную. Оставшиеся на местах были снабжены землей по трудовой норме и также принимали участие в посеве[46].

По сведениям Ирбитского окрсуда, перегибы при раскулачивании в отдельных районах начались в декабре 1929 г. Первое время дела по ним следственными и судебными органами пропускались как обычные, не придавая им особого значения. Больше всего случаев «неправильного раскулачивания» произошло во второй половине января — первой половине февраля 1930 г. Исправление их началось в первой половине февраля, правда, сначала оно было направлено на упорядочение конфискаций, но вскоре обратили внимание и на то, кого раскулачивают. 15 февраля Ирбитский окрисполком разослал по рикам распоряжение, запрещавшее раскулачивать семьи красноармейцев и командного состава РККА. Массовая реабилитация раскулаченных началось позднее, когда приступили к исправлению перегибов по всем, проводившимся в деревне кампаниям. Как видно из табл. 7, восстанавливали в правах только раскулаченных, отнесенных к третьей категории. А.Караваев и И.Шумский, на примере Краснополянского района, заключили, что «в процессе восстановления раскулаченных исходят из того же принципа, что и в процессе раскулачивания: восстанавливают не потому, что середняк, представитель определенной социальной группы деревни, по головотяпству раскулаченный, а восстанавливают исходя из степени доказанности вредности данного лица, восстанавливают потому, что материал не дособран и т.д.». При этом восстановление прошло далеко не гладко, причем недовольны остались обе стороны. Имущество раскулаченным возвращали с большим трудом, некоторые из них были вынуждены по несколько раз обращаться с жалобами к окружному прокурору, по словам которого на местах на это обращалось «очень мало внимания». «Вернув» имущество раскулаченным туринцам, горсовет тут же наложил на него арест, так как оно подлежало продаже за неуплату недоимок. С другой стороны, были недовольны и местные работники, так, один из двадцатипятитысячников заявил: «Восстановленные из раскулаченных проявляют много капризов и нахальства, доходящего до вызывающих безобразий (требования различного рода мелочных, ничего не стоящих вещей и т.д.)»[47].

Однако, несмотря на только что прошедшую массовую кампанию раскулачивания, по мнению ирбитских руководителей и местного актива, ликвидировать кулачество подчистую не

удалось. Подобный взгляд оправдывал необходимость дополнительного раскулачивания, которое вскоре и началось. Уже в сентябре 1930 г. в Туринском районе провели вторую массовую высылку раскулаченных семей. В это время новая волна раскулачивания покатилась по всем районам бывшего Ирбитского округа. Сейчас раскулачивание проходило изощрение: если во время первой кампании (зима 1930 г.) раскулачивали просто так, как «вредного элемента», то теперь сначала облагали налогом в индивидуальном порядке, давали заведомо невыполнимые твердые задания, затем (за невыполнение заданий) накладывали пятикратку, в уплату задолженностей имущество продавали с торгов, а семью высылали. Так, в 1933 г. из Ирбита и района подлежало выселению 369 человек «кулаков, белобандитов, полицейских и торговцев»[48]. В результате, все неугодные местным властям и активистам крестьянские хозяйства были ликвидированы, семьи высланы на лесозаготовки и промышленные стройки, скудное их имущество разграблено.

* * *

Уральская область, как уже было выше отмечено, стала местом ссылки для раскулаченных, высылаемых из западных и южных районов СССР. На состоявшемся 25 января 1930 г. закрытом заседании президиума облисполкома был рассмотрен вопрос о расселении кулаков в северных районах области. В принятом постановлении было оговорено, что требуется сосредоточение «кулацкой ссылки в таких районах, в которых она не могла бы материально обрастать. Необходимо всю кулацкую ссылку поставить в такие материальные условия, при которых она была был в полной зависимости от государствен[ных] промышленных организаций, дающих ей заработок, и устранить всякие возможности для создания ссыльными кулаками собственных хозяйств, могущих существовать самостоятельно и развиваться. Расселение кулаков не должно идти по принципам размещения адмссыльных, живущих временно, а этот кадр должен размещаться в порядке колонизации, с расчетом концентрирования, трудоспособные элементы которого превратятся в постоянные кадры лесных рабочих»[49]. Всего Уральская область должна была принять 30 тыс. семей спецпереселенцев, из них 1 тыс. пла-

нировалась разместить в Ирбитском округе. Однако в действительности весной 1930 г. в округ прибыло 1594 семьи раскулаченных из Белоруссии и Кубани, которые были размещены в Тавдинском и Таборинском районах: в первом 207 семей общей численностью 1728 чел. И во втором — 1387 семей общей численностью 7420 чел.[60] Еще до завершения прибытия раскулаченных, 18 апреля, уполномоченный окружкома ВКП(б) по Таборинскому району А.Бобылев, касаясь положения переселенцев, писал в докладной записке: «Второй вариант — кулачество импортное (под первым вариантом А. Бобылев подразумевал местное кулачество. — А.Е.). Это белорусское кулачество. Их пока 400 семейств, но будет больше. Размещены в одном Оверинском с/с[овете]. Идет их размещение по баракам в лесу, где они используются на лесозаготовках. Есть отдельные богатые кулаки-помещики, которые не нуждаются, имеют деньги и от работы отказываются. Сейчас пока использовано на работах 150 человек. [...]. Заработная плата выдается работающим наравне со всеми другими рабочими, работающими сдельно. Продовольствие работающие тоже получают, как и все остальные рабочие, семьи их обеспечены за счет зарплаты. Хуже обстоит дело с нетрудоспособными семьями, но сейчас идет учет их, и будет ставиться вопрос перед соответствующими организациями.

Когда это кулачество живет вместе с крестьянством, то ведет соответствующую пропаганду, но особенных эксцессов нет. Молодежь приехала с музыкальными инструментами, чего нет в таборинской деревне. Начинает устраивать свои вечеринки, заманивает местную молодежь. Есть случаи, когда импортная молодежь начинает погуливать с местными девушками и, наоборот, местные парни гуляют с импортными девчатами. Реакционности молодежь пока не проявляет. Много прибыло таких семейств, что муж арестован раньше и выслан в Омск, В.-Камск и т.д., а семья приехала сюда. Теперь она ходатайствует, чтобы семью выслали по месту нахождения мужа или мужа прислали к ней, чтобы семья не осталась иждивенцами других. [...]. Настроение этого кулачества заключается сейчас в том, — подытожил А.Бобылев, — что они не думают, что высланы сюда навсегда. Они считают, что высланы временно, на время сева, и сейчас имеется в районе до 150 заявлений с

ходатайством о возвращение их на работу. Политических осложнений пока не наблюдалось»[51]. Начальник Таборинского районного административного отдела Вечканов со своей стороны доносил, что настроение среди спецпереселенцев паническое, при этом отметил, что часть местного населения помогает им продовольствием.

Расселение переселенцев в старожильческих деревнях было временными, до размещения их в специальных поселках. Сначала планировалось организовывать один такой поселок в Тавдинском районе и шесть — в Таборинском, но затем их число сократили до трех. Для использования труда нетрудоспособных, было решено организовывать на необжитых землях (а где представлялась возможность — на близлежащих крестьянских землях) огородных артели, разрешая использовать в них до 15% трудноспособных мужчин, Ирбитский окрполеводсоюз должен был снабдить артели сельскохозяйственным инвентарем и семенами[52]. Однако дело шло с большим трудом, в личном письме председателю окрисполкома Фоминых инспектор Уральского облзу Гр.Калабин жаловался, что в Тавдинском районе ни райживмолколхозсоюз, ни земчасть рика, ни леспромхоз практически переселенцами не занимались. «Даже ни одного раза, — сетовал инспектор, — эти 3 организации не собрались обсудить вопрос. Как видно, для всех только бы шло время»[53]. С другой стороны, 16 мая заместитель директора Тавдинского леспромхоза Кочегаров сам послал телеграмму Ирбитскому окрику, направив копию в окротдел ОГПУ, в которой уведомлял: «Обеспечение колонистов инвентарем идет слабо. Конной тяги на местах нет. Просьба сообщить, кем это обеспечивается. Семенной материал, стройматериалы, снабжение поступает также неудовлетворительно. Просьба Вашего содействия»[54]. Но работа по расселению спецпереселенцев по-прежнему велась неудовлетворительно. 7 июня президиум Таборинского райисполкома заслушал вопрос о ходе расселения колонистов. Было констатировано, что, несмотря на возможность выполнить план, учлеспромхоз и другие заинтересованные организации не смогли расселить спецпереселенцев, затребованные для посева семена поступили лишь 6 июня, имевшийся сельскохозяйственный инвентарь находился в бесхозяйственном состоянии, работники учлеспромхоза занимались лишь бесполезным «гастролерством». Президи-

ум принял строгое постановление, работников учлеспромхоза решили привлечь к ответственности[55].

Вскоре в Ирбитский округ прибыли новые партии раскулаченных. Всего в 1930 г. в Тавдинском районе разместили 1003 семьи спецпереселенцев в шести колониях. Для их хозяйственного обустройства планировалось построить 503 избы, однако к июлю следующего года удалось завершить строительство только 323 изб. В 1931 г. в Тавдинский район прибыло дополнительно 3060 семей раскулаченных, они были размещены в 10 спецпоселках, строительство которых шло «архибезобразно медленно», при этом для снабжения ссыльных совершенно не имелось продовольствия.

В зимнее время спецпереселенцы использовались на лесозаготовках. Проживавшие в Тавде колонисты и в летнее время занимались переработкой леса, работая на лесопильных заводах. Находившиеся в сельской местности спецпереселенцы в это время работали в неуставных артелях, возглавляемых комендантами.

* * *

Проведение коллективизации индивидуального крестьянства и ликвидация его зажиточной части сопровождалось одновременным осуществлением культурной революции. Окружная газета следующим образом выразила их единство: «Коллективизация сельского хозяйства является не только могилой кулачества, но и могилой религии».

Церковь была едва ли не единственным институтом старого общества, пережившим революцию и гражданскую войну. Ослабив на время кампанию массового террора, власти отступились от Церкви, сохранив над ней жесткий контроль. Однако начало массовой коллективизации привело к одновременному наступлению как на Церковь, так и вообще на христианские нравственные устои, исповедуемые значительной частью крестьянства, место которых должна была заменять социалистическая мораль.

2 марта 1929 г. президиум Ирбитского окрисполкома впервые заслушал материалы о шести церквах. Так, по церкви с. Таборинского приняли следующее постановление: «Принимая во внимание, что, несмотря на неоднократные предложения о производстве необходимого ремонта, никакие меры не пред-

принимаются, что здание церкви доведено до степени явно угрожающей общественному посещению, что группа верующих, ныне владеющая храмом, не сможет выполнить того ремонта, который требует состояние зданий, что граждане окружающих таборинских селений на массовых собраниях требуют закрытия церкви, признать необходимым договор, заключенный Таборинским риком 23/VII-25 года с группой верующих, на основании циркуляра НКВД и НКЮ от 5/IV-27 года за № 153, расторгнуть и передать храм с культовым имуществом другой, более благонадежной, религиозной организации, которая обяжется отремонтировать его и т.д. При отсутствии же других религиозных организаций, желающих взять храм в арендное пользование по договору, предложить Таборинскому райисполкому возбудить вопрос, на основании циркуляра НКВД от 19/IX-27 года за № 3513, о совершенном закрытии храма и использовании его на общественно-государственные надобности»[56]. Аналогичные не подлежавшие оглашению постановления были приняты по остальным пяти церквам. Это событие положило начало конвейеру решений о закрытии всех без исключения церквей, материалы на которые рассматривались президиумом окрисполкома. 2 апреля было решено расторгнуть договор с группой верующих на пользование Воскресенской церковью г. Ирбита, «без передачи церкви другой религиозной организации, принимая во внимание, что все организации и население гор. Ирбита в период перевыборной кампании в советы настоятельно требовали закрытия Воскресенской церкви и передачи ее под клуб для рабочих»[57].

Хотя еще слабо стала втягиваться в антирелигиозную кампанию окружная газета, поместившая несколько заметок против празднования Пасхи. 10 мая она сообщила, что крестьяне дер. Власовой Еланского района, коллективизированной на 92%, заявили: церковь им не нужна и решили передать ее под народный дом или школу. Безбожные колхозники с. Баженовского превратили церковь в гараж для тракторов[58].

К концу года кампания по закрытию церквей приняла массовый характер. 11 декабря окружная газета опубликовала заметку «Коллективизация — бич религии», в которой заявлялось: «Бурный рост коллективизации в Краснополянском районе наносит решительный удар и по устоям религии. Ускользает всякая почва из под ног «духовных пастырей» к

дальнейшему затуманиванию «смиренного стада». Батрацко-бедняцкие и середняцкие массы крестьянства убеждаются в том, что религия действительно самое пагубное зло для трудящихся. Она не способна принести ничего, кроме вреда для населения». В это время в Краснополянском районе были закрыты 10 церквей, к началу следующего года планировалось закрыть все. Активизации антирелигиозной истерии способствовало приближение празднования Рождества Христова. «Голос крестьянина» обратился: «Рабселькоры, по рождеству, по старому быту — огонь!» Газета писала: «Рост колхозного строительства, общего культурного уровня подрывает основу религии. Но все же религия, деятельность попов является большим тормозом к более быстрому темпу строительства социализма. В нашем округе, наряду с закрытием многих церквей, все же имеются случаи воздействия церковников на отсталые слои крестьянства. Религия и привычка к старому быту до сих пор еще кой-где не изжиты». В заключении указывалось: «К рождеству нужно добиваться перелома в работе местных организаций Союза воинствующих безбожников. Многие ячейки СВБ все еще продолжают числиться на бумаге. Редколлегии стенгазет и рабселькоры должны добиваться, чтобы они превратились в центр воинствующего безбожия, активно и повседневно вели антирелигиозную работу». В следующем номере окружной газеты была помещена подборка материалов под лозунгом: «Оплот контрреволюции — религию — вырвем с корнем». Некто Ваганов призывал не позднее 20 декабря начать «антирелигиозный подход трудящихся», который решил объявить Союз воинствующих безбожников, совместно с комсомолом. Взрослым вторила школьная детвора, которая якобы заявила: «Елок же и прочей дребедени нам не нужно, у нас есть дела поважней, чем эти игрушки»[59].

В пору массового закрытия церквей особо заговорили о колоколах. Один из авторов окружной газеты предложил: «Колокола — на тракторы». Он писал: «Социалистическая перестройка народного хозяйства страны требует станки, комбайны, тракторы и др. сложные машины. Но у нас ощущается большой недостаток цветного металла. В практике работы доходит до того, что мы устраиваем подворные обходы, проводим целые кампании, дабы собрать весь свободный металл и этим сгла-

дить затруднения в снабжении промышленности цветным металлом. Можем ли мы равнодушно смотреть и слушать перезвон церквей, когда наша промышленность испытывает большие затруднения от нехватки меди? Нет и еще раз нет». В это время по Ирбиту прокатилась волна собраний, участники которых требовали закрытия Богоявленского собора и снятия колоколов. Рабочие ирбитской типографии заявили: «Довольно колокольного звона, он мешает нам строить новую жизнь — социализм». Собрание неорганизованных женщин Ирбита постановило: «Собор закрыть, а колокола перелить на тракторы». 26 декабря на центральной площади города прошел «многотысячный митинг», вынесший постановление: «Требовать передать городской собор под Дом культуры. Передать колокола со всех церквей на индустриализацию страны. Со всей энергией взяться за осуществление декрета Владимира Ильича Ленина о поголовной ликвидации неграмотности»[60].

Отчитываясь о своей деятельности за 1929 г., окружная прокуратура сообщала: «В округе происходит, в связи со сплошной коллективизацией, отказ от пользования церквами. Церкви эти закрываются и занимаются тут же, не дожидаясь никакого разрешения, под культурные учреждения. Жалоб на закрытие церквей не поступает ни от кого, но иногда закрытие происходит без учета настроения. Например, в селе Ницинском Ирбитского района воинствующие безбожники повели агитацию за закрытие церкви в рождество. Тогда религиозная часть населения в количество около 80 человек, забрав с собой в котомках хлеб, поставив «параши», заперлись в церкви с попом и просидела четверо суток, а затем, видя, что закрывать церковь никто не идет, разошлась по домам[61]. В некоторых районах не осталось ни одной церкви не закрытой (Краснополянский район). Все здания переданы под культурные учреждения. В селах, где закрываются церкви, население само предлагает попам выехать немедленно из селения. Отношение духовенства к закрытию церквей — активно не выступают. Имеются два случая, известные прокуратуре, выступления духовенства: в селе Ницинском Ирбитского района поп заперся с верующими, около 80 человек, в церкви, где просидели четверо суток, а затем скрылся, и в селе Харловском, во время последней службы поп сказал, что «сердце трепещет, а уста молчат»[62].

На преступном поприще борьбы с Церковью выделился Краснополянский район. В рапорте «с фронта социалистического наступления» президиум пленума Краснополянского райкома ВКП(б), состоявшегося в начале января 1930 г., доложил: «На антирелигиозном фронте [мы] имеем блестящие успехи. Церкви (21) и часовни (53) колхозниками закрыты и переданы под культурно-социальные учреждения. Развернуто соцсоревнование между коммунарами по сдаче икон из своих квартир и сожжению на кострах. В ночь под «рождество» сожжено свыше двух тысяч икон добровольно собранных самими колхозниками по своим квартирам». В отчетном докладе оргбюро «Гиганта» в связи с этим было заявлено, что «народный дурман отмирает, на место религии о боге должна прийти наука и вооружить нового социалистического человека таким оружием, при помощи которого возможно было бы подчинить все силы природы для служения на пользу человечеству»[63]. О достижениях «Гиганта» на антирелигиозном фронте 18 января сообщила «Правда». Особой оценки мракобесие краснополянских коммунаров удостоили участники Всесоюзного совещания районов сплошной коллективизации, состоявшегося 11-14 января, которые призвали последовать их примеру все колхозные объединения районов сплошной коллективизации[64].

31 декабря 1929 и 11 января 1930 г. Уральской облисполком разослал по окрисполкомам области распоряжения, в которых осудил «стихийное закрытие церквей, без предварительного согласия окриков и без санкций облисполкома», и предложил в дальнейшем закрывать церкви только после утверждения президиумом облисполкома[65]. 15 января начальник областного административного отдела Коровин направил письмо фракции ВКП(б) Ирбитского окрисполкома, в котором указал, что у него «имеются сведения, что в Ирбитском округе за последний период времени имеется много случаев закрытия храмов распоряжением низовых органов власти, а в отдельных случаях самим населением, даже без ведома органов власти»[66]. Исполняя спущенные сверху распоряжения, заместитель председателя Ирбитского окрисполкома Муржина разослала 20 января коммунистическим фракциям риков письмо, в котором указала, что «зачастую работа по закрытию церквей проводится без учета настроения насе-

ления данной местности, недооценке сил церковников и без соответствующей подготовки почвы, тактичности и т.д., в результате чего наблюдаются довольно серьезные осложнения и конфликты с религиозно-фанатичными группами населения в виде массовых выступлений и прямых призывов к бунту». Поэтому она категорически предложила «прекратить самочинные закрытия церквей», которые могли быть закрыты только по постановлению окрисполкома и при условии, что «есть уверенность, что это не вызовет антисоветских выступлений и массового сопротивления верующих»[67]. 1 февраля президиум Ирбитского окрисполкома заслушал вопрос «О порядке ликвидации молитвенных зданий, учета и реализации имущества закрываемых молитвенных зданий в округе». В принятом постановлении были осуждены участившиеся случаи несоблюдения установленного порядка закрытия церквей и «незаконного использования на местах» их имущества (особенно колоколов)[68].

Но в это же самое время окружная газета продолжала разнузданную антирелигиозную агитацию. 29 января она заявила: «Наш лозунг дня: сплошь коллективизируя округ, сделать его безбожным». Здесь же была помещена подборка материалов под заголовком: «Где был церковный крест — там красный флаг». В одной из заметок сообщалось: «19 января в селе Скородуме Зайковского района (колхоз имени Сталина) под звуки духовой музыки и громкое «ура» был снят крест с местной церкви. К вечеру этого дня в Скородум прибыла бригада Ирбитского городского театра, которая устроила в здании церкви антирелигиозный концерт. Народу в церкви было столько, сколько не бывало даже раньше в большие праздники». Редакция была в общем довольна достигнутыми на антирелигиозном фронте успехами, 2 марта газета сообщила: «Отказ от празднования «рождества», закрытие церквей и передача колоколов в фонд индустриализации и коллективизации говорит о пробуждении массового безбожного движения».

5 марта президиум Уральского облисполкома разослал по окрисполкомам новый циркуляр «Об упорядочении проводимой работы по закрытию церквей», в котором отмечалось, что «нередко низовые органы власти не уделяют должного внимания проработке вопросов о закрытии молитвенных зданий

и проводят эти дела почти исключительно в административном порядке. Сплошь и рядом вопрос о закрытии того или иного храма решается в стенах сельского совета или райисполкома без вынесения его на обсуждение широкой советской общественности, а в результате — нарекания местного населения, особенно в сельских местностях, на действия властей и жалобы в президиум ВЦИК. Почти совершенно не уделяется внимания возможности поставить дело с закрытием той или иной церкви так, чтобы инициатива этого закрытия исходила действительно от широких масс трудящихся». В заключение циркуляра президиум облисполкома поручил окружным исполкомам «принять меры к надлежащей общественной проработке вопросов, связанных с закрытием храмов, к соблюдению установленных законом норм и к прекращению командирования в областной центр делегаций для продвижения дел по закрытию церквей»[69].

Однако в марте гнойник антицерковной кампании вскрылся. Рассылавший секретные циркуляры облисполком 23 марта принял гласное постановление «О мероприятиях по борьбе с нарушениями закона «О порядке закрытия зданий религиозного культа», согласно которому допускалось закрытие церквей «только при наличии добровольно выраженного желания подавляющего большинства населения и при условии, если решения общих собраний граждан по этому вопросу получат утверждение облисполкома». До разрешения в облисполкоме вопроса о закрытии церкви, она должна была оставаться в пользовании верующих. Прокуратуре и суду поручалось привлечь к ответственности «должностных и частных граждан, виновных в издевательствах и оскорблении религиозных чувств верующих»[70].

Что происходило в это время на местах, видно из докладов представителей прокуратуры и суда. Находившийся в Туринском районе следователь М.Кукарских послал 4 апреля докладную записку прокурору Ирбитского округа К.Сизых, в который писал: «В январе месяце 1930 года в Туринском районе закрыты все (11) церкви, большая часть из них переоборудована, колокола сняты. Постановление же о закрытии Уралсовета имеется на одну лишь церковь — «собор». В городе закрыты три церкви и использованы под хранение семенного материала. Собраний в окрестных деревнях, которые входят в

приход этих церквей, не проводилось, лишь имеются постановления членов профсоюза г. Туринска. Таким образом, подготовительная культурно-массовая работа отсутствовала, поэтому естественно то возмущение верующих, и то обстоятельство, что собравшиеся верующие, человек 150, не дали снимать кресты у церкви «собор» 20-го марта 1930 года, что вам подробно известно («собор» подлежит закрытию по постановлению облика). По объяснению председателя райисполкома т. Байкальского (член облисполкома) закрытие двух городских церквей вызвало то, что встретилась крайняя необходимость в помещении для семенного материала, поэтому по согласованию с председателем окрика т. Фоминых и зам[естителем] пред[седателя] Мурживой решено было немедленно церкви закрыть, не дожидаясь даже постановления окрика, что и было сделано»[71]. Следователем был произведен допрос работника Туринской административной части Л.Борисова, сообщившего: «В отношении закрытия церквей была такая установка. В январе месяце 1930 г. в рике было совещание райуполномоченных и председателей сельских советов. На этом совещании Байкальский и Щербаков говорили, что в отношении закрытия церквей, в конце собрания предъявите, что для ремонта и содержания требуется такая-то сумма денег. Если не желаете содержать, то пусть несколько человек подпишут протокол. Больше ничего не нужно. Церковь на замок, ключ предсельсовету, а материал послать в рик»[72].

Заместитель прокурора Ирбитского округа Драгуневич в первой половине апреля был в Благовещенском районе. В своем докладе он сообщал: «Ввиду приближающегося религиозного праздника пасхи, за последние дни со стороны членов церковного совета ведется усиленная агитация среди верующих за открытие церквей. В ряде с/советов (Санкинский, Дымковский и др.), а также в самом Благовещенске население целыми днями осаждало с/советы и рик, предлагая немедленно открыть церкви. Напр[имер], в Благовещенске сорвали замок, вошедших представителей [власти] закрыли в церкви, не выпускали. Толпа была вооружена палками и топорами». В заключении Драгуневич указал, что для района было характерно «отсутствие повседневной работы по антирелигиозной пропаганде, в ряде случаев издевательское отношение к имуществу церкви, отсутствие учета настроения среди верующих. Так, нап[ример],

в Дымковском с/совете, в селе Дымковском пред[седатель] с/с[овета] на вопрос, как думаешь поступить с толпой верующих, столпившихся у церкви в ожидании [ее] открытия, пред[седатель] с/совета заявил: «Пошумят и разойдутся. Мы думаем на пасху в церкви устроить спектакль»[73].

Подобное же творилось и в Таборинском районе. Заместитель председателя окружного суда А.Бобылев, находившийся здесь в качестве уполномоченного окружкома ВКП(б), в своем докладе писал: «Церковь в районе осталась только одна, и то поп сбежал, а остальные все закрыты самой массой». На 4 церкви есть утверждение облисполкома, а на 4 еще утверждение не поступило, но там уже внутренность вся изъята, вместо крестов красные флаги, устроены сцены и ставятся спектакли, [выступают] синеблузники, «красные галстуки» и [проводятся] т.п. культурно-просветительские мероприятия. Ни одного ходатайства об открытии церкви или не правильном закрытии не поступило. Был один случай, когда ребятишки изъятые из церкви иконы стали растаскивать на скворечники (Кузнецовский с/с[овет]), и монашка создала группу женщин, которые бегали за ребятишками и отбирали иконы. Но других политических осложнений на церковном вопросе не было»[74].

Суммированных данных по другим районам Ирбитского округа нет, но разрозненные факты свидетельствуют, что в них происходило подобное же издевательство над верующими. Так в с. Боровиковском «во время закрытия церкви комсомольцы выбрасывали иконы куда вздумается, тем самым вызвали возмущение среди колхозников». Две женщины оскорбили одного из комсомольцев, за что были оштрафованы на пять рублей.

Задним числом был признан и этот, третий, «кошмарный фронт перегибов». Заместитель председателя Ирбитского окрсуда А.Бобылев по этому поводу писал: «В вопросе борьбы с религией в качестве метода антирелигиозной пропаганды применялось административное изъятие икон у колхозников, что шло в разрез с программой партии. Товарищи считали, что уже одного факта вступления в колхоз достаточно для того, чтобы этот крестьянин-колхозник стал атеистом. При административном изъятии икон в отдельных случаях доходило до безобразных надписей на иконах у тех, кто не снимал [их] по требованию «антирелигиозников»[75].

Весна 1930 г. принесла определенную передышку, но вскоре начались новые закрытия церквей. Если при конфискациях в 1922 г. изымались наиболее ценные вещи, то теперь выметалось все подчистую. Металлические изделия (колокола, медная церковная утварь и т.д.) сдавались Государственному акционерному обществу «Рудметаллторг», содержавшие золото и серебро предметы (в том числе парча) передавались Хозяйственному отделу ОГПУ, антикварные вещи направлялись в Ленинград Всесоюзному объединению по экспорту и импорту «Антиквариат», ковровые изделия и церковные облачения, не содержащие драгоценных металлов, реализовывались через ГУМ в Москве, а также продавались на месте.

Глава 3
Роль бедноты в проведении коллективизации и раскулачивания

Чтобы понять, как вообще стала возможна сплошная коллективизация, сопровождавшаяся столь массовым насилием над крестьянством, нужно рассмотреть роль бедноты в общественно-политической жизни деревни того времени и, в частности, в проведении сплошной коллективизации. Батрачество, напротив, в Ирбитском округе видной роли не играло. Объяснялось это его малочисленностью, на весь округ имелось порядка трех тысяч человек, и тем, что большинство работников были людьми пришлыми из губерний Центральной России, значительная часть их — беженцы, оказавшиеся в Ирбитском крае во время голода начала 20-х годов, которые порвали связи со своими хозяйствами на родине. В числе последних встречались также и башкиры из зауральских районов. Другие пришли на заработки, да так и осели здесь. Как не владевшие землей, они до конца 1928 г. не имели права голоса на общих сходах при решении земельных вопросов. Да и сами пришлые батраки придерживались взгляда: если для ирбитского крестьянства они чужие, то и не стоит вмешиваться в местные дела[1]. Хотя позднее власти и пытались возвысить батраков, как «представителей рабочего класса в деревне», чтобы они «успешно выполнили свою ведущую роль», призывали их стать «вожаками колхозов», все это осталось пустыми заклинаниями.

* * *

После перехода страны к нэпу, опора советской власти — беднота оказывалась в тени. Но такое положение продолжалось недолго. В конце октября 1924 г. ЦК РКП(б), обсудив вопрос об очередных задачах работы в деревне, провозгласил курс на оживление деятельности советов, получивший затем известность, как новый курс. Однако объявленная «широкая демократия на местах была неверно понята»: середняцкое и зажиточное крестьянство стало добиваться власти в сельсоветах. Это привело к необходимости более серьезной работы по организации бедноты[2]. Октябрьский (1925 г.) пленум ЦК РКП(б) постановил проводить ее отдельные собрания, а в селах, волостях и районах создать группы бедноты[3]. Состоявшийся в конце декабря 1925 г. XIV съезд ВКП(б) ободрил решение октябрьского пленума, при этом было подчеркнуто, что при организации групп бедноты «не может быть и речи ни о возврате к комбедам, ни о возврате к системе нажима периода военного коммунизма, практике «раскулачивания» и т.п. Речь идет об организации деревенской бедноты, которая с помощью партии и государственной власти в борьбе на хозяйственном и политическом фронте (колхозы, артели, товарищества, кооперация, кресткомы, советы) должна изжить остатки иждивенческой психологии, стать на путь организованного классового отпора кулаку и превратиться в надежную опору пролетарской политики в ее борьбе за сплочение середняков вокруг пролетариата»[4]. Реальная жизнь пошла как раз в обратном направлении: возврате к комбедам, политике нажима периода военного коммунизма, усилению иждивенческой психологии бедноты и, в конечном итоге, — практике раскулачивания. 24 мая 1926 г. оргбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О работе среди бедноты», в котором предписывалось более решительно организовывать группы бедноты, при этом разрешалось создавать их при советах, кооперативах и ковах[5].

Собрания бедноты обсуждали в основном вопросы деревенской жизни: землеустройство, передел покосов, выявление объектов обложения сельскохозяйственным налогом, кооперирование бедноты и т.д., которые затем ставились на общих сходах. Подводя итог работы за 1926 г., окружная газета отметила ряд недостатков и искажений, выявившихся в дея-

тельности бедняцких объединений: по-прежнему встречались кое-где тенденции передать руководство работой среди бедноты непартийным организациям, а на самих бедняцких собраниях нередко господствовали «комбедовские настроения». Было отмечено, что некоторые группы бедноты стремились подменить партячейки, комфракции, кооперативы, а другие, наоборот, нередко превращались в политкружки[6]. Состоявшаяся в ноябре 1927 г. VI окружная партийная конференция постановила «завинтить» на оживлении деятельности групп бедноты, покончить с кампанейностью и перейти к систематической повседневной работе. Среди прочего решили «приналечь на коллективизирование бедноты»[7].

В 1927 г. беднота решила взять реванш за 1926 г., вновь увеличив свое представительство в выборных органах деревни. Приняла она активное участие и в проводимых в это время в деревне кампаниях. Специальная комиссия, проводившая в апреле 1928 г. изучение состояния работы с беднотой в Туринской районе, пришла к заключению: «Проведенные кампании по самообложению, хлебозаготовкам, займу и другие, как никогда четко выявили настроение отдельных слоев населения, в этом числе бедноты и батрачества. За время этих кампаний беднота поняла, что советская власть действительно все мероприятия проводит с полным соблюдением ее интересов. Беднота поняла: кто ее классовые враги, за кем ей нужно идти и с кем следует бороться»[8]. В передовой статье, опубликованной 1 июня 1928 г., окружная газета отметила, что в работе с беднотой имеются достижения, главное из которых состоит в «поднятии удельного политического века бедноты в деревне, проявляющееся через бедняцкие собрания». На состоявшемся в конце сентября 1928 г. пленуме окружного комитета ВКП(б) был заслушан доклад «О состоянии работы среди бедноты». Докладчик отметил, что все партийные ячейки «поняли, что без работы среди бедноты, без сплочения бедноты вокруг партячеек, без привлечения ее к активному участию и поддержке проводимых в деревне экономических и политических мероприятий, нельзя успешно проводить ни одной кампании, нельзя выполнить ни одной из наших задач в деревне. Уяснили себе ячейки эту истину, главным образом, на практике проведения кампаний в течение зимы и весны этого года. Эти кампании сыграли колоссальную роль в деле

оживления и укрепления этой работы со стороны партийных, советских и кооперативных организаций. Кампании сколыхнули бедняцко-середняцкие слои населения и создали исключительно благоприятные условия для развития работы среди бедноты и батрачества». Однако работа бедняцких групп была признана не удовлетворительной. По Ирбитскому округу числилось 63 бедняцких группы, половина из них были «бумажными». «По этой-то причине, — заявил докладчик, — беднота в составе сельсоветов и прочих органов общественной жизни деревни сплошь и рядом не играет руководящей практической роли»[9]. Выводы были сделаны — в конце октября состоялась первая окружная конференция групп бедноты. В посвященной этому событию передовой статье редакция окружной газеты посетовала на ирбитскую бедноту и батрачество: «...слишком недостаточно их сознание того, что партия и советская власть только опираясь на бедноту и батрачество, проводят все свои политические и экономические мероприятия в деревне»[10]. (В свое время П.А.Столыпин делал ставку на «сильных и трезвых» крестьян, советское руководство придерживалось противоположного взгляда.) Согласно опубликованному отчету, в работе конференции «особенно настойчиво выпирался вопрос о коллективизации и кооперировании самой бедноты»[11]. А.Караваев и А.Сосновский, отмечая, что всплески коллективизации приходилось на весну, выделили ряд причин такого развития колхозного строительства: «На характере сказалась и постановка работы с беднотой. Систематической работы с беднотой, как правило, не велось. Работа шла в порядке ударных кампаний. Весной, например, проводили посевную кампанию и в этот же период проходят собрания бедноты, организация групп и т.д. То же имело место и в период хлебозаготовительной кампании. Разъяснительная работа за коллективизацию не могла не дать своих результатов. Беднота быстро осознала необходимость перехода к новым формам хозяйства и массой вступала в колхозы»[12].

Ускорение осенью 1929 г. колхозного строительства активизировало работу с малоимущим крестьянством. В постановлении ЦК ВКП(б) «Об организации бедноты», принятом 20 октября, было заявлено, что «быстро развернувшаяся массовая коллективизация, ведущая к уничтожению капиталистических элементов и на деле означающая создание условий

для экономического и культурного подъема трудящихся масс деревни, не сопровождается должной организованностью бедноты и столь необходимым теперь усилением ее влияния на работу советов и кооперации». Центральный комитет разрешил создавать группы бедноты в населенных пунктах, в которых не было ячеек ВКП(б), если имелась возможность провести в них партийную линию, а также признал целесообразным организовать батрацко-бедняцкие группы при колхозах для обеспечения интересов беднейших слоев в колхозном строительстве.

В начале декабря прошли районные конференции групп бедноты, принявшие боевые резолюции, а 20-21 декабря состоялась вторая окружная конференция батрацко-бедняцких групп. В краткой сводке о проведении конференции констатировалось: «В процессе прохождения конференции настроение было приподнятое. Чувствовалось, что батрачество и беднота считают себя хозяином положения»[13]. Характеризуя это время, окружная газета писала: «Кругом бурлит коллективизация, батрацко-бednякие массы выступают в ней застрельщиками, порывают со своим нищенским индивидуальным хозяйством и идут в колхоз общими усилиями улучшать свои материально-бытовые условия и строить новую социалистическую жизнь». В этом же номере редакция, пристыживая Таборинский и Заводо-Ирбитский районы, тянувшиеся в хвосте колхозной гонки, подзадоривала: «Беднота здесь, по-видимому, до сего времени не раскачалась, бедняки еще не надумали»[14].

Беднота же в начале 1930 г. откровенно распоясалась. А.Караваев и И.Шумский по этому поводу писали: «Одним их моментов, имеющих чрезвычайно большое значение для проблемы бедноты в (Краснополянстком. — А.Е.) районе являются потребительские настроения значительной части ее. Это проявилось и в вопрос о переходе на устав единой коммуны и в известном стремлении к сохранению этой формы колхоза после того, как стала совершенно ясна необходимость перехода на устав артели, это проявилось и в вопросах распределения тех ограниченных средств, которые имелись в распоряжении правлений колхозов, это, наконец, сказалось и в раскулачивании, об особенностях коего мы выше говорили.

Во время форсирования коллективизации, в период ее нарастания в районе, в период перехода от артели к коммуне, и в момент раскулачивания бедняк чувствовал себя хозяином положения. Он в известной мере шел во главе движения, он в известной мере его направлял. Однако этот подъем активности бедняцких масс направился по совершенно нездоровому руслу: не в направлении укрепления своего союза с середняком, а по линии немедленного улучшения своего материального положения, в том числе и за счет середняка». Ниже авторы отметили: «Партийная организация поплелась в хвосте этих нездоровых настроений и фактически оформляла их (перевод на устав коммуны, характер обобществления, характер раскулачивания, выдача т.н. «зарплаты»), она их даже частично возглавила»[15].

В 1929-1930 гг. повторились события 1917-1918 гг., только если тогда грабеж был, хотя и инициированный сверху, но в общем неорганизованный, можно, наверно, даже сказать, что стихийный, то кампания сплошной коллективизации 1929-1930 гг. (включая в нее, как неотъемлемую часть, и раскулачивание) вылилась в организованный грабеж. Начиная, по крайней мере, с 1926 г. беднота готовилась к своей роли и когда время пришло, она знала, что нужно делать.

Касаясь последующих событий (восстановление некоторых раскулаченных с возвращением им имущества, лишение бедноты возможности пользоваться молоком от обобществленных коров и т.д.) А.Караваев и И.Шумский заключили, что настроение бедноты «резко упало», «довольно резко изменилось», некоторые бедняки расценили это как отступление перед кулаком[16]. Рабочий-двадцатипятитысячник из Краснополянского района Куприянов заявил: «Группы бедноты до восстановления раскулаченных хозяйств работали активно, теперь у них упадочное настроение, т.к. ссора с середняком неприятно отозвалась на их положении, тем более, что кой-где восстановили махровых кулаков, кои зажимают бедноту. Надо будет это дело направлять»[17].

Натравленная против остальной части деревни, беднота нуждалась в защите со стороны власти, точно так же как и сама власть нуждалась в ней. Рабочий-двадцатипятитысячник из Слободо-Туринского района Дванов откровенно признал: «Без бедноты мы не можем работать»[18].

* * *

В большинстве случаев, когда речь шла о бедноте, точнее было бы говорить об ее активе, который в конце 20-х годов также прошел свое становление. Выше уже цитировались материалы пленума окружного комитета ВКП(б), состоявшегося в сентябре 1928 г. Касаясь работы с беспартийным крестьянским активом, докладчик сообщил: «Эта работа тоже получила некоторое оживление. Как будто есть, наконец, учет беспартийного актива. Так, Туринский райком пишет: «Беспартийный актив в эту зиму значительно вырос. В ударных кампаниях, которые мы проводили, отсортировалось крестьянство. Райком и ячейки сейчас знают почти каждого крестьянина в отдельности, его активность, лояльность к советской власти и партии». Такова картина почти во всех районах». Активно шло выдвижение бедняков в советские, кооперативные и другие организации. Успешно проходила вербовка бедноты и батрачества в партию, среди вновь вступивших в 1928 г. доля батраков увеличилась с 9 до 22%, а средняков, напротив, понизилась с 19 до 3%, что свидетельствовало об «улучшении» социального состава окружной парторганизации[19].

Работа по формированию беспартийного крестьянства актива продолжалась и в дальнейшем. Так, состоявшееся 14 августа 1929 г. совещание председателей колхозов, секретарей партийных и комсомольских ячеек Еланского, Байкаловского и Знаменского районов с «большим удовлетворением» одобрило усиление работы внутри колхозов «по созданию преданного коммунистической партии беспартийного актива»[20]. В передовой статье, посвященной первой Краснополянской районной партийной конференции, редакция окружной газеты призвала «максимально развернуть работу по созданию из батрацко-бедняцких слоев колхозников беспартийного, преданного партии актива, связывающего парторганизацию с массой колхозников и обеспечивающего политическое влияние и руководство ею»[21]. Это не было пустыми словами. На состоявшемся 30 марта 1930 г. Ирбитским общегородском партийном собрании, докладчик по вопросу о колхозном строительстве заявил: «В деревне в настоящее время в борьбе с кулачеством выковался актив. Наша задача — лучшую часть батрачества и бедноты вовлечь в партию и укрепить деревенские партячейки»[22]. Данное пожелание успешно выполнялось, о чем

восторженно писала окружная газета: «Предварительные данные за текущий квартал показывают значительное усиление темпов роста партийной организации. Если три-четыре месяца тому назад рост организации ничем не отличался от того медленного роста, который существовал за последние годы, то сейчас имеем обратное явление — только за два последние месяца принято в партию по окрпарторганизации 606 человек. В ленинский и сталинский набор рабочие и специалисты, батрачество и беднота подают коллективные заявления о вступлении в партию»[23]. В разгар раскулачивания имели место факты, когда «беднота и середняцкий актив крестьянства» целыми деревнями подавали коллективные заявления о вступлении в партию.

Моральный облик тех активистов ярко показан в художественной литературе: Игнатий Сопронов в «Канунах» В.Белова и, более близкий нам, Егор Бедулев в «Касьяне остудном» И.Акулова. Именно такие активисты и всплыли в октябрьском водовороте в 1917 г. Так, что не случайны были, уже цитированные выше, слова крестьянина с. Нижне-Иленского, еще в июне 1918 г. заявившего, что «советская власть — фулиганская». На подобных васек курсовых (сопроновых, бедулевых и т.д.) и опиралась новая власть, и их интересы, а не трудящихся, выражала.

Глава 4
Двадцатипятитысячники

А.Караваев и А.Сосновский, указывая на острый недостаток кадров для переустройства уральской деревни, писали в своей работе о Краснополянском «Гиганте»: «Город должен дать коллективизирущейся деревне тысячи организаторов крупного хозяйства, механиков, политических руководителей колхозов, агитаторов, пропагандистов, культурников, ликвидаторов неграмотности. *Одна деревня не справится с теми задачами, которые стоят сейчас перед строителями коллективного земледелия, и город должен помочь ей в разрешении этих задач* (курсив мой. — А.Е.)». Заявив об обострении классовой борьбы в районных сплошной коллективизации, авторы продолжили: «Иногда на местах не хватает людей, которые могли бы взять в твердые руки организацию борьбы с кулаче-

ством и оздоровить колхозы путем очистки их от кулацкой накипи. Эти силы нужно дать деревне и дать теперь же. Вообще задачу посылки людей в деревню нужно считать одной из боевых задач текущего момента. Рабочий класс должен руководить социалистической перестройкой деревни, перенеся туда свой опыт, знания, революционную смелость и умение бороться с классовыми врагами, мешающими социалистической стройке»[1].

Прошедший в ноябре 1929 г. пленум ЦК ВКП(б) удовлетворил подобное желание, постановив направить в деревню не менее 25 тысяч рабочих, имевших опыт организационно-политической работы. Однако двадцатипятитысячники не были первыми горожанами, появившимися в деревне. Выступая на VII Ирбитской окружной партийной конференции, состоявшейся в декабре 1928 г., заведующий окрзу М.Леонтьев заявил: «В помощь общественности деревни должна прийти общественность города, в виде шефских обществ и т.д., с целью помочь массовому хозяйству мобилизовать внутри себя необходимые средства на дело поднятия урожайности»[2].

Весной 1929 г. развернулось некое подобие шефского движения. Особой работоспособностью отличалось шефское отделение Ирбитского педагогического техникума. «Оно сумело установить между городом и деревней, — писалось в окружной газете, — ту форму товарищеской связи, о которой говорил В.И.Ленин в 1923 г. Крестьянин запросто приезжает к педтехникумцам, запросто беседует о своих нуждах»[3]. В апреле 1929 г. студенты Уральского политехнического института взяли шефство над колхозом «Красная нива» Зайковского района. Во время весенней посевной кампании в подшефных деревнях работали ремонтные бригады, группы комсомольцев по протравливанию и сортированию семян. В конце лета 1929 г. в Ирбитском округе, в основном в «Гиганте», трудились рабочие бригады с нижнетагильских заводов, пробыли они здесь около двух недель, помогая колхозникам ремонтировать тракторы и прицепные орудия. Во время уборочной кампании рабочие и служащие, члены профсоюза, организованным порядком помогали в уборке урожая колхозам Краснополянского, Ирбитского и Зайковского районов[4]. Во второй половине 1929 г. над «Гигантом» взяли шефство Уральский областной комитет профсоюза сельскохозяйственных и лесных рабочих,

совместно с областной агрономической секцией, Надеждинский металлургический завод и Центросоюз. Шефствовали и над другими ирбитскими колхозами. Однако в общем состояние дел признавалось неудовлетворительным, окружная газета писала: «Рабочее шефство над деревней сейчас во многом не соответствует современным задачам и требованиям партии. Что характерно сейчас для шефства? Прежде всего, его бесхребетность, разбросанность по разным второстепенным областям деревенской работы, бесплановость, подмена живой организаторской роли шефства системой кредитования подшефных организаций. При этом и здесь нередко смазывается классовая линия, и средства, опускаемые шефом, идут на деревню вообще, меньше всего обслуживая интересы бедноты»[5]. Внесли свою лепту горожане и в коллективизацию подшефных деревень. Но это все были гастролеры, время от времени наведывавшиеся в подопечные деревни.

В начале 1930 г. в Ирбитский округ прибыло 119 рабочих-двадцатипятитысячников, в основном с Надеждинского завода Нижнетагильского округа и Калатинского Свердловского округа, направленных на продолжительную работу. Большинство из них было размещено в Краснополянском, Туринском, Слободо-Туринском и Зайковском районах. Прибывших рабочих планировалось использовать руководителями и инструкторами райколхозсоюзов и крупных колхозов. Оказавшиеся в Ирбитском округе двадцатипятитысячники были действительно рабочими с производства, в основном людьми еще молодыми, родившимися в самом конце XIX — начале XX в., как уже женатыми, так и холостыми, некоторые приехали с семьями, были среди них и молодые девицы. Командируемым в колхозы давались характеристики-рекомендации, по которым можно представить, как выглядели рабочие-двадцатипятитысячники. Рабочий Надеждинского завода Г.М.Горбунов сообщил о себе: «1. Физическим трудом занимаюсь 17 лет. 2. Политических школ никаких не изучал. 3. Знаком с решением ноябрьского пленума ЦК о коллективизации с/х и промышленности. 4. По профлинии вел нагрузку председателя профсоюзной комиссии и выполнял ее добросовестно. 5. В соцсоревновании принял участие в цехе, пьянкой не занимался, прогулов не делывал и принял ударный устав». Его коллега В.П.Теленков характеризовался следующим образом: «Ра-

ботал в чугунно-литейном цехе с 28 года марта мес[яца]. Весь производственный стаж с 1917 года. Политические школы проходил: 1. комсомольскую, 2. недельные курсы по проработке 16-й партконференции. Общественную работу нес при цехе. Тех[нический] секретарь партячейки. [Будучи] жен[ским] организатором всю работу выполнял аккуратно. Прогулов нет. К производству относился добросовестно. Доверие рабочих масс имел. Пьянкой не занимался. Состоял в ударной бригаде»[6]. Очевидно, что в деревню посылались не худшие представители рабочего класса Урала, другое дело, что самих рабочих нужно воспринимать таким, какими они были в действительности, а не на лубочных картинках партийной пропаганды.

Трудно сказать, что двигало двадцатипятитысячниками, решившимися сменить городскую жизнь на сельскую, но, несомненно, немногие из них представляли насколько же трудным окажется их новое положение. Председатель правления Антоновской артели Зайковского района В.К.Кузнецов в апреле 1930 г. обратился в райком партии с просьбой снять его с руководящей должности и перевести на другую работу. Причиной этого было, с одной стороны, слабое здоровье («Нервная система расшатана до невозможности, головной мозг не черта не работает, нет абсолютно памяти», и др.), с другой стороны, — «грязь и помои, которые льются на нас. 1-е. Будто бы партия сделала ошибку в том, что послала 25 т[ысяч] рабочих, неумеющих руководить в сельском хозяйстве. 2-е. Якобы мы приехали только жениться, возиться с женщинами, разъезжать по гостям, пьянствовать и так далее, даже есть выкрики прогнать их к черту. Спрашивается, как работать, а каково слушать? Еще не все, — продолжал Кузнецов: — квартирные условия плохие, питание — один хлеб да горячая вода, даже покурить нет, купить совершенно негде, в кооперации нет ни сахару, ни табаку и папирос, а также и прочих товаров и продуктов, несмотря на то, что есть распоряжение центрального комитета (ВКП(б). — А.Е.) какие должны быть наши условия, этих 25 тысяч товарищей, которые оторваны от производства и брошены на колхозную работу»[7]. В примерно таком же положении оказались и другие рабочие. Спровадившие их заводы быстро забыли о своих посланцах, а в деревне они оказались чужими, как для рядовой массы колхозников,

так, по-видимому, и для местного актива. Стремясь поправить положение, 10 апреля Ирбитский окрколхозсоюз разослал по районным союзам письмо, в котором предлагал им оказать двадцатипятитысячникам практическую помощь и материальную поддержку, не отсылать рабочих в окружной центр в связи с реорганизацией колхозной системы, связанной с ликвидацией районных коммун, а постараться использовать их на месте. При этом указывалось, что тяжелое положение двадцатипятитысячников отражается на «моральном состоянии» их духа и некоторые из них начали колебаться. Руководители райколхозсоюзов предупреждались в «недопущении случаев вынужденного дезертирства рабочих»[8].

Но это циркулярное письмо вряд ли что изменило. Весной 1930 г. было не до двадцатипятитысячников. Только в начале лета на рабочих обратили внимание, прошел двухнедельник помощи посланцам города. Вспомнила о них и окружная газета, некто «колхозник» описал положение, в котором оказались двадцатипятитысячники. Он в частности сообщил: «Отношение окружных организаций к рабочим плохое. Из 10 человек рабочих Пригородного района ни один не сообщил нам, что он имеет какую-нибудь связь с окружными организациями. Окрисполком, за все время пребывания рабочих, ни разу не поинтересовался их положением. Профсоюзы забыли о рабочих, хотя рабочие и состоят членами союзов. Ни одного письма, ни одной строчки в ответ на письма рабочих союзы не дали. По заявлению тов. Киреева (25-тысячн[ик] в Краснополянске) они потеряли Надеждинский завод вместе с его партийной и профсоюзной организациями, т.к. последние не только на письма, но и на телеграммы не отвечают. Окрколхозполеводсоюз пробовал дважды навести переписку с рабочими, но дело окончилось неудачей. Частью рабочие не отвечали, частью «по необъяснимым причинам», письма не дошли до рабочих. Составленное на основе полученных ответов инструктивное письмо, по-видимому, тоже застряло в дебрях канцелярий райколхозсоюзов, в результате на связь окрколхоз[полевод]союз махнул рукой и предоставил идти [делу] так, как [оно] шло ранее. Руководство работой 25 000 в районах в большинстве случаев носило формальный характер. Созывали райсовещания, писали резолюции, а практической реализации их на деле не

обеспечивали. В результате все продолжало идти по старому — через пень-колоду. Низовые партийно-советские организации, за малыми исключениями, чрезвычайно плохо руководили работой по правильному использованию 25-тысяч[ников], созданию им нормальных условий труда и оказанию поддержки и помощи в повседневной практической работе»[9].

15-17 июля состоялось окружное совещание рабочих-двадцатипятитысячников. К этому времени ряды их поредели: некоторые дезертировали, других пришлось отправить обратно за пьянство или как несправившихся с работой (вернувшийся на Надеждинский завод Н.П.Бурылов заявил, что из двадцатипятитысячников только 35% оказались годными к работе в деревне). С докладом «Об итогах работы двадцатипятитысячников и дальнейших задачах» выступил заместитель председателя окрпрофбюро Березин, в котором сообщил: «По разверстке областных организаций в наш округ было направлено 119 человек. При распределении их были допущены большие ляпсусы, которые выражались в том, что отдельных товарищей использовали не по назначению. Приведу несколько фактов. По Краснополянскому району. Двое рабочих работают в качестве слесарей, причем один из них — т. Киреев — формально числится зам[естителем] зав[едующего] мастерской, а по существу ему это дело никогда не доверялось. Товарищ Шешеуров после реорганизации колхозов остался безработным и его использовали на обозных работах, а сейчас перевели в дорожную секцию. Т[оварищ] Утюгов после ликвидации Меньшиковского производственного участка остался без дела и обратился к заворготделом Бородину. Тот ответил: «Мое какое дело, давай ищи себе работу». В Туринском районе один рабочий-двадцатипятитысячник использован слесарем, а часть [рабочих] просто использована агентами по контрактации с/х продуктов. Не лучше обстоит дело и в других районах».

Большинство из выступавших в прениях рабочих также рисовали безрадостную картину. Направленный в Зайковский район Петунин сообщил: «Работаю в центре района, а дело в этом центре идет никуда не годно. Местные работники производственного участка, чтобы дискредитировать рабочего, нарочно плохо работали. [Партийная] ячейка в практической работе не помогала. Профсоюзники тоже разъяснительной

работы значения 25-тысячн[иков] не ведут и на нас смотрят как на дармоедов». Рабочий Златоустовского завода Симбирцев заявил: «Местные организации мало обращают внимания на двадцатипятитысячников. В Слободо-Туринском районе были случаи когда три рабочих-выдвиженца ходили безработными продолжительное время. Одна работница Златоустовского завода не могла добиться работы и вышла замуж за единоличника. Райком [партии] и райисполком не сумели использовать эту комсомолку, она была представлена сама себе. Трое рабочих из 25-тысячников работают агентами-закупщиками, а не по прямой колхозной руководящей работе. Кооперация, при выдаче продуктов, рабочих приравнивает к служащим, зарплата и разница к ней выдается несвоевременно. На районных совещаниях двадцатипятитысячники всегда выделяют много недостатков, выносятся хорошие резолюции, но все это скоро забывается». Были и иные выступления. Перетрунин заявил: «Рабочие не такие слезливые, как думает докладчик, и не со слезами на глазах, а крепко, сознательно, с убеждением, что все недостатки будут устранены обсуждают практические задачи своей дальнейшей работы». Правда, в конце своего выступления он попросил перебросить его из Тавды, так как с местными товарищами нельзя было работать. Подводя итог представитель Ирбитского окружкома партии сказал: «Вам трудна была работа первое время потому, что вы приехали в момент самой ожесточенной классовой борьбы в деревне. Мы эту борьбу преодолели и дальнейшее продвижение на пути социалистического переустройства деревни обеспечено»[10].

Непосредственным результатом совещания стало совместное письмо председателя правления окрпотребсоюза Пищика и заместителя председателя правления окрколхозсоюза Федотова ко всем обществам потребителей Ирбитского торга, которым предписывалось отпустить рабочим и их семьям дополнительное количество промышленных товаров, продовольственными продуктами полагалось снабжать исходя из местных возможностей, при этом особо оговаривалось, что выдавать их нужно таким образом, чтобы не создавалось напряженности между сельским населением и рабочими. 17 июля окрколхозсоюз разослал по районным союзам письмо, в котором были указаны ненормальности в условиях работы и ма-

териально-бытовой обеспеченности рабочих, вскрывшиеся во время двухнедельника по выявлению условий работы двадцатипятитысячников и в итоге проведенного окружного совещания. В основном они сводились к несвоевременной выплате заводами разницы в зарплате (задержка достигала 3-4 месяцев), плохим жилищным условиям и неудовлетворительному снабжению, при котором продукты выдавались «от случая к случаю, с большими скандалами». При этом было отмечено «бездушно-бюрократическое, а порой чисто правоуклонисткое отношение со стороны руководителей отдельных учреждений и организаций к вопросу закрепления рабочих по социалистическому переустройству деревни и созданию им надлежащих материально-бытовых и общественных условий и т.д.»[11].

Подводя итог кампании по посылке в деревню рабочих-двадцатипятитысячников, следует признать, что они попали в далеко не дружественную обстановку, крестьянство встретило рабочих неприязненно, как чужаков. Немного было пользы от двадцатипятитысячников как руководителей, так как управленческого опыта они не имели, отсюда возникли проблемы с их трудоустройством. Но это отнюдь не значит, что посылка рабочих в деревню была абсолютно бесполезной, неимевшие никаких родственных или дружественных связей в местах своего назначения, к тому же зачастую озлобленные на сельское население, они могли действовать более жестко там, где многие местные работники проявляли нерешительность.

Глава 5
Культурно-бытовая жизнь колхозников

Коллективизация произвела кардинальные перемены не только в процессе производства, но и в бытовых условиях жизни крестьянства, произошло изменение социального положения женщины. Само звание колхозника (особенно коммунара) как бы налагало особую моральную ответственность, приближая к коммунистам[1]. Внимание на это особенно заострялось во время коллективизации 1918-1921 гг. Препровождая по тюменским коммунам и артелям «правила внутреннего распорядка в с/х коллективах», заведующий губернским бюро коммун писал: «При переходе от старого образа жизни к ново-

му коммунистическому, светлому строю и для того, чтобы повседневная жизни в коллективах (коммунах и артелях) была приятной, спокойной и счастливой, и добропримерной, нам необходимо поднять себя на более высокое положение в нравственном отношении». Для этого каждый коллективист должен был придерживаться следующих правил: «1. Все члены с/х коллективов (коммун и артелей) должны служить образцовым добрым примером, как во внешних, так и во внутренних условиях коллективной жизни; 2. [Каждый член коллектива] должен быть ко всем внимательным, вежливым и доброжелательным; 3. Честным, трудолюбивым и бескорыстным; 4. Терпеливым и спокойным, в борьбе за правду твердым и стойким; 5. На всякий труд должен смотреть как [на] священную обязанность и исполнять скоро и аккуратно, и добросовестно». Было здесь сказано и от чего нужно воздерживаться: «13. Не под каким видом не заводить между собой споры и ссор, брани и не производить сквернословия; 14. Не под каким видом не допускаются насмешки друг над другом в коллективе и над окружающим населением»[2].

Какие представления о новом быте были у ирбитских коммунаров, видно из протокола заседания гольской коммуны «Муравейник», состоявшемся 14 декабря 1919 г. Обсудив вопрос «О взглядах на вещи и скот, и как ими пользоваться», коммунары постановили: «Пользоваться вещами коммуны имеет право каждый член теми, которые он находит более удобными, не обращая внимания кому они принадлежали прежде, а также и лошадьми». В вопросе о воспитании детей решили: «Каждый член коммуны должен смотреть за детьми, чтобы они не вели себя неразумно и при увещевании детей не родителями, чтобы родители не обижались на это». Два года спустя для облегчения труда женщин на кухне коммунары «Муравейника» постановили, что тяжелые веши («самовары и пр.») им будут помогать переносить мужчины[3].

Неколлективизированное крестьянство подобные перемены в это время обошли стороной. Однако, по мере укрепления советской власти, начались «бытовые сдвиги в деревне»: стали отмечаться отдельные случаи октябрин, свадеб без венчания, похорон без священника. В конце 1924 г. общий сход дер. Любиной Байкаловского района постановил религиозные праздники Флора-Лавра, Власа-Модеста и Иванов день отме-

нить и заменить их революционными днями Октябрьской революции и 1-го мая[4].

Что представляла бытовая сторона жизни ирбитских коммун этого времени видно из материалов их обследования, проведенного в начале 1926 г. Общественное питание имелось только в двух коллективах. В остальных оно носило «семейный характер». Обследователи пришли к заключению, что питались в ирбитских коммунах «не особенно удовлетворительно»: в среднем одним коммунаром в течение года съедалось 16 пудов муки, 2 пуда 3 фунта мяса и свиного сала, 52 яйца, 11 пудов 23 фунта молока (в основном в виде масла) и 6 пудов 24 фунта картофеля, стоимость годового питания взрослого составляла 50 руб. 66 коп., ребенка и подростка — 31 руб. 48 коп. Хотя многие крестьяне питались лучше, эта норма не была голодной, приближаясь к расходам на питание середняка. На одного коммунара приходилось в среднем 16,5 кв. аршин жилой площади, однако распределена она была неравномерно. По словам обследователей, это доказывало, что среди ирбитских коммунаров еще был жив «дух частной собственности на вещи». Колхозник, перевезший свой дом на территорию коммуны, считал, что в нем имеет право жить только он. Жилищное строительство в колхозах велось, но построенные жилища были недооборудованы: не законопачены, без доброкачественных полов и потолков, без крылец и т.д.[5] Постоянных детских яслей в это время не было ни в одной ирбитской коммуне. Первый почин в этом деле сделала «Путеводная звезда», в которой были устроены детское ясли на летние дни, обслуживала их приглашеная ученица Ирбитского педагогического техникума. Организация ясель должна была «освободить» труд женщин в летнее, особенно дорогое для сельского хозяйства, время.

После того как колхозное движение вновь пошло в гору, на бытовую сторону жизни ирбитских коллективов обратили большее внимание. Весной 1928 г. окружная газета опубликовала заметку агронома-колхозника Ф.Быкова, который писал: «Старый быт еще цепко держит женщину. Даже в колхозах это чувствуется. Пассивна женщина в общественной работе, проводимой у нее на глазах. Женщины при голосовании хотя и поднимают руки, но делают это по привычке «куда иголка, туда и нитка». Это безразличное отношение колхоз-

ницы к решению иногда очень важных вопросов объясняется ее рабством у старого быта. Она по-прежнему занята заботами о мелочах, значительную часть времени проводит за чистотой жилища, приготовлением пищи, починкой и проч. Мелочи не дают возможности вникнуть женщине в большие вопросы строительства». По мнению Ф.Быкова, чтобы уничтожить «грубую разницу в обязанностях мужчины и женщины» необходимы были: выборы женщин в правления, советы, различные комиссии, организация детских ясель и прачечных, выпуск специальной женской литературы, организация машинной обработки льна, правильного ухода за скотом, птицей, огородом и т.д.[6] Один из авторов окружной газеты, в статье, посвященной международному дню кооперации в колхозах, отметил, что при работе по коллективизации населения нужно учитывать, что «при всем понимании явных выгод колхоза, крестьянин нередко воздерживается от перехода к колхозу из-за боязни новых для него бытовых форм общежития, работы по часам, общественного питания и т.д. Здесь чрезвычайно важно разъяснить и показать, что коллективизация имеет своей основной целью кооперирование производства и коллективизацию хозяйства, а новый быт прививается сам, в силу требований самого производства».

Развеять эти опасения должны были очерки об ирбитских коммунах, опубликованные окружной газетой. Корреспондент Ф.Коновалов, посетивший «Красную рощу» Еланского района заключил, что «коммуной работать легче, а жить веселее». Касаясь последнего он писал: «С новыми днями новые дела, новые песни, новые обычаи. Коммунары сейчас стараются свою бытовую сторону поставить на уровень более высокий. И это им удается. За последние три года в коммуне было два брака, 8 рождений и 6 смертей, и обряды всех этих важнейших жизненных случаев прошли без попа, без молитв и без икон. На смену «диким» и нелепым именам новорожденных, вроде Асколонов, Вонифатиев и Матут, теперь пришли: Вольтер, Гений и т.п. И теперь только уже кулаки да темная часть хлеборобов могут толковать превратно о быте коммуны». «Но, конечно, — продолжал корреспондент, — были случаи, когда собственнические взгляды заносились в быт коммуны вновь прибывающими членами. Случалось, что муж изменил жене, сходился с другой коммунаркой, были случаи, когда отдельные

коммунары пытались жить разгульно, или из-за жен, не могущих примириться с жизнью коммуны, заваривали «бузу», но эти явления единичны и всегда еще в начале они пресекались под корень. Другое, более серьезное дело, это отношение между женщинами. Мужчины, попадая в коммуну, быстрее срабатываются, быстрее привыкают к общественной жизни, хозяйству и коллективному труду. Не то бывает среди женщин. Сварливая бабья неприязнь, сплетни и все, что можно назвать наследием долгой рабской жизни женщины-крестьянки, здесь, хотя и в подавленном виде, иногда еще вырываются наружу».

При «Красной роще» находились лучшие в Ирбитском округе ясли, так что, по словам Коновалова, матери «теперь целый день свободны от держания за подол, от детских капризов и целого ряда других материнских забот. Они спокойно работают в поле и дома по хозяйству». Молодежь школьного возраста училась в Ирбите. Правда, признавал журналист, во внутренней жизни коммуны имелись недочеты: не было еще окончательного вытравлено чувство, что «своя семья, пьянка и частичное лентяйство милее коллектива»[8].

Однако это была лучшая коммуна Ирбитского округа, ради объективности покажем как обстояло дело в одной из худших — «Красной звезде» Еланского же района. В ноябре 1926 г. в окружной газете появилась заметка, что ее председатель Карташев, напившись, избил свою жену, члена сельсовета. В начале следующего года было проведено обследование коммуны. Обследователи отметили: «1. Тяжелые жилищные условия, как-то: малая жилая площадь (сильная утесненность), ветхость построек и, в связи с этим, отсутствие гигиенических необходимых условий, 2. Слабая обеспеченность одеждою и обувью. Здесь имеются такие случаи, что за отсутствием исправной обуви и верхней одежды дети не ходят в школу. Одежда большой частью изношена и некоторые коммунары не имеют теплой одежды, не говоря уже о нижнем белье; 3. Питание не удовлетворяет членов. Недостаточность питания в сильной степени отражается на детях, которые все до единого имеют испитой вид, или вид полуголодного ребенка. Наравне с материально-бытовыми условиями, в плачевном состоянии и культурно-политическая жизнь». Все культурные начинания в коммуне гибли за отсутствием материальных возможностей. Поведение коммунаров не многим отличалось от

председательского; так, 7 ноября 1926 г. в праздник, устроенный коммуной для съезжих гостей, произошла пьяная драка, которую затеяли коммунисты[9].

Коммуны занимали особое положение, но в это время стала иной и остальная неколлективизированная деревня. «Большой хозяйственный сдвиг, — писал П.Бажов: — не мог не отразиться на быте деревни». Правда дер. Любина Байкаловского района, которую летом 1928 г. посетил Павел Петрович, шла впереди других ирбитских деревень по пути социалистических преобразований, но происходившие в ней изменения совершались и в других деревнях. Быт этого времени Бажов назвал пестрым: «Октябрину он превращает в Октю, откуда то вытащенную Брунгильду в обыкновенную Груньку, Кима — в Тимшу, Владилена — в Ладьку.

Почем зря лупят матери ребятишек, но таких матерей уже «стыдят» на «делегатском» (собрании женщин. — А.Е.). Скачущему по петушьи ячеешному «подкручивают гайку». Справляют свадьбы по-новому, а на другой день бьют горшки вовсе по-старому. Над этим смеются.

Мрут Окти и Кимы от летних ребячьих поносов почти так же, как мерли Катьки и Ваньки. Сплошь и рядом тащится мать с больным ребенком к соседке, к пожарнице, около которой вечерами куча ребячья. Но и здесь начинает пробиваться новая струя детских ясель: и предохраняет и предупреждает.

В густом, застарелом бурьяне пробиваются молодые побеги нового быта. На официальном языке это переводится так: в 28 году из семи родившихся в Любиной все не крещены. В книге загса имена: Октябрина, Лена, Роза, Клара, Адольф, Гиацинт, Брунгильда. Из умерших в прошлом году 9 мужчин и 4 женщин с попом хоронили только одного старика и старуху»[10].

Готовя отчет правления Ирбитской окрколхозсекции за 1927/28 хозяйственный год, заместитель председателя С.Быков, касаясь бытовых проблем, писал: «Систематической плановой работы среди женщин и молодежи в колхозах не проводится, что является, безусловно, крупным недостатком в бытовой жизни, так как судя из опыта текущего года первопричиной текучести членского состава в большинстве случаев являются мелкие конфликты, недоразумения среди женщин, раздуваемые в последствии в открытую ненависть и вражду среди членов, влекущую за собой выход из членов коллекти-

ва. Из разговоров с исключенными членами колхозов часто приходится убеждаться, что вышел только потому, что его жена не пожелала остаться в колхозе. Воспитательной работе среди женщин и улучшению их хозяйственно-бытовых условий должно быть уделено больше времени, чем это было до настоящего времени. Только организованное общественное питание, хлебопечение, прачечные, бани, детские дома, дет[ские] площадки и ясли смогут разгрузить женщину от кочерги и ухвата, от пеленок и привлечь ее внимание к необходимости заняться воспитанием и самообразованием»[11].

В октябре 1928 г. состоялся пленум окружного комитета ВКП(б). Выступая на нем с речью о состоянии колхозного строительства в Ирбитском округе, ответственный секретарь окружкома В.Баландин сказал: «Вопросы быта и культурного роста членов колхозов играют первостепенное значение. И вот стоит вопрос, как эти первостепенные вопросы жизни колхозов у нас организованы? Я должен заявить, товарищи, что это самое слабое из всех слабых мест. Возьмем, к примеру, жилищные условия для членов колхозов. Что мы там имеем? Мы имеем невыносимо трудные, нечеловеческие условия жизни коммунаров. Они живут по две-три семьи в одной комнате, если можно ее так назвать. Живут в амбарах, завознях, кладовых. Словом — живут где угодно, лишь бы не мочило дождем и не дуло ветром. И мне кажется, что наша первая обязанность — во что бы то ни стало ликвидировать эти нечеловеческие условия. Ведь каждый из нас знает, что благодаря этим нечеловеческим жилищным условиям больше всего разгорается ссор между членами коммун и членами семьи. Именно жилищные условия — беды всех бед»[12]. Из-за изменения социального состава колхозов в сторону более зажиточного крестьянства жилищные условия в следующем году несколько улучшились, однако все равно оставались весьма тяжелыми.

Первая половина 1929 г. характеризовалась развитием коллективизации вширь, таким же образом распространялись среди крестьянства и новые бытовые условия. По распоряжению Колхозцентра в колхозах были созданы культурно-бытовые комиссии, на которые возложили культурно-просветительскую работу. Переход к массовости колхозного движения в значительной степени утрировал смысл бытовых перемен, све-

дя их к «обобществлению быта»: созданию детских яслей и организации общественного питания. К середине лета 1929 г. в районе сплошной коллективизации Ирбитского округа при колхозах существовало 28 детских яслей и 14 детских площадок, имелось 25 общественных столовых, были достигнуты успехи в борьбе с религией, часть церквей закрыли, в ряде колхозов на общих собраниях приняли постановления об отмене церковных праздников и превращении их в праздники коллективного труда[13].

Наиболее подробно перемены, происшедшие в быту колхозников и даже в их психологии, были изучены в артели «Новый путь» Ирбитско-пригородного района. Говоря об этике М.Голубых и П.Широковских писали: «Обобществление средств производства и коллективная работа отразились на взаимоотношениях колхозников друг к другу и к окружающему их обществу. Несмотря на относительную молодость колхоза ярко бросается в глаза отсутствие лести и заискивания отдельных бедняков перед другими крестьянами. Теперь уже бедняк и батрак не остановится на улице для того, чтобы отвесить «низкий поклон» и тем самым оказать «честь и уважение». Батрак и бедняк знают, что никакая нужда не заставит их обратиться за материальной помощью к более обеспеченным колхозникам». По мнению авторов, в колхозе перестали сквернословить и стали меньше пить, во что верится с трудом. Из отрицательных моментов они выделили ненормальность во взаимоотношениях между партийными и беспартийными колхозниками: «Если коммунист опоздал на работу, то бригадир-беспартийный с оглядкой делает ему замечание, а то и совсем не делает замечания, предполагая, что коммунисту «все позволено». Это делается беспартийными на том основании, что коммунисты действительно часто опаздывают на работу или совсем не являются на работу, ссылаясь на то, что «был на общественной работе». Беспартийный бригадир уже не спрашивает его о том, на какой общественной работе он был. Он допускает, что коммуниста можно не заставлять заниматься непосредственно колхозной работой. У него, помимо того есть какие-то особые, «высшие» дела и обязанности, в которые «соваться» беспартийным не следует». Некоторые коммунисты-активисты придерживались мнения, что дело коммуниста командовать, но не работать.

Коллективизация перепахала и детское мировоззрение. Чтобы узнать какое «психологическое влияние» оказала колхозная жизнь на молодежь, в Гаевской школе было проведено анкетирование учащихся, им задали два вопроса: кем они хотели стать по окончании школы до вступления их родителей в колхоз и кем они хотят быть теперь. Выяснилось, что число желавших остаться крестьянином уменьшилось с 22,2% до 8,1%, стать агрономами — с 15,6% до 8,1%. Как ни странно, Голубых и Широковских с удовлетворением отметили этот печальный факт, при этом они заметили: «Характерно, что крестьянами пожелали остаться исключительно дети раскулаченных (только что исключенных их колхоза). Конфискация имущества у их родителей так подействовала на них, что они не предъявляют пока больших требований к жизни и сохраняют «скромное» желание своих родителей остаться крестьянами-колхозниками. Их идеал — возвращение на старые позиции»[14]. Как видно, с организацией колхоза престиж земледельческого труда резко понизился, что и нашло отражение в ответах детей колхозников.

О том, какие ближайшие перспективы культурно-бытовой работы виделись в то время, можно узнать из материалов о строительстве колхоза «Гигант», подготовленных к докладу председателя Ирбитского окрисполкома на второй сессии Уральского облисполкома. В них заявлялось: «Коллективизация, переводя сельское хозяйство в новые производственные формы, создавая новые социалистические производственные отношения, неизбежно влечет за собой необходимость перехода к новым формам культуры и быта, необходимость подъема на высшую культурную ступень. Эта необходимость культурного роста в настоящий момент уже ощущается самими колхозными массами». Ниже отмечалось: «Весь этот громадный процесс, конечно, не может проходить безболезненно. Нужна колоссальная работа для облегчения, для скорейшего завершения этого процесса». Провести ее должны были культурные учреждения, работавшие на территории района.

Касаясь отдельных сторон грандиозного процесса психологической ломки, составители материалов писали: «Правильная организация и оплата труда в колхозе создают условия к чрезвычайно быстрому внедрению идеи о необходимости общественного воспитания детей. Женщина стремится освобо-

диться от связывающего ее ребенка, чтобы иметь возможность зарабатывать наравне с остальными. Такое явление мы наблюдаем в существующих ныне колхозах. С переходом к высшим формам коллективизации — артелям, и особенно коммунам, — создается неизбежная потребность в использовании женского труда и сама собою появляется мысль о создании ясель и дошкольных учреждений». Правда, при этом признавалось, что «процесс перевода всего детского воспитания на общественные рельсы, или, иначе говоря, такое положение, при котором ребенок с самого раннего возраста, переходя из ясель в школьный детский дом и из него в школьный интернат, воспитываясь независимо от родителей[15], возможен все же еще пока в отдаленном будущем». Бралась установка на поворот школы лицом к колхозам и политическое воспитание в ней.

Кроме этого был затронут вопрос общественного питания. Составители писали: «В настоящий момент мы наблюдаем громадный сдвиг в области организации общественного питания в существующих колхозах. При переходе к высшим формам коллективизации — артелям, и особенно коммунам, становится совершенно очевидной бессмысленная трата рабочего времени на выпечку хлеба и стряпню каждой хозяйкой отдельно. Общественные столовые организуются стихийно. Но, к сожалению, эти столовые еще пока мало вносят улучшений в питание колхозников. Объединившись, они просто в большем количестве варят пищу, но по своему качеству она остается той же, что и раньше, когда каждая семья варила порознь. То же однообразное меню, то же отсутствие овощей[16]. Переход к массовой, а затем и к форсированной коллективизации вынудил обратить большее внимание на культурно-воспитательную работу. Свое понимание этой работы председатель правления Ирбитского окрколхозсоюза С.Колобов изложил на пленуме окружкома ВКП(б), состоявшемся в июле 1929 г. Выступая с докладом о колхозном строительстве, он сказал: «Жизнь настоятельно требует от нас проведения всех этих (культурно-воспитательных. — А.Е.) мероприятий, чтобы они были понятны каждому рядовому колхознику, чтобы колхозник и колхозница знали, где живут и для чего живут (тов. Черемных[17]: и как они должны жить). Совершенно верно, и как они должны жить»[18].

В сентябре 1929 г. в Ирбитском округе был проведен культмесячник, в ходе которого планировалось поднять культурный уровень сельского населения. Однако реальность коллективной жизни внесла свои коррективы, вынудив поставить в центр всей политико-воспитательной работы задачу перевоспитания колхозников: требовалось превратить их из мелких собственников, с психологией единоличников, в коммунаров-борцов, с психологией коллективистов. Проще говоря, нужно было, чтобы колхозник к коллективной лошади стал относиться так же, как раньше относился к своей. Возможно, тогда казалось, что это не так и сложно сделать, но ни увещевания, ни запугивания не смогли изменить природу крестьянина. По этой же причине не прижилось и коллективное сожительство с общественным питанием.

Однако перемены в культурно-бытовой жизни деревни были настолько значительны, что сравнимы с принятием на Руси христианства. Только вот последствия этих перемен далеко не однозначны.

Заключение

Колхозное движение, зародившись с установлением советской власти, прошло период подъема во время проведении политики военного коммунизма, пережило трудные для него годы нэпа, и завершилось сплошной коллективизацией единоличной деревни 1929-1932 гг.

Период 1918-1921 гг. стал временем первой, еще ненасильственной коллективизации, когда применялись в основном косвенные методы давления на крестьянство: предоставлялись различные льготы и оказывалась материальная помощь первым колхозникам. Нужно признать, что это была достаточно крупная хозяйственно-политическая кампания, закончившаяся полным провалом, стоило только советскому государству отказаться от содержания коллективных хозяйств, как крестьяне оставили их, вернувшись к единоличному хозяйствованию. В это время наметилось на юго-востоке Ирбитского уезда будущее ядро сплошной коллективизации 1929-1932 гг.

Годы нэпа стали периодом застоя в колхозном движении. Рожденные в условиях проведения политики военного коммунизма, колхозы плохо подходили к реалиям рыночной экономики. Однако местные руководители считали само собой разумеющимся, что в будущем произойдет возвращение к прежней хозяйственной политике и неизбежно наступит новая коллективизация. По мере укрепления советского государства, на колхозы стали обращать больше внимания, но несмотря на это ирбитские коммуны продолжали прозябать все 20-е годы, существуя лишь за счет государственной поддержки.

Весна 1928 г. положила начало новому этапу колхозного движения. Особые успехи были достигнуты на юго-востоке Ирбитского округа, где был создан крупнейший в стране кол-

хоз — коммуна «Гигант». К весне 1930 г. в Ирбитском округе был достигнут самый высокий уровень коллективизации по Уральской области (87,5%). Массовое вступление крестьянства в колхозы было вызвано не только безудержным насилием, но и тем, что часть сельского населения поддалась на заманчивые обещания сытой жизни колхозного будущего. При этом нужно признать, что значительная доля ответственности за форсирование коллективизации с осени 1929 по весну 1930 г. лежит и на местных руководителях, которые в своем рвении опережали спускаемые сверху директивы. События весны 1930 г. смели все достижения Ирбитского округа: произошел массовый выход крестьянства из колхозов, распались и скороспелые районные коммуны, и основательно создаваемый «Гигант». На завершающем этапе сплошной коллективизации, с осени 1930 г., Центральное Зауралье особо ничем не выделялось (исключение составил Туринский район), поблекнув, как и вся страна.

В ходе коллективизации был не просто навязан новых способ хозяйствования, она полностью перепахала всю деревню: сломала устои сельской жизни и поставила вчерашнего крестьянина в совершенно новые для него условия. Во второй половине 20-х годов власти пошли на искусственное обострение политической ситуации в деревне, натравив неимущую часть крестьнства на более зажиточную. Имевшиеся ранее колебания (заигрывание с культурниками, поощрение «здорового накопления в недрах крестьянского хозяйства» и т.п.) были отброшены и ставка однозначно сделана на «слабую» часть деревни. Именно беднота стала основной опорой советской власти в деревне, опора была довольно шаткая, подверженная сиюминутным колебаниям, но в общем-то надежная, так как в конечном итоге именно ее интересы выражала власть. Беспристрастный анализ вынуждает признать, что в конце 20-х годов в ирбитской деревне не существовало кулачества, кампания раскулачивания вылилась в ликвидацию наиболее зажиточного, предприимчивого и «вредного» (с точки зрения властей и сельских активистов) крестьянства. Не менее печальные последствия имела и антицерковная кампания, опустошавшая саму душу народа. Все это проводилось самыми жестокими средствами, шла настоящая война властей против деревни. Высвобождая женщину от тягот старого быта (забот

по дому и детям), думали не о ней, а об интересах социалистического государства, на которое она обязывалась сейчас работать. Таким образом, последствия коллективизации оказались трагичны как для сельскохозяйственного производства, так и для всех сфер деревенской жизни, включая духовную.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

1. По советскому Уралу. Путеводитель. Свердловск, 1930. С. 453.
2. См.: Корнилов Г.Е. и др. История Урала. Программа, планы семинаров и методические рекомендации. Екатеринбург. 1998. С. 15.

Введение

1. См.: Голос крестьянина. 1928. 15 июля.
2. ГАвИ. Ф.188. Оп.1. Д. 9. Л.105.
3. Там же. Оп. 2. Д.15. Л.14.
4. Цит. по: Еремин А. Зауральские коммуны // Веси. 2003. № 1. С. 23.
5. ГАвИ. Ф. 188. Оп. 2. Д. 1. Л. 56-56 об.
6. ЦДООСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 942. Л.18.

Часть I.
Глава 1. **Зарождение коллективного движения**

1. Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1917-1922. Документы и материалы. М., 1990. С. 75.
2. См.: Декреты советской власти. Т. 4. С. 362-369.
3. См.: История социалистической экономики СССР. Т. 1. М., 1976. С. 305.
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 180.
5. Кооперативно-колхозное строительство в СССР. С. 344.
6. История социалистической экономики СССР. Т. 2. С. 371.
7. Документ обнаружен в ГАвИ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 91. Л.1.
8. История социалистической экономики. Т. 2. С. 371.
9. Правда. 1923. 14 нояб.
10. Кооперативно-колхозное строительство в СССР. С. 344.
11. Ефременков Н.В. Подготовка и осуществление коллективизации сельского хозяйства на Урале (1917-1932 гг.). Дисс... докт. ист. наук. Свердловск, 1969. Л. 116, 117; История народного хозяйства Урала (1917-1945). Ч.1. Свердловск, 1988. С. 35.
12. Ефременков Н.В. Указ. соч. Л. 120.
13. ГАСО. Ф. Р.-12. Оп.1. Д. 47. Л. 31; История народного хозяйства Урала. С. 54.
14. История народного хозяйства Урала. С. 68.

15. ГАвИ. Ф. 56. Оп.1. Д. 2. Л. 54.
16. Подробнее о коммуне «Муравейник», организованной хуторянами Гольского общества Пьянковской волости, см.: Еремин А. Зауральские коммуны // Веси. 2003. № 1. С. 23-24.
17. ГАвИ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 45. Л. 42.
18. Там же. Д. 16. Л. 89; Д. 45. Л. 42.
19. Караваев А., Сосновский А. Краснополянский гигант. М., 1929. С. 14.
20. См.: ГАвИ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 48. Л.1; Д. 87. Л. 8 об; Ф. 188. Оп. 2. Д. 22. Л. 134 об; Тимофеев Г. Межа умерла. М., 1929. С. 18.
21. ГАвИ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 45. Л. 23-25 об.
22. См.: там же. Д. 42. Л. 39 об; Д. 114. Л. 1-1 об.
23. Там же. Д.114. Л. 24 – 24 об.
24. См.: там же. Д. 91. Л.1.
25. См.: там же. Д. 106. Л. 9 об.
26. Там же. Ф. 196. Оп. 1. Д. 12. Л.1.
27. Там же. Л. 8 об.
28. См.: там же. Ф. 50. Оп.1. Д. 12. Л. 3, 5, 7.
29. Подробнее о коммуне «Освобожденный сибиряк» см.: Еремин А. Зауральские коммуны. // Веси. 2002. № 1. С. 11-12.
30. ГАвИ. Ф. 50. Оп.1. Д. 12. Л. 17.
31. Там же. Д. 31. Л. 5 об.
32. Подробнее о коммуне «Борец» см.: Еремин А. Зауральские коммуны. // Веси. 2002. № 3. С. 21-23.
33. ГАвИ. Ф. 50. Оп 1. Д. 13. Л. 25 об.
34. Там же. Л. 45 об. – 46.
35. См.: там же. Д. 40. Л. 6 об., 13 об., 14.
36. Там же. Д. 82. Л. 5 об., 20.
37. Там же. Д. 77. Л.10.

Глава 2. **Коммуны Ирбитского округа в годы нэпа**

1. См.: Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979. С. 272.
2. См.: КПСС в резолюциях съездов и пленумов ЦК. Изд. 8. Т. 3. С. 416-430.
3. См.: Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927-1932 гг. М., 1989. С. 501.
4. Ефременков Н.В. Начало массового колхозного движения в уральской деревне // Исторические записки. Т. 74. М., 1963. С. 43.
5. ГАвИ. Ф. 200. Оп.1. Д. 57. Л. 267 об. – 268.
6. Там же. Ф. 192. Оп.1. Д. 27. Л.183.
7. Бюллетень. 1924. № 13. 8 сент.
8. ГАвИ. Ф. 192. Оп.1. Д. 25. Л.14 об.
9. См.: там же. Ф 200. Оп. 1. Д. 50. Л. 20, 26 об. – 27 об.
10. Там же. Ф. 192. Оп. 1. Д. 28. Л. 53, 55, 58-59.
11. Там же. Ф. 188. Оп. 2. Ф. 22. Л. 134 об., 135, 138.
12. Там же. Ф. 192. Оп. 1. Д. 61. Л. 3 об.
13. Там же. Д. 27а. Л. 26 об.

14. Там же. Ф. 200. Оп.1. Д. 77. Л. 349 – 350.
15. Там же. Л. 371.
16. Голос крестьянина. 1928. 15 июля.

Глава 3. **Сплошная коллективизация ирбитской деревни**

1. См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929. М., 1999. С. 213 – 214.
2. История социалистической экономики СССР. Т. 3. М., 1977. С. 351.
3. См.: Правда. 1988. 26 авг.; Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 758-761.
4. См.: КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 384-386.
5. См.: Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. В 4-х тт. / Т. 1. 1918-1922 гг. М., 1998. С. 18.
6. История крестьянства СССР. История советского крестьянства. В 5-ти тт. /Т. 2. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927-1937. М., 1986. С. 169.
7. История народного хозяйства Урала (1917-1945). Ч.1. С. 116.
8. Ефременков Н.В. Указ. соч. С. 46.
9. См.: там же. С. 47, 50-52.
10. Уральский рабочий. 1930. 7 янв.
11. Уральская новая деревня. 1930. № 11. С. 14; Ефременков Н.В. Указ. соч. С. 56.
12. См.: Ефременков Н.В. Указ. соч. С. 59-61.
13. ГАвИ. Ф. 188. Оп. 2. Д. 15. Л. 14; РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 10. Д. 34. Л. 98.
14. РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 10. Д. 34. Л. 98.
15. Там же.
16. Большевик. 1929. № 19. С. 70.
17. Караваев А., Сосновский А. Указ. соч. С. 16.
18. Голос крестьянина. 1928. 12 окт.
19. ГАвИ. Ф. 188. Оп.1. Д. 2. Л.19,19 об.
20. Подробнее о коммуне им. тов. Сталина см.: Еремин А. Районные гиганты // Веси, 2004. № 2.
21. На аграрном фронте. 1930. № 7-8. С. 87.
22. Цит. по: Бажов П. Пять ступеней коллективизации. Свердловск; М., 1930. С. 78.
23. Голос крестьянина. 1929. 24 апр.
24. ГАРФ. Ф.1235. Оп. 13. Д.18. Л. 134 об.
25. РГАЭ. Ф. 7446. Оп.10. Д. 9. Л.71.
26. ГАвИ. Ф. 188. Оп.1. Д.19. Л.80.
27. РГАЭ. Ф. 7446. Оп.10. Д.128. Л.129 об.
28. Голос крестьянина. 1929. 4 авг.
29. ГАвИ. Ф. 183. Оп.1. Д.101. Л. 40.
30. Там же. Д. 30. Л. 86-86 об.
31. Голос крестьянина. 1929. 29 нояб.
32. ЦДООСО. Ф. 8. Оп.1. Д. 928. Л. 78.

33. ГАСО. Ф. 922. Оп. 1. Д.11. Л. 37.
34. ГАвИ. Ф. 188. Оп.1. Д. 23. Л. 22.
35. На аграрном фронте. 1930. № 7-8. С. 86-87.
36. См.: ГАвИ. Ф. 188. Оп.1. Д. 3. Л. 41-50.
37. Голос крестьянина. 1929. 25 дек.
38. Имеется в виду Всесоюзное совещание районов сплошной коллективизации, проходившее в Москве 11-14 января 1930 г.
39. ГАвИ. Ф. 188. Оп. 2. Д.15. Л.17-18.
40. Там же. Ф. 200. Оп. 1. Д.120. Л. 505-506.
41. На аграрном фронте. 1930. № 7-8. С. 87-88.
42. ГАвИ. Ф. 406. Оп. 1. 60. Л. 41 об.
43. Там же. Д. 59. Л.10 об.
44. Там же. Ф. 284. Оп.1. Д. 30. Л. 81.
45. Там же. Ф. 188. Оп. 2. Д. 15. Л. 15.
46. Там же. Ф. 284. Оп.1. Д.18. Л.181.
47. Там же. Ф. 406. Оп. 1. Д. 60. Л. 6.
48. Там же. Ф. 284. Оп. 1. Д. 18. Л. 181.
49. Там же. Ф. 406. Оп.1. Д. 60. Л. 9-10.
50. Там же. Л.13.
51. Там же. Л. 8.
52. ЦДООСО. Ф. 8. Оп. 1. Д.1141. Л. 41.
53. ГАвИ. Ф.188. Оп. 2.15. Л.3.
54. См.: Уральская новая деревня. 1930. № 11. С. 13-14.
55. Коммунар. 1930. 2 июня.
56. Там же. 4 июня; ГАвИ. Ф. 230. Оп. 1. Д. 10. Л. 173.
57. Коммунар. 1930. 4 мая; ГАвИ. Ф. 406. Оп. 1. Д. 60. Л. 42.
58. Коммунар. 1930. 4 июня.
59. ГАвИ. Ф. 230. Оп. 1. Д.10. Л. 175.
60. См.: Правда. 1988. 16 сент.
61. См.: КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 559-560.
62. История социалистической экономики. Т. 3. М., 1977. С. 375.
63. См: Ефременков Н.В. Колхозное строительство на Урале в 1931-1932 гг. // Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала. Сб. 2. Свердловск, 1968. С. 3-87; Плотников И.Е. О темпах и формах коллективизации на Урале // Отечественная история. 1994. № 3. С. 89.
64. ГАвИ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 4. Л. 214.
65. Там же. Ф. 463. Оп. 2. Д. 42. Л. 27; Коммунар. 1931. 24 июля; 7 нояб.
66. ГАвИ. Ф. 473. Оп. 1. Д.10. Л. 3; Д.11. Л. 53.
67. Там же. Ф. 794. Оп.1. Д. 53. Л. 79; Д. 58. Л. 73; Д. 59. Л.154; Д. 68. Л. 1об.
68. Там же. Д. 68. Л. 6 об.
69. Там же. Ф. 911. Оп. 1. Д.14. Л. 22; Д.15. Л.172; Д. 24. Л.15 об.
70. Та же. Ф. 665. Оп. 1. Д. 24. Л.72; Д. 29а. Л. 6-7; Д. 47. Л. 131; Д. 52. Л.14-15.

Часть II.
Глава 1. **Политическая борьба в деревне**

1. См.: Документы свидетельствуют. С. 21-23.

2. Цит. по: там же. С. 37.
3. ГАвИ. Ф. 172. Оп. 2. Д. 45. Л. 23.
4. Там же. Ф. 194. Оп. 1. Д. 37. Л. 30 об., 75.
5. Там же. Ф. 51. Оп. 3. Д. 108. Л. 3.
6. Там же. Ф. 200. Оп.1. Д. 121. Л. 55.
7. Там же. Ф. 123. Оп.1. Д. 75. Л.74.
8. Голос крестьянина. 1929. 26 апр.
9. Там же. 24 марта.
10. См.: ГАвИ. Ф. 284. Оп. 1. Д.101.
11. Там же. Ф. 406. Оп. 1. Д. 59. Л. 13.
12. Там же. Ф. 284. Оп. 1. Д. 39. Л. 6.
13. Караваев А., Сосновский А. Указ. соч. С. 70-73.
14. ЦДООСО. Ф. 8. Оп.1. Д. 942. Л. 114.
15. Уральский коммунист. 1929. № 14. С. 24.
16. Уральская новая деревня. 1930. № 9-10. С. 8.
17. Голос крестьянина. 1929. 18 дек.
18. На аграрном фронте. 1930. № 7-8. С. 89-90.
19. ГАвИ. Ф. 230. Оп.1. Д. 21. Л. 64 об.

Глава 2. **Раскулачивание и антицерковная кампания**

1. Документы свидетельствуют. С.51.
2. СУ. 1926. № 75. Ст. 577.
3. СЗ СССР. 1925. № 26. Ст. 183.
4. Там же. 1927. № 60. Ст. 609.
5. СУ. 1927. № 103. Ст. 693.
6. ГАвИ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 85. Л. 2 – 2 об.
7. См.: Голос крестьянина. 1929. 10 мая.
8. ГАвИ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 97. Л. 99 – 99 об.
9. Голубых М., Широковских П. Хозяйство, труд и быт сельскохозяйственной артели «Новый путь» (Опыт монографического исследования сельскохозяйственной артели «Новый путь» Ирбитского округа Уралобласти). Свердловск, 1930. С. 32.
10. ГАвИ. Ф. 200. Оп.1. Д. 71. Л. 276 об.
11. Голос крестьянина. 1929. 19 июля.
12. Там же. 15 сент.
13. ГАвИ. Ф. 188. Оп.1. Д. 30. Л. 61 об.
14. Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 152, 153, 166.
15. См.: Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 126-130.
16. См.: Документы свидетельствуют. С. 19, 24-29, 46.
17. См.: Ефременков Н.В. Подготовка и осуществление коллективизации сельского хозяйства Урала (1917-1932 гг.). Дисс... докт. ист. наук. Свердловск, 1969. С. 423 – 424, 433, 652.
18. См.: Документы свидетельствуют. С. 38-39.
19. ГАвИ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 3. Л. 5 об.
20. См.: там же. Л. 5-7.
21. См.: там же. Д. 21. Л. 5 об., 13 об.

22. Та же. Ф. 200. Оп. 1. Д. 97. Л. 10 об., 11 об.
23. Голос крестьянина. 1928. 3 окт.
24. См.: там же. 25 дек.
25. ГАвИ. Ф. 183. Оп. 2. Д. 22. Л. 117-117 об.
26. ЦДООСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1104. Л.13.
27. После бедняцких собраний список раскулачиваемых выносился на общегражданские собрания, затем утверждался сельсоветом и высылался на утверждение в райисполком, который тусовал раскулачиваемых по категориям.
28. ГАвИ. Ф. 183. Оп.1. Д. 93. Л. 43.
29. ЦДООСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1104. Л. 19.
30. ГАвИ. Ф. 183. Оп. 2. Д. 26. Л. 42, 50.
31. РУП – районный уполномоченный.
32. ГАвИ. Ф. 406. Оп. 1. Д. 60. Л. 20-22.
33. Там же. Л. 24.
34. Коммунар. 1930. 23 марта.
35. См.: ГАвИ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 118. Л. 139; Ф. 406. Оп. 1. Д. 60. Л. 41.
36. На аграрном фронте. 1930. № 7-8. С. 94.
37. ГАвИ. Ф. 406. Оп. 1. Д. 60. Л. 2.
38. Там же. Ф. 284. Оп. 1. Д. 18. Л. 181-182.
39. Та же. Ф. 183. Оп. 2. Д. 26. Л. 52.
40. Там же.
41. Там же. Л. 39.
42. ЦДООСО. Ф. 8. Оп.1. Д.1104. Л.14.
43. ГАвИ. Ф. 406. Оп.1. Д. 60. Л. 43.
44. Там же. Ф. 183. Оп. 2. Д. 26. Л.63.
45. Там же.
46. Там же. Л. 29.
47. На аграрном фронте. 1930. № 7-8. С. 94.
48. ГАвИ. Ф. 463 Оп. 3. Д. 52. Л. 1.
49. Там же. Ф. 183. Оп. 1. Д. 118. Л. 45, 49, 66.
50. Там же. Оп. 2. Д. 26. Л. 163.
51. Там же. Ф. 284. Оп. 1. Д. 18. Л. 182-183.
52. Там же. Ф.183. Оп. 2. Д. 26. Л. 178-179.
53. Там же. Л. 147.
54. Там же. Л. 146.
55. Там же. Ф. 665. Оп. 1. Д. 13а. Л. 104.
56. Там же. Ф. 183. Оп. 1. Д. 86. Л. 202 об.
57. Там же. Л. 226.
58. Тимофеев Г. Указ соч. С. 31.
59. См.: Голос крестьянина. 1929. 20 дек.; 22 дек.
60. См.: там же. 29 дек.
61. Священник ницинской церкви В.Кротенков за это был расстрелян, однако сама церковь продолжала функционировать до 60-х годов.
62. ГАвИ. Ф. 406. Оп. 1. Д. 59. Л. 11.
63. Там же. Ф.188. Оп. 1. Д. 30. Л. 113.
64. РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 10. Д.174. Л. 113.
65. См.: ГАвИ. Ф.183. Оп. 2. Д. 22. Л. 30-30 об., 32.

66. Там же. Л. 31.
67. Там же. Л. 34.
68. См.: там же. Оп. 1. Д. 102. Л. 213 об. – 214.
69. Там же. Оп. 2. Д. 22. Л. 35 –35 об.
70. См.: Коммунар. 1930. 28 марта.
71. См.: ГАвИ. Ф. 406. Оп.1. Д. 60. Л. 41.
72. Там же. Л. 17.
73. Там же. Л. 44-45.
74. Там же. Л. 52 об.
75. Там же. Ф. 284. Оп. 1. Д. 30. Л. 80.

Глава 3. **Роль бедноты в проведении коллективизации и раскулачивания**

1. Голос крестьянина. 1926. 5 сент.; Голубых М., Широковских П. Указ. соч. С. 34-35.
2. ГАвИ.Ф. 183. Оп.1. Д. 75. Л. 65.
3. См.: КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 231-233.
4. См.: там же. С. 250.
5. См.: там же. С. 330.
6. Голос крестьянина. 1926. 24 дек.
7. Там же. 1928. 5 окт.
8. ГАвИ. Ф. 183. Оп.1. Д. 75. Л. 68.
9. См.: Голос крестьянина. 1928. 5 окт.
10. Там же. 31 окт.
11. Там же. 7 дек.
12. Караваев А., Сосновский А. Указ соч. С. 21.
13. ГАвИ. Ф. 183. Оп.1. Д.112. Л. 13.
14. См.: Голос крестьянина. 1930. 29 янв.
15. На аграрном фронте. 1930. № 7-8. С. 96.
16. Там же. С. 97.
17. ГАвИ.Ф. 230. Оп.1. Д.10. Л.173.
18. Там же. Л.176.
19. См.: Голос крестьянина. 1928. 5 окт.; 7 окт.
20. ГАвИ.Ф. 188. Оп.1. Д.19. Л.136.
21. Голос крестьянина. 1929. 8 сент.
22. Коммунар. 1930. 2 апр.
23. Там же. 23 марта.

Глава 4. **Двадцатипятитысячники**

1. Караваев А., Сосновский А. Указ. соч. С. 11-12.
2. Голос крестьянина. 1928. 26 дек.
3. Там же. 1929. 17 апр.
4. См.: там же. 6 сент.: 15 сент.
5. Там же. 1930. 8 янв.
6. ГАвИ. Ф. 188. Оп. 2. Д. 10. Л. 48, 49.

7. Там же. Ф. 230. Оп.1. Д. 10. Л. 173. Просьба Кузнецова была удовлетворена и его назначили заведующим мельницы.
8. Там же. Д.14. Л. 93.
9. Коммунар. 1930. 6 июня.
10. См.: ГАвИ.Ф. 230. Оп.1. Д.10. Л.171-182.
11. Там же. Д.12. Л. 364.

Глава 5. **Культурно-бытовая жизнь колхозников**

1. См.: Голубых М., Широковских П. Указ. соч. С. 301.
2. ГАвИ. Ф. 50. Оп.1. Д. 62. Л. 41, 42 об.
3. Там же. Ф. 49. Оп.1. Д. 17. Л. 86 об.; Д. 183. Л.15 об.
4. Бажов П. Указ. соч. С. 17.
5. ГАвИ. Ф. 188. Оп. 2. Д. 22. Л. 143-144 об.
6. Голос крестьянина. 1928. 9 марта.
7. Там же. 1 июля.
8. См.: там же. 2 сент.
9. ГАвИ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 120. Л. 12-13.
10. Бажов П. Указ. соч. С. 69, 71-72.
11. ГАвИ. Ф. 192. Оп. 1. Д. 30. Л.146.
12. Голос крестьянина. 1928. 12 окт.
13. См.: Караваев А., Сосновский А. Указ. соч. С. 67.
14. См.: Голубых М., Широковских П. Указ. соч. С. 287- 288, 290-292, 304-305.
15. Предполагалось, что изолирование детей от родителей приведет к более одинаковому их развитию.
16. См.: ГАвИ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 30. Л. 76-82.
17. Черемных – работник Ирбитского окружкома ВКП(б), член бюро. С октября 1928 г. председатель совета Ирбитского окрколхозсоюза.
18. Голос крестьянина. 1929. 2 авг.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архивные фонды

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. 1235 — Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК).

Российский государственный архив экономики (РГАЭ)

Ф. 7446 — Всероссийский союз сельскохозяйственных коллективов (Колхозцентр).

Государственный архив Свердловской области (ГАСО)

Ф. р-12 — Екатеринбургское губернское земельное управление (гзу).

Ф. р-1633 — Екатеринбургское губернское управление советскими и коллективными хозяйствами (губсовколхоз).

Ф. р-1833 — Екатеринбургский губернский союз сельскохозяйственных и кустарно-промысловых кооперативов (губселькустсоюз).

Ф. р-922 — Уральский областной союз сельскохозяйственных коллективов (Уралколхозсоюз).

Государственный архив в г. Ирбите (ГАвИ)

Ф. 49 — Ирбитское уездное земельное управление (узу).

Ф. 50 — Туринское уездное земельное управление (узу).

Ф. 183 — Ирбитский окружной исполнительный комитет (окрисполком).

Ф. 200 — Ирбитское окружное земельное управление (окрзу).

Ф. 406 — Ирбитский окружной прокурор.

Ф. 284 — Ирбитский окружной суд (окрсуд).

Ф. 196 — Ирбитский районный союз сельскохозяйственных и кустарно-промысловых кооперативов (райселькустсоюз).

Ф. 192 — Ирбитский окружной союз сельскохозяйственных, кредитных, кустарно-промысловых и прочих кооперативов (окрселькустсоюз).

Ф. 188 — Ирбитский окружной союз сельскохозяйственных коллективов (окрколхозсоюз).

Ф. 230 — Зайковский районный колхозный полеводческий союз (райколхозполеводсоюз).

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО)

Ф. 8 — Ирбитский окружной комитете ВКП(б) (окружком).

Опубликованные источники

Докладная записка Колхозцентра в ЦК ВКП(б) о колхозном строительстве в 1928-1929 гг. // Материалы по истории СССР. Вып. 7. М., 1959.

Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927-1932 гг. М., 1989.

Раскулачивание в Зауралье (на материалах Тюменского, Ишимского, Ирбитского и Тобольского округов). 1928-1930 гг. Сб. документов. Нижневартовск, 2004.

Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930-1936 гг.). Сб. документов. Екатеринбург, 1993.

Сплошная коллективизация и раскулачивание в Зауралье: Материалы по истории Курганской области. Курган, 1995.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939: Документы и материалы. В 5-ти тт./ Т. 3. Конец 1930-1933. М., 2001.

Газеты

Гигант, газета первого межрайонного сплошного коллектива Ирбитского округа. 1929.

Голос крестьянина (с 1930 г. — Коммунар), орган Ирбитского окружкома ВКП(б) и окрисполкома. 1929, 1929, 1930.

Правда, орган ЦК и Московского комитета ВКП(б). 1929, 1930.

Сеялка, орган Байкаловского, Еланского и Знаменского райкомов ВКП(б) и райисполкомов. 1928.

Уральская областная крестьянская газета (с 1930 г. — Колхозный путь), орган Уралобкома ВКП(б). 1929, 1930.

Журналы

Большевик, политико-экономический двухнедельник ЦК ВКП(б). 1929.

Веси, литературно-художественный, историко-краеведческий журнал. 2002, 2003, 2004.

На аграрном фронте, орган Аграрного института Коммунистической академии и Всероссийского общества аграрников-марксистов. 1930.

Уральская новая деревня, орган Союза союзов сельскохозяйственной кооперации Урала. 1929.1930.

Уральский коммунист, орган Уралобкома ВКП(б). 1929, 1930.

Хозяйство Урала, политико-экономической журнал Уральского облисполкома. 1929.

Литература

Бажов П.П. Пять ступеней коллективизации. Свердловск, М., 1930.

Базаров А.А. Кулак и агрогулаг. Ч.1. Челябинск, 1991.

Голубых М., Широковских П., Хозяйство, труд и быт сельскохозяйственной артели «Новый путь» (Опыт монографического исследования сельскохозяйственной артели «Новый путь» Ирбитского округа Уралобласти). Свердловск, 1930.

Еремин А.С. Зауральские коммуны // Веси. 2002. № 1, 3, 2003, № 1, 2, 4.
Он же. Ирбитская доколхозная деревня. Екатеринбург, 1998.
Он же. Коллективизация Слободо-Туринского района // Слободо-Туринский край в истории Отечества. Екатеринбург, 2002.
Он же. Районные гиганты // Веси. 2004. № 2, 3.
Он же. Уральская доколхозная деревня. Землепользование, хозяйство, быт // Веси. 2002. № 2.
Еремин А.С., Корнилов Г.Е. Коллективизация ирбитского крестьянства // Ирбитский край в истории России. Екатеринбург, 2000.
Еремин А.С., Корнилов Г.Е. Полигон социализма в деревне // Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000.
Караваев А. За серьезное обсуждение основных вопросов коллективизации деревни // Уральский коммунист. 1929. № 18-19.
Он же. Классовая борьба в условиях сплошной коллективизации // Уральский коммунист. 1929. № 15.
Он же. От карликовых колхозов — к колхозу-гиганту (Уральская деревня на социалистической стройке) // Большевик. 1929. № 19.
Он же. Хозяйственные проблемы в условиях сплошной коллективизации // Уральский коммунист. 1929. № 16.
Караваев А., Сосновский А. Краснополянский гигант (Краснополянский район сплошной коллективизации). М., 1929.
Караваев А., Шумских И. Извращения и головотяпства как они есть (Уроки колхозного строительства Краснополянского «Гиганта») // На аграрном фронте. 1930. № 7-8.
Киселев А. Колхозное строительство и наши задачи // Уральский коммунист. 1929. № 20.
Котельников Ф. Кто же инициатор и организатор колхозов. (Отклик на статью тов. Караваева.) // Уральский коммунист. 1929. № 16.
Лапаев. Как живет, работает колхоз «Гигант» // Уральская новая деревня. 1930. № 1.
Мунаев. Роль Ирбитской парторганизации в сплошной коллективизации // Уральский коммунист. 1929. № 17.
Плотников И.Е. О темпах и формах коллективизации на Урале // Отечественная история. 1994. № 3.
Степанов Н. О районах сплошной коллективизации сельского хозяйства Урала // Уральская новая деревня. 1929. № 16.
Тимофеев Г. Межа умерла. М., 1929.
Фрумкина Ф. Трудности колхозного строительства. (На пути к «Гиганту».) // Уральский коммунист. 1929. № 14.
Чеманов. О районах сплошной коллективизации на Урале. (Отклик на статью тов. Караваева.) // Уральский коммунист. 1929. № 17.
Энге. Колхоз «Гигант» — лучший очаг социализма // Уральская новая деревня. 1929. № 19-20.

СОДЕРЖАНИЕ

Еремин А.С.

«ВСЯКИЕ ЗАКОНЫ ОТПАДАЮТ...»

Коллективизация Ирбитского округа Уральской области

Компьютерная верстка *С.Недвиги*
Компьютерный набор *Л.Чусовитиной*

Изд. лиц. ИД № 04401 от 26.03.01.

Подписано в печать 22.02.05. Формат 70×90 $^1/_{32}$.
Бумага *ВХИ*. Гарнитура *School Book*.
Усл. печ. л. 5,4. Уч.-изд. 7,1. Тираж 500 экз.

Банк культурной информации.
620026, Екатеринбург, ул. Р.Люксембург, 56.
Тел./факс +7(343) 251-65-26.

БАНК КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ